

ВАН ИЛЬСЕН

У ИСТОКОВ

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО
УЗБЕКИСТАНА

XX-НАЧАЛО XX ВЕКОВ

Издательство
литературы и искусства
имени Гафура Гуляма

ВАНИЛЬСЕН

У ИСТОКОВ
СОВРЕМЕННОГО
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
УЗБЕКИСТАНА

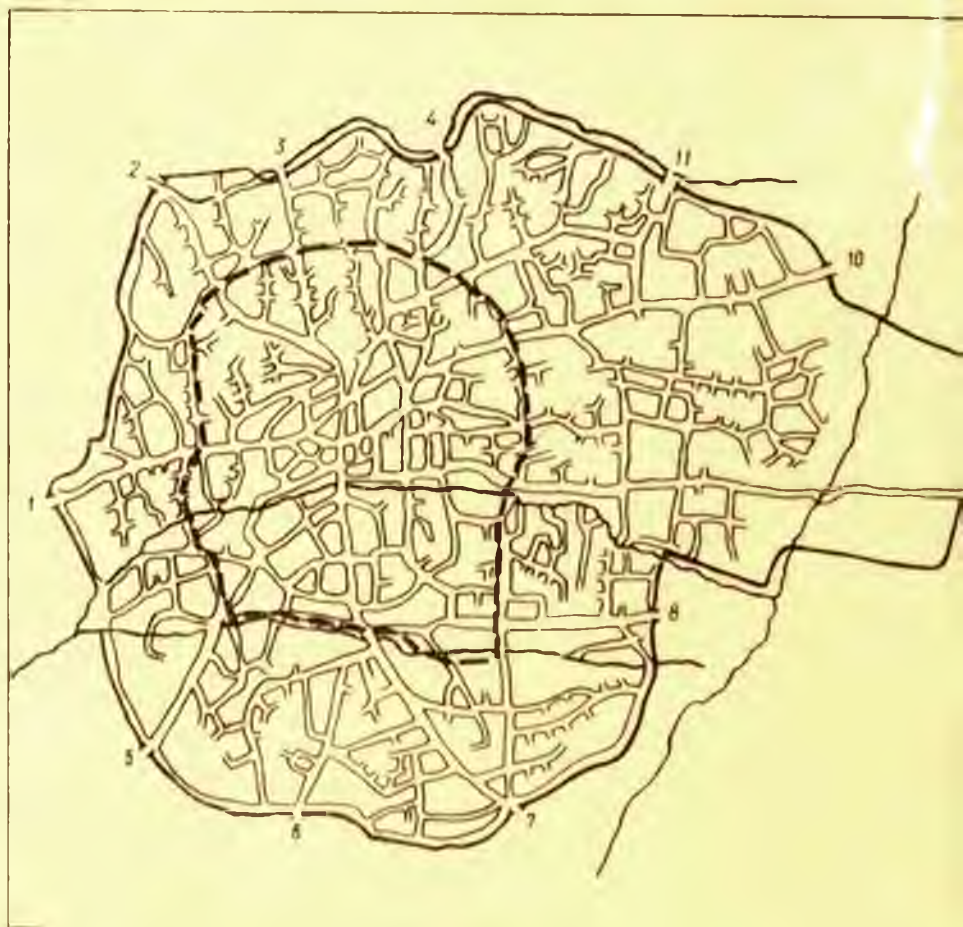
/ХЕИНИЛОЖИ БЕКЪ/

ВАНШЬСЕН
У ИСТОКОВ
СОВРЕМЕННОГО
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
УЗБЕКИСТАНА

Книга профессора В. А. Нильсена рассказывает о новых веяниях в архитектуре и строительстве городов Узбекистана XIX — начала XX вв., вызванных появлением новых социальных отношений и новой культуры после присоединения Средней Азии к России, имевшего большое прогрессивное значение. Книга популярна и заинтересует всех, кто любит историю наших городов, историю их архитектуры.

У ИСТОКОВ

Ташкент
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма 1988

В.А.Нильсен

СОВРЕМЕННОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА УЗБЕКИСТАНА

/ XIX-НАЧАЛО XX ВЕКОВ /

Социальные и культурные пред-
посылки

Ташкент

Старый город
Новый город

Самарканд

Города Ферганской долины

Коканд
Новый Маргелан
Наманган
Андижан

Каган-Бухара

Хива

Архитектурные итоги

КНИГА ПОДГОТОВЛЕНА ТАШКЕНТСКИМ ПО-
ЛИТЕХНИЧЕСКИМ ИНСТИТУТОМ ИМЕНИ АБУ
РЕЙХАНА БЕРУНИ

85.118(У)
Н 66

Нильсен В. А.

У истоков современного градострои-
тельства Узбекистана (XIX— начало
XX веков). — Т.: Изд-во лит. и искусства,
1988. — 208 с.

В книге рассказано о строительстве городов Узбекистана в конце
XIX — начале XX вв., их архитектуре. Популярное изложение ма-
териала доступно для широкого читателя, интересующегося исто-
рией развития городов.

ББК 85.118(2У)

4902030000—124

Н ————— 114—88

М 352 (04) — 88

ISBN 5—635—00009—6

© Издательство литературы и искусства имени Га-
фура Гуляма, 1988 г.

Еще относительно недавно всю среднеазиатскую архитектуру XIX — начала XX вв. оценивали отрицательно. В ней находили только черты эклектики в сочетании с очень низким уровнем технического осуществления. Это якобы было следствием экономического и культурного упадка, вызванного проникновением в Среднюю Азию капиталистических отношений с тех пор, как она стала окраиной колонией царской России. В архитектуре среднеазиатских городов того времени якобы преобладало увлечение мишурой, дешевыми видами декора, выполненными безвкусно.

Такое отношение к архитектуре Туркестана можно объяснить, с одной стороны, традиционным отношением к культуре тех лет, как явлению упадочнического порядка, с другой стороны, подобную оценку вызывало невольное сравнение сооружений XIX — начала XX вв. с величественными ансамблями Самарканда, Бухары и других городов, возникшими во времена расцвета средневековых среднеазиатских государств. Формальный анализ, основанный на сравнении размеров построек или качества декоративной отделки, безусловно, был не в пользу архитектуры интересующего нас периода.

И все же практические задачи современной архитектуры в середине 30-х годов вызвали внимание к народной архитектуре XIX — нач. XX вв. Советская архитектура среднеазиатских республик встала на путь освоения национального наследия, следовательно, возрос интерес архитекторов, искусствоведов, этнографов, в первую очередь работающих в Узбекистане, к народному наследию, к опыту работы народных мастеров. В периодической архитектурной печати появилось несколько специальных статей. Изучение местной народной архитектуры XIX — начала XX вв. еще больше активизировалось в последующие десятилетия, появился ряд ценных и солидных монографических исследований о зодчестве отдельных районов или локальных школ. Сведения об этой архитектуре начинают занимать значительное место в трудах обобщающего характера. Здания начинают подвергаться физико-техническим обследованиям, в них выявляют полезные приемы для использования в современной проектной практике.

При большом интересе, который проявляется к архитектуре народного жилища, монументальной архитектуре (кроме архитектуры Хивы) уделяют значительно меньше внимания и еще меньше — архитектуре новых городов, которая стала развиваться в крае после присоединения его к России. Серьезное исследование истории становления новой архитектуры содержат статьи Г. Н. Чаброва. В них есть сведения об истории строительства некоторых новых городов и особенностях планировки, уточняются время возведения отдельных построек, их прежнее назначение и принадлежность, сделана попытка дать им стилистическую характеристику. Но и это исследование не раскрывает всех сторон архитектурно-строительной деятельности конца XIX — начала XX вв., к тому же, в нем есть неточности. Сведения об архитектуре городов Туркестана в обобщающих трудах по истории советской архитектуры отдельных среднеазиатских республик, в трудах по всеобщей или русской истории градостроительства и архитектуры, не только очень кратки, но иногда не верны и тенденциозны.

Так, в книге «Русская архитектура конца XIX — нач. XX века», в которой много ценных сведений и мыслей об архитектурной жизни центральных городов России, раскрываются ее прогрессивные черты, архитектура и градостроительство Средней Азии освещаются неверно, заметна определенная тенденция ее принизить:

«Характерной чертой застройки новых и реконструкции старых районов было игнорирование местных климатических особенностей, национальных бытовых условий, а также исторически сложившихся архитектурных и градостроительных приемов. Местные строительные материалы — кирпич и саман — при строительстве были заменены деревом, доставляемым издалека по железной дороге или на лошадях. Эти дома, украшенные затейливыми крылечками и резными карнизами, покрывались к тому же железом и в течение многих месяцев в них стояла невыносимая духота».

Эту цитату авторы книги позаимствовали в журнале «Зодчий» (№ 28 за 1903 г.). Но ведь такое некритичное использование неправильных сведений свидетельствовало лишь о том, что они плохо знают среднеазиатские города (см.: Е. А. Борисова, Т. П. Каждан. «Русская архитектура конца XIX — начала XX века». М., 1971, с. 60).

Конечно, такая неосведомленность и недостаточное знакомство с архитектурой новых городов не позволили создать цельную картину архитектурной деятельности в этом обширном регионе.

В то же время исторические и историко-культурные исследования наглядно показали прогрессивное значение присоединения Туркестана к России и последствия этого присоединения в развитии и изучении края, в деятельности различных научных обществ, в развитии здравоохранения, образования. В этом немалую роль

сыграла дружба передовых представителей русского народа с коренным населением Туркестана. Эта дружба способствовала и развитию прогрессивных сторон зодчества — одного из самых необходимых и популярных видов человеческой деятельности.

Познание архитектуры и градостроительства конца XIX — начала XX вв. чрезвычайно важно, так как это фактическая основа и архитектурный фон, который достался после Октябрьской революции молодому Советскому государству и наложил большой отпечаток на все последующее архитектурное строительство. Нам достались в наследство многие положительные принципы местного градостроительства, связанные с выработанными приемами учета жаркого климата, эти же принципы нашли отражение в объемной композиции жилых и общественных зданий. На службу Советскому государству пришли многие талантливые инженеры и архитекторы, уже имевшие большой опыт проектирования и строительства в местных условиях. Их вклад в решение многих проблем во многом определил и направление советской архитектуры в первые послеволюционные годы.

Эти моменты мы постарались раскрыть в статьях, посвященных творчеству отдельных дореволюционных архитекторов, опубликованных в местных журналах.

В предреволюционное время архитектура развивалась в сложных переплетениях реакционных и прогрессивных черт, социальных и классовых моментов, а потому имела много существенных недостатков. Все это досталось в наследство советской архитектуре и требовало быстрого преодоления. Осложняли развитие новой архитектуры деление города на старый, населенный коренными жителями, и новый, населенный пришлыми людьми из центральных районов России, наличие довольно обширных «трущоб», населенных рабочим людом, располагавшихся вблизи железной дороги и промышленных предприятий.

Автор настоящего исследования стремится показать действительную картину состояния местного строительства в дооктябрьский период. Актуальность этого труда вызвана, кроме других причин, большими реконструктивными изменениями, которые происходят в среднеазиатских городах, бурным современным строительством, которое коренным образом меняет облик этих городов. Это особенно заметно в Ташкенте, подвергнувшись после землетрясения 1966 г. коренной реконструкции.

В основу нашего исследования положено изучение литературных источников, современных и опубликованных в дореволюционное время, в которых есть сведения о постройках, архитекторах, истории возникновения новых городов, а также о культурной и общественной жизни в них.

Использованы материалы Центрального государственного военно-исторического архива в Москве, Центрального государственного исторического архива УзССР (фонды строительных отделений при областных управлениях), а также материалы архивов Музея истории народов Узбекистана АН УзССР и областных музеев.

Для анализа архитектурного строительства дореволюционного Туркестана большое значение имело ознакомление с постройками на месте, их фотофиксация и архитектурные обмеры. Существенную помощь автору в обмерах оказали преподаватели кафедры истории и теории архитектуры политехнического института С. Е. Качурина, Г. Ф. Гришина, А. М. Бокарева, Ю. З. Шваб, А. В. Гаузен, в сборе архивных материалов — А. А. Хусайнова (Самарканд) и А. Зияев (Ташкент). Автор выражает им искреннюю благодарность.

Социальные и культурные предпосылки

Фактом, который определил экономическое, политическое и культурное развитие Средней Азии во второй половине XIX века и всю ее дальнейшую судьбу, было присоединение ее к России. Процесс завоевания Туркестана широко освещен в современной научной исторической литературе, получил четкую марксистскую оценку. Поэтому, не останавливаясь на сложных и разнообразных перипетиях процесса завоевания, для того, чтобы были понятными наши дальнейшие рассуждения, отметим краткую политическую структуру Туркестанского края после завоевания и некоторые моменты, способствовавшие этому завоеванию.

Относительная легкость, с которой царским войскам удалось завоевать Среднюю Азию, объясняется несплоченностью владетелей ханств — Бухарского, Кокандского и Хивинского, междоусобицами, которые осложнялись борьбой местных феодалов против своих сюзеренов. Эти распри препятствовали восстановлению экономики, культуры и политического единства, разрушенных во времена глубочайшего социального и политического кризиса XVIII — начала XIX вв. Восстановлению экономики и культуры, на старой местной основе, препятствовали также произвол местных властей и нещадная эксплуатация трудового народа.

Завоевание Средней Азии имело типически колониальный характер. Здесь царизм удовлетворял интересы дворянско-помещичьей верхушки и русской буржуазии в приобретении новых рынков и источников сырья для развивающейся капиталистической промышленности. И завоеванный Туркестан был колонией чистейшего типа.

Завоевание южных районов Средней Азии длилось около 20 лет. К концу восьмидесятых годов уже определилась ее новая политическая структура. Это был так называемый Туркестанский край, во главе с генерал-губернатором, наделенным весьма большими полномочиями и находившимся постоянно в столице края — Ташкенте.

После установления границ с Бухарой в состав края входили Сырдарьинская и Самаркандская области (последняя до 1886 г. называлась Заравшанский округ). Несколько позже в него вошли Семиреченская область с центром в Верном (ныне Алма-Ата), и, после ликвидации в 1876 г. Кокандского ханства, — Ферганская область с центром во вновь построенном Новом Маргелане, в 1907 г. переименованном в Скобелев (ныне Фергана). В 1884 г. после того, как было окончательно сломлено сопротивление туркмен, к Туркестанскому генерал-губернаторству были присоединены районы южного Туркменистана под названием Закаспийской области с центром в г. Асхабаде. Кроме того, после мирного договора с Хивой 12 апреля 1873 г., к России отошли земли правого берега в низовьях Амударьи, где образовался Амударьинский отдел, центром которого стало вновь построенное поселение Петро-Александровск (впоследствии Турткуль).

Бухарское и Хивинское ханства, существенно сократив свои территории, продолжали существовать как вассальные государства под контролем русских консулов. Царское правительство внешне не вмешивалось во внутренние дела этих государств, но лишало их права ведения войн и заключения мира, активных политических связей с другими странами. И если

в областях, вошедших в Туркестанское генерал-губернаторство, сразу начали насаждаться новые порядки, то на землях, подвластных Хивинскому хану и Бухарскому эмиру, жизнь народа продолжала развиваться по старому пути.

Таким образом, после присоединения Туркестана к России местное население стало испытывать двойной гнет — царизма и местных эксплуататоров.

Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России общеизвестно. Этому были посвящены выступления руководящих деятелей Узбекистана в партийной печати и на общественных собраниях. Этому были посвящены специальные научные сессии¹. А проявления прогрессивности присоединения в развитии культурной жизни Туркестана нашли отражение в научных трудах видных исследователей².

Царские власти, присоединив Среднюю Азию к Российской империи, к «тюрьме народов», как ее называл В. И. Ленин, подвергнув ее нещадной колониальной эксплуатации, в то же время этим присоединением способствовали проявлению больших социальных и культурных перемен, которые ранее не могли осуществиться внутри старой феодальной Средней Азии. После присоединения в Средней Азии начался процесс развития капиталистических элементов, что имело явное прогрессивное значение в развитии новых социальных отношений. По словам В. И. Ленина, «признание прогрессивности этой роли (капитализма в социальном и экономическом развитии Средней Азии) вполне совместимо с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма»^{*}.

Хозяйственные связи, установившиеся между пришлым и местным населением в новых городах и селах, способствовали развитию товарно-денежных отношений, убыстрению процесса классовой и имущественной дифференциации общества. Создавались предпосылки появления промышленного пролетариата.

Возникновение новых городов и сел, строительство железной дороги, связавшей Среднюю Азию с центральными рынками капиталистической России и Европы, строительство промышленных предприятий, организация пароходства на Амударье и Аральском море, развитие хлопководства способствовали оживлению экономической жизни края. Туркестанский край постепенно превратился в рынок сбыта промышленных товаров и район заготовки сырья для развивающейся текстильной промышленности. Таким образом, русский капитализм в Средней Азии способствовал разрушению патриархальной замкнутости, сближению народов Средней Азии с народами России. Следовательно, с присоединением Средней Азии местное население сближалось с великим русским народом и его революционным рабочим классом — носителем марксистских идей. В этом состояло решающее значение прогрессивности присоединения Средней Азии к России, так как в этом был залог будущего действительного национального освобождения и социального развития, происшедших уже в итоге Великой Октябрьской революции. Присоединение Средней Азии способствовало и развитию культуры и науки в крае.

В свое время Средняя Азия была одним из крупнейших в мире научных и культурных центров. Средняя Азия дала миру многих выдающихся деятелей.

^{*} В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 523

Но когда во второй половине XV в. началось наступление на светскую жизнь и науку реакционных тенденций мусульманского невежественного духовенства, все стало приходить к нарастающему культурному упадку. Экономический и политический кризис XVIII — начала XIX вв. еще более способствовал утверждению религиозного догматизма, мракобесия и фанатизма, пришедших на смену учениям великих деятелей культуры и науки эпохи крупнейших среднеазиатских государств.

После присоединения к России Средняя Азия стала ареной очень интенсивных и разнообразных исследований. Передовых русских ученых привлекала возможность исследования этой огромной и богатейшей по природным данным и совершенно неизведанной страны. Мировую известность трудами о Туркестанском крае получили географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский, геолог И. В. Мушкетов, путешественник Н. А. Северцев — пламенный сторонник дарвинизма, географ, зоолог, антрополог и геолог А. П. Федченко, востоковеды В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, Н. И. Веселовский, В. А. Жуковский, положившие начало изучению истории, археологии, истории культуры местных народов.

В 1894 г. Ташкент посетил известный шведский путешественник и исследователь центральной Азии Свен Гедин, а в 1888 г. в г. Караколе умер по пути к очередному путешествию в Синьдзян Н. М. Пржевальский.

Царская администрация к исследованиям на территории Туркестанского края относилась по-разному. Некоторым начальникам края, людям, облаченным очень высокими полномочиями, например, К. П.

Фон-Кауфману, правилась роль просвещенного покровителя научных и культурных изысканий, другие относились к подобным делам сухо и настороженно, но все, безусловно, понимали необходимость изучения края — крупнейшей колонии русских помещиков и промышленников.

Приезжавшие ученые были далеки от политики, их влекли интересы бескорыстного служения науке. Положительную роль сыграли они в пробуждении научных интересов у местной русской интеллигенции, в объединении местных работников в научные общества и кружки. Эти общества внесли весьма весомый научный вклад в изучение края. Некоторые имели чисто местный характер, некоторые функционировали как туркестанские филиалы или отделения российских научных обществ (Туркестанские отделы Русского технического общества, Русского географического общества и др.).

Эти общества объединяли людей различных профессий и рангов — учителей гимназий и семинарий, врачей, инженеров, военных и даже иногда крупных чиновников. Научная и культурная деятельность этих людей свидетельствовала о существовании в дореволюционном Туркестане не только щедринских «Господ Ташкентцев», прибывших во вновь завоеванный край с целью обогащения и не брезговавших для этого никакими средствами. Была, и весьма большая, прослойка русской интеллигенции, искренне стремившаяся поднять край, служить в нем добросовестно и всеми силами способствовать улучшению жизни народа, его культурного уровня, ознакомлению со своеобразием края широких слоев европейской России.

Б. В. Лунин — современный исследо-

ватель культурной и научной жизни до-революционного Туркестана — приводит слова разжалованного в солдаты и сосланного в действующую армию в Туркестан Д. Л. Иванова (в дальнейшем ставшего известным путешественником, многогранным ученым), который в 80-х годах XIX в. писал «... В настоящее время Туркестан уже вышел окончательно из положения «terra incognita», около имени которой могли бы еще иметь место всевозможные баснословные рассказы... Немалое число серьезных ученых стоит в длинном списке исследователей в Туркестане. Большинство из них... принадлежит России»³.

Носители русской передовой культуры встречались с представителями коренного населения, относились к нему с чувством глубокой симпатии, всеми силами стремились облегчить участь, поднять его быт и культуру. Передовые люди из местной интеллигенции, лучшие представители своего народа, высоко ценили культуру и гуманизм русских. Они всегда подчеркивали большое значение новой культуры в развитии жизни в Туркестане.

Высоко ценил значение русской культуры и не отрицал ее влияния на свою деятельность великодушный представитель общественной философской мысли Туркестана Ахмед Дониш. Под влиянием передовой русской культуры проходила и весьма активная просветительская деятельность Закирджана Халмухамедова, известного по псевдонуиму Фуркат, и Мухамеда Аминходжи Мирзаходжаева, широко известного по псевдонуиму Муками. Многие передовые люди Туркестана, мировоззрение которых сложилось в дооктябрьский период, продолжали работать в советское время, став по-существу основоположниками местной социалистической

культуры и литературы. Таким был продолжатель дела Фурката и Муками — Абдулла Салих, известный под именем Завки. Таким был основоположник таджикской советской литературы Садритдин Айни и замечательный узбекский писатель, музыкант и общественный деятель Хамза Хаким-заде Ниязи.

Это только краткое перечисление местных жителей, активно сотрудничавших с деятелями русской культуры. Их было значительно больше. Сотрудничали русские и местные жители во всех отраслях человеческой деятельности, и особенно активно в архитектурном строительстве. Сотрудничество русских военных и гражданских инженеров с народными мастерами-строителями привело к взаимопроникновению архитектурных и конструктивных приемов и обогащению архитектурных традиций.

Для полноты нашего исследования среднеазиатской архитектуры второй половины XIX — начала XX вв. особенно необходимо отметить большой интерес, который вызывали у передовой русской общности памятники монументальной архитектуры минувших веков.

Сведения о среднеазиатских памятниках архитектуры начали проникать в русскую и европейскую научную литературу вместе с публикациями материалов побывавших здесь экспедиций еще в первой половине XIX в.⁴ Значительно больше внимания им стали уделять путешественники во второй половине XIX в., когда Средняя Азия подвергалась разнообразным исследованиям — географическим, геологическим, ботаническим и пр.⁵ Сведения о памятниках обязательно присутствуют во всех описаниях, посвященных Туркестанскому краю⁶.

Уже после того, как была построена Закаспийская железная дорога, начали появляться различные путеводители, которые, в основном, предназначались для туристов, которых манил экзотический Туркестанский край, для разного служилого люда, для которого переезды из города в город были связаны со служебной или коммерческой деятельностью. В путеводителях обязательно есть сведения и об архитектурных памятниках⁷, но очень отрывочно — они обычно посвящены памятникам Самарканда и отдельным памятникам в населенных местах, расположенных вдоль железной дороги.

Большое значение имело обнаружение в Южной Туркмении и изучение памятников сельджукского времени Мешхеда — Мисриан⁸ и башни Кабуса⁹. Важное место в истории среднеазиатской архитектуры заняла описанная и впервые изученная А. А. Семеновым мечеть XV в. в Анпау под Ашхабадом¹⁰, причем на основе чтения арабских надписей на стенах мечети А. А. Семенов уточнил исторические данные, относящиеся к этому памятнику. Заслуга А. А. Семенова — и историческое изучение термезских архитектурных памятников¹¹, углубление представления о них, которые сложились после первичной публикации И. Т. Пославским¹².

Появляются первые сведения о памятниках Шахрисабза, которые внесли в науку сначала А. Л. Кун¹³, посетивший этот город в 1870 г., а затем весьма любознательный военный топограф Н. Ф. Ситняковский. Последнему наука обязана сведениями о некоторых памятниках Бухары и окрестностей, в частности, комплекса построек при главной бухарской святыне — мазаре Бехаутдина¹⁴. Некоторые сведения о бухарских памятниках есть и у

И. Т. Пославского, составившего к тому же в 1886 г. прекрасный глазомерный план г. Бухары¹⁵. Появляются в это время и первые сведения о мечети в Ура-Тюбе¹⁶.

Особо необходимо отметить публикацию С. Г. Маллицкого о мечети Ходжа Ахмада Ясеви в Туркестане, как первую попытку историко-архитектурного исследования¹⁷.

Среди всех перечисленных работ, сообщаящих о памятниках архитектуры, сведения в путеводителях обычно очень краткие, путанные и часто неверные. Наиболее ценны сведения местных исследователей, но они в основном имеют исторический или этнографический характер и направлены на правильную идентификацию памятника, определение времени его строительства и определение истории лиц, связанных с их возникновением. Архитектурному анализу памятники, как правило, в то время не подвергали (за небольшим исключением), не давали им стилистической характеристики, не определяли их место в ряду других памятников. Да и с точки зрения исторических характеристик не все было гладко: встречались неправильное написание названий памятников, определение их истории на основании полуанекдотических рассказов местных жителей. И даже, несмотря на эти недостатки, объяснимые начальным этапом исследования, значение исследований громадно. Оно вводило в науку все новые и новые памятники, и когда после Октябрьской революции появились специальные государственные учреждения, ведающие учетом, исследованием, реставрацией архитектурных памятников, исследователи уже знали, в основном, большинство памятников.

Очень большую роль в изучении мест-

ных архитектурных памятников сыграли крупнейшие русские востоковеды В. В. Радлов¹⁸, В. В. Бартольд¹⁹. Последний был постоянным вдохновителем археологических и иных работ на памятниках архитектуры.

Образцом капитального исследования памятников стала поездка по руинам Закаспия проф. В. А. Жуковского, посетившего эти районы по поручению Археологической комиссии в 1880 г. Он проводил тщательную фиксацию, описание памятников, фотографировал их и делал успешные попытки определить историческое значение²⁰. Чрезвычайно важно его изучение памятников древнего Мерва.

Очень важно отметить роль художников и людей других профессий, зарисовавших или сфотографировавших многочисленные архитектурные памятники. Отметим знаменитого В. В. Верещагина, дважды посетившего Среднюю Азию в 1867—1868 и 1869—1870 гг. В первый приезд он участвовал во взятии Самарканда и последовавшей вскоре блокаде самаркандской цитадели. Пребывание в Ташкенте, Самарканде, Коканде, казахских степях, многочисленные этюды и зарисовки с натуры дали возможность создать свою Туркестанскую серию картин, в которой с большим чувством, поднимаясь до больших психологических обобщений, художник показал завоевание края, жизнь и быт местных жителей. Создав серию замечательных батальных сцен, бичуя ужасы войны («Апофеоз войны», «Смертельно раненный», «Пусть войдут», «Нападают врасплох» и др.), картин этнографического порядка («Опиумеды», «Самаркандский зиндан» и др.), он также, помимо массы этюдов, создал крупные произведения исторического жанра, на которых

присутствуют реальные памятники архитектуры — медресе Шир-Дор в картине «Торжествуют», дворик дворца «Кок-Сарай» в картине «Представляют трофеи», «Двери Тамерлана» и др. Но, воспроизводя историко-архитектурные памятники с едва ли не предельно возможной для живописца точностью, В. В. Верещагин умел в то же время отлично передать ощущение пластического объема здания, его материала, его тяжести, «органически запечатлеть его связь с пейзажем»²¹.

Рисунки памятников Самарканда, Ташкента, Коканда и других городов были опубликованы В. В. Верещагиным в специальном альбоме²².

Большое внимание памятникам среднеазиатской архитектуры уделил писатель и художник Н. Н. Каразин, познакомившийся с ними во время походов русских войск, где одно время служил²³. И если его картины, посвященные военным походам, несколько идеалистичны и декоративны, то присутствующие в них памятники выписаны чрезвычайно тщательно. Это особенно важно отметить, так как изображенные памятники сейчас — ценный документ, по которому можно судить об изменениях, происшедших за прошедшие почти сто лет.

В 1887—1888 гг. в Самарканд совершил поездку художник Л. Е. Дмитриев-Кавказский, который сделал много зарисовок городских пейзажей и, конечно, памятников²⁴.

Много раз рисовал архитектурные памятники самаркандский художник и реставратор древностей М. В. Столяров, этюды с натуры которого экспонируются во многих музеях, в том числе и в среднеазиатских²⁵.

Зарисовкой с натуры памятников ар-

хитектуры занимались не только художники-профессионалы, но и многие лица, по роду занятий не связанные с искусством, но обладающие в рисовании определенным талантом и навыками. Таким талантом и интересом к памятникам обладала верная спутница и помощница известного путешественника и натуралиста А. П. Федченко — ученый ботаник Ольга Александровна Федченко. Причем ее зарисовки, выполненные в 1869 г. — самом начале присоединения Туркестана к России, — и помещенные в Туркестанском альбоме, наглядно фиксируют сохранность памятников к этому моменту.

Весьма значительны тщательные зарисовки монументальных памятников Коканда и Самарканда, выполненные в конце семидесятых годов XIX в. Мари Бурдой.

Много зарисовок архитектурных памятников сделал уже упоминавшийся нами Д. Л. Иванов, в 1872 г. они демонстрировались среди экспонатов Туркестанского отдела Всероссийской Политехнической выставки в Москве.

В Историческом музее в Москве и Этнографическом музее в Ленинграде хранится часть коллекции акварельных рисунков памятников художника-любителя, военного инженера Д. К. Зацепина, построившего в Ташкенте ряд зданий и исполнявшего обязанности сырдарьинского областного инженера.

Об утраченных памятниках и их деталях дает возможность судить альбом карандашных рисунков, сделанных с натуры участником хивинского (1873 г.) и кокандского походов (1875 г.) капитаном Дикгофом²⁶.

Особенно ценны многочисленные фотографии памятников средневековой ар-

хитектуры в альбоме, составленном в 1871 — 1872 гг. ориенталистом А. Л. Куном. Этот альбом был составлен по поручению Кауфмана, поэтому он так и называется Кауфманский или Туркестанский альбом²⁷. В нем — масса фотографий достаточно высокого качества, как бы запечатлевших Туркестан тех лет. Здесь можно встретить виды старых городов — улицы, монументальные памятники архитектуры, первые военные и гражданские постройки в начавших строиться русских поселениях. Великолепны фотографии развалин древнего Мешхеда-Мисриан, сделанные в 1902 г. военным инженером Б. Н. Кастальским.

В трех выпусках, начиная с 1895 г., были опубликованы альбомы фотографий исторических памятников Самарканда, составленные Г. А. Панкратьевым. В них часто заглядывают современные реставраторы, пытаясь рассмотреть былой облик и утраченные части памятников²⁸.

В промежутке между 1895 и 1908 гг. Самарканд неоднократно посещает художник С. М. Дудин, и по заданию Российской археологической комиссии тщательно фотографирует архитектурные памятники. Его интересует не только общий вид памятников, он фиксирует многочисленные детали. Такое тщательное обследование позволило автору высказать некоторые соображения о специфике красочных орнаментов и техническом состоянии памятников²⁹.

Орнаментальные мотивы монументальных памятников, зданий народной архитектуры и предметов местного прикладного искусства послужили основанием для большого альбома с цветными таблицами, выпущенного в 1883 г. Н. Е. Симаковым. Альбом широко знакомил русскую общественность с декоративным искусством Сред-

ней Азии и служил основным подспорьем при проектировании и отделке зданий в «восточном духе»³⁰.

Относительно рано начинается чертежная фиксация памятников. Уже с начала семидесятых годов, а затем в девяностых годах прошлого века в Самарканде служащие военно-инженерной дистанции по распоряжению Самаркандского губернатора Н. Я. Ростовцева обмерили и сделали основные чертежи (планы, разрезы) основных памятников. Эта работа производилась для предполагаемого, но не состоявшегося «Описания самаркандских древностей», порученного А. Л. Куну. Обмерные чертежи памятников были выполнены довольно схематично, без детализации и, конечно, не передают характера зданий. Это объясняется безусловно и отсутствием предшественников в этой области и низким уровнем художественной подготовки исполнителей. Но все же эти чертежи сейчас используют как материал по истории изучения памятников, в определенной степени фиксирующий состояние памятников к началу семидесятых годов XIX в.³¹

Одним из наиболее серьезных исследований исторических памятников в до-революционный период были обширные работы художника Н. Н. Щербина-Крамаренко, приезжавшего в Среднюю Азию в 1895—1897 гг. по поручению Академии художеств. Сосредоточив основную работу в Самарканде, он, кроме того, совершил достаточно продолжительные выезды в Сырдарьинскую, Ферганскую области (1895 г.) и в Бухарские владения, вплоть до Термеза. Круг его интересов во время этих рекогносцировок был чрезвычайно широк: от фиксации крупных архитектурных памятников до зарисовок эпита-

фических надписей, фрагментов орнаментального декора, производственных построек, каркасных мечетей и типов различных национальностей, населявших Туркестан³². Особенно большое значение имеет его капитальное исследование монументальных руин мечети Биби-Ханым. Достаточно тщательные обмеры, сопровождавшиеся археологическими раскопками, позволили ему впервые восстановить первоначальный план этого уникального сооружения, дающего возможность представить себе былую объемно-планировочную композицию мечети³³. Сведения о результатах своих наблюдений Н. Н. Щербина-Крамаренко публиковал в центральных и местных изданиях³⁴, докладывал на заседании Туркестанского кружка любителей археологии³⁵.

Наиболее солидным историко-архитектурным исследованием среднеазиатских памятников было изучение в 1895 г. мавзолея Гур-Эмир экспедицией Археологической комиссии, руководимой проф. Н. И. Веселовским. Комиссия предполагала изучить и тщательно зафиксировать все самаркандские мечети, но изучала только Гур-Эмир. Результат обследования — выпущенный в 1905 г. великолепный красочный альбом³⁶, состоявший из обширной исторической справки, написанной проф. Н. И. Веселовским, и многочисленных прекрасных по качеству художественных обмеров, выполненных с натуры молодыми художниками и архитекторами Н. Н. Покрышкиным и А. В. Щусевым. Обмеры состоят из очень тщательно и тонко прорисованных сохранившихся и разрушенных частей здания, элементов многоцветного глазурованного декора, фасада и разреза входных ворот, фасадов мавзолея, разрезов с подцветкой и элементами

реконструкции внутреннего декора. Кроме того, в альбом включены красочные таблицы с изображением фрагмента знаменитых гур-эмировских дверей, каменных облицовок мозаичных многоцветных вставок. Все обмеры (кроме реконструкций внутреннего декора, где впоследствии были обнаружены некоторые неточности³⁷), помимо большого художественного значения, являются важным документом, фиксирующим состояние памятника и показывающим величие его архитектуры.

В 1905 г. проф. Н. И. Веселовский возглавил новую экспедицию, организованную Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии для архитектурных обмеров зданий и деталей мавзолея Ходжа Ахмеда Есеви в г. Туркестане, а также зарисовок майоликовой орнаментации надписей и пр. В этой работе приняли участие архитекторы и художники А. И. Горохов и А. М. Гуржиенко. Результаты работы этой экспедиции предполагалось опубликовать в виде альбома, подобно гур-эмировскому, но все ограничилось опубликованием краткого предварительного отчета³⁸.

Архитектурные памятники Средней Азии привлекали к себе многих людей самых различных профессий и интересов. Тут можно встретить и представителей официального административного аппарата, художников, археологов, ориенталистов, архитекторов-исследователей, для которых судьба памятников была связана с их профессиональным долгом. Но есть тут и военные и гражданские инженеры, чиновники, топографы, географы, просто любители, которые внесли посильную лепту в фиксацию памятников, изучение их истории.

Значительно меньшими по масштабам

были ремонт и реставрация памятников. А ведь уже ко времени присоединения края к России древние памятники монументального зодчества, кроме воздвигнутых в конце XVIII — начале XIX вв., были в весьма плачевном состоянии. Сведения о больших разрушениях и захлапленности, о безнадзорности памятников есть почти у всех путешественников и местных исследователей, посетивших старые города в конце 1860-х годов и позже. Ведавшие мавзолеями и мечетями шейхи мало заботились о поддержании и сохранении зданий, расхищая вакфные деньги, собирая с прихожан обильные пожертвования. Особенно в плохом состоянии были величественные архитектурные памятники Самарканда, города, который еще не полностью залечил раны после глубочайшего кризиса XVIII в.

Поэтому в Самарканде, уже в 1868 г., сразу после завоевания города, по распоряжению К. П. Кауфмана начали приводить памятники в порядок: укрепляли разрушавшиеся некоторые конструктивные элементы, штукатурили стены и благоустраивали прилегающую территорию. Ремонт под руководством военных инженеров вели солдаты, участвовали в нем местные народные мастера. Помощь их была особенно ценной, так как русские инженеры были незнакомы с кладкой стен на ганчевом растворе, техникой кладки сводов и другими особенностями местного строительства. Начали с Гур-Эмира. Уже к 1870 г. убрали мусор от былых разрушений, подремонтировали стены, полы, а в главном помещении мавзолея, по сохранившимся старым элементам, изготовили из белого мрамора окружающую надгробия резную решетку. На основании сохранившейся на решетке надписи в свое время

было высказано предположение об участии в изготовлении ее самаркандского мастера Уста-Баки, отца впоследствии очень популярного мастера Абдукадыра Бакиева³⁹. Характер резьбы и построения орнамента решетки явно указывает на то, что изготовлена она руками местных мастеров.

В 1871 г. военный инженер З. Э. Жижемский подвел к Гур-Эмиру дорогу, которая связывала этот памятник с крепостью и начавшим в это время застраиваться новым городом. В середине восьмидесятых годов XIX в. возле Гур-Эмира разбили небольшой садик, который сохранился до настоящего времени. В 1916 г., уже на местные средства, был переложен свод над склепом и заново переделаны каменные полы.

Погребальный ансамбль Шах-и Зинда в 1870 г. был соединен с городом новой дорогой, пробитой военным инженером А. Н. Черневским. Тогда же начался ремонт. Были приведены в порядок подходы, а в ансамбле заново устроена большая кирпичная лестница, по которой паломники и туристы поднимались к основным мавзолеям.

Кирпичом европейского формата были выложены разрушившиеся части цоколей и стен построек, и на основе древних остатков отремонтированы барабаны куполов, заделаны проломы в куполах и стенах, оштукатурены изъяны в облицовках стен и куполов⁴⁰. Когда разравнивали строительный мусор от старых разрушений внутри мавзолеев, значительно поднялся уровень полов, появилась необходимость специальных входных лестничек. Там, где купола над мавзолеями были разрушены (мавзолей Ходжа-Ахмада, мавзолей 1360—61 гг.),

были устроены плоские балочные покрытия с земляной кровлей.

Ремонт и благоустройство на Регистане как бы замкнули цикл работ русских властей на памятниках Самарканда. Начиная с 1875 г., ремонтировали кирпичные кладки в нижних частях стен и устоев, перекладывали отдельные стрельчатые своды над нишами дворовых аркад. Заново был выложен конховый свод над нишей главного портала медресе Тилля-Кори. Но самым главным было благоустройство Регистанской площади (1878 г.), когда были убраны временные ветхие торговые лавочки и площадь выложена булыжником с введением в выкладку некоторых декоративных мотивов. Тогда же, со стороны Регистанской улицы, площадь была отгорожена кирпичной решетчатой оградой.

Расширение и мощение Регистанской улицы и вновь пробитой по стратегическим соображениям улицы Серебряных рядов способствовало превращению Регистана в своеобразный общественный центр и лучшей связи этого ансамбля с другими районами города.

Весьма существенные работы были проведены в Ташкенте. Здесь почти заново было отстроено основное здание соборной мечети Джамии, на что было израсходовано 17000 руб. Это отстроенное в 1885 г. из кирпича русского формата здание имеет формы куполов и арок, отличные от традиционных⁴¹. Но включенное в структуру старой постройки и расположенное на самом возвышенном месте старого города, оно выглядело весьма внушительно, особенно со стороны рядом находящегося обширного городского рынка.

В 1902—1903 гг. было подремонтировано и рядом находящееся здание медресе-

се Кукельдаш, где кирпичом европейского образца были переложены верхние части здания, тимпаны над арочными нишами, а над угловыми башнями-гульдаста воздвигнуты декоративные минаретики-фонари⁴².

Были отремонтированы и некоторые постройки Шейхантаурского комплекса — наиболее популярной ташкентской святыни, и заново воздвигнуто купольное входное сооружение довольно приятных пропорций.

Анализируя результаты ремонтов, проведенных русскими властями со времени присоединения края к России, можно заметить, что, несмотря на привлечение местных народных мастеров, знакомых с практикой строительства традиционных монументальных сооружений, работы были далеки от полноценных, научно обоснованных реставраций. Одновременно с частым искажением формы пилонов и арок в связи с перекладкой происходила обмазка разрушившихся мозаичных облицовок ганчевой штукатуркой, ветхих и слабо державшихся частей декора⁴³. Дореволюционные ремонты довольно сильно искажали облик памятников, но в то же время в какой-то мере способствовали предохранению их от дальнейшего разрушения. Характерная особенность ремонтов состояла в том, что они были сосредоточены в основных городах Туркестанского края — Ташкенте и, особенно, в Самарканде. Памятники, находившиеся за пределами этих городов и вдали от обычных туристских маршрутов, лишены были надзора и заботы⁴⁴.

Безусловно, такая «забота» о памят-

никах архитектуры была вызвана политическими соображениями: желанием завоевать симпатию у коренного населения столичных городов и показать появившимся иностранным туристам и передовой общественности Европы свою как бы последовавшую за завоеванием прогрессивную роль.

Все эти ремонты (вначале на средства казны, а впоследствии на средства различных обществ) носили эпизодический характер, и потому не могли существенно влиять на предотвращение дальнейшего разрушения памятников. Время, землетрясения и даже люди продолжали разрушительную работу. Рушились минареты мечети Биби-Ханым, Гур-Эмира и медресе Улугбека, мраморные облицовки в портале Биби-Ханым, купол мавзолея Ишрат-ханы и пр. И даже власти не останавливались перед сносом памятника, если это вызывалось военно-стратегическими соображениями. Так, в 1883 г. в связи с реконструкцией Самаркандской крепости был взорван первоклассный мавзолей Кутби-Чахар-духум⁴⁵. Местные шейхи по дешевке продавали жадным на восточную экзотику туристам фрагменты цветных глазурованных облицовок и даже резные двери. Мало помогло прекращению злонамеренных разрушений памятников специальное распоряжение военного губернатора «О мерах против злонамеренной порчи памятников в Самаркандской области»⁴⁶. Отсутствие специального органа, ведавшего изучением, надзором над древними зданиями и их реставрацией, было присуще предоктябрьскому периоду, и это положение изменилось только после Октябрьской революции.

Ташкент

Старый город

Ташкент начал привлекать к себе внимание русского купечества и царских властей, начиная с времен Ивана Грозного. С первой половины XVIII в. он становится местом, притягивающим к себе интересы различных политических, торговых и научных миссий. Дипломатические посланники разных ташкентских правителей посещают Россию. Все это способствовало проникновению в научную литературу довольно обширных сведений о истории города, его политическом, экономическом, топографическом положении.

После 1865 г., когда Ташкент становится главным городом Туркестанского края и местом нахождения государственных и общественных учреждений, он, естественно, становится ареной более внимательного изучения как в области этнографической, лингвистической, так и в области изучения исторической топографии города. Следует, однако, отметить, что сведения по топографии старого города Ташкента в источниках разные и в большинстве случаев неточные¹.

Более точные сведения о размере старого Ташкента, его конфигурации, внутренней распланировке может дать изучение топографии города более позднего времени, его топонимики, письменных источников, и, особенно, картографического материала. Прекрасные планы г. Ташкента, его обеих частей, составленные военными топографами, отличающиеся большой точностью и тщательностью прорисовки, дают ясное представление о внутренней распланировке, системе улиц, переулков, водных протоков, площадей, размерах и конфигурации отдельных домовладений, а также положении и конфигурации отдельных монументальных культовых и об-

щественных построек². Однако даже при наличии таких прекрасных картографических материалов выяснить точную площадь города, положение всех его крепостных стен возможно только с некоторой долей приблизительности. Это происходит потому, что в 1865 г., сразу же за завоеванием города, его восточная граница претерпела некоторые изменения в связи с началом строительства здесь русского поселения и новой крепости. Старая же граница угадывается предположительно.

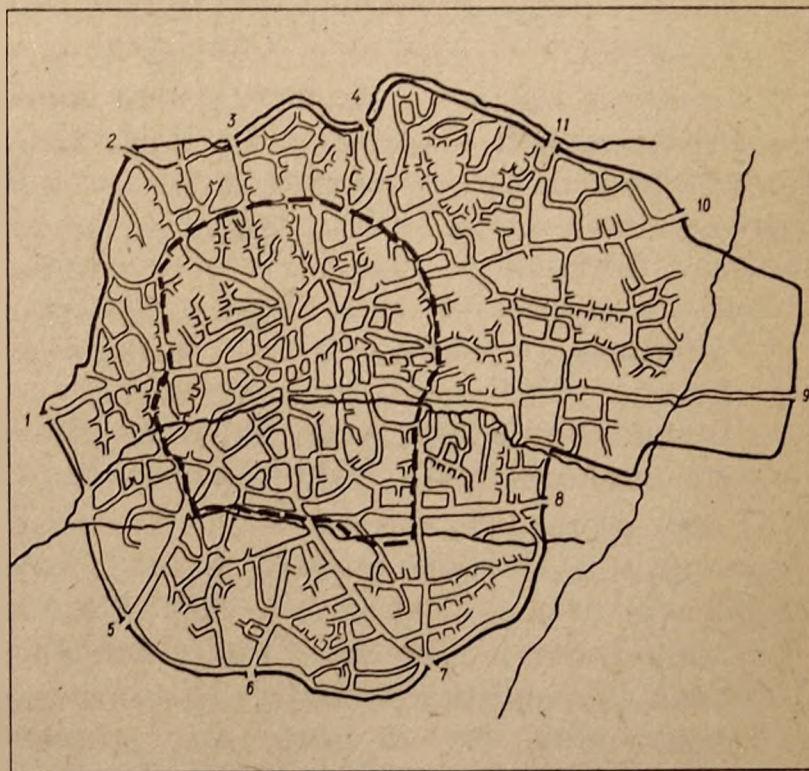

Схема плана старого Ташкента. Ворота: 1. Букчирские, 2. Чагатайские, 3. Сагбаи, 4. Кара-Сарай, 5. Самаркандские, 6. Камалин, 7. Бешагацкие, 8. Коймас, 9. Кокандские, 10. Лабзак, 11. Тахтауль.

Старый город Ташкент, по количеству жителей (около 100 000 чел.) и по размерам, был одним из самых крупных городов Востока. Город снабжался водой из канала Боз-су, который, не доходя до лязакских ворот, разветвлялся на два больших магистральных арыка — Калькауз, протекавший по северной границе города, и Анхор — на восточном и юго-восточном краю города. Из этих магистральных каналов выходила система больших и малых арыков, снабжавшая водой дома и сады.

План города имел неправильную фигуру, близкую к кругу с поперечником, примерно, в 4,2 км, и только в восточной части, где город перескакивал через глубоководный Анхор, имелся прямоугольный выступ, Урда, где находились дворцовые постройки хакима — наместника города, казармы и пр. Общая площадь застройки в пределах крепостных стен была около 1500 га.

По границе город был окружен массивной глинобитной стеной высотой до 8 м (26 футов) и длиной более 8 км³. В город вело 12 укрепленных ворот (дарбаза) — Лабзак, Тахтауль, Кара-Сарай, Сагбан, Чагатай, Кукча, Самаркандские, Камалан, Бешагач, Коймас, Кокандские и Кангарские. Кроме того, по северному, западному и южному фасадам в стенах было 6 или 7 проходов (тешик). Судя по старым топографическим планам, это были не случайные разрушения стен, а специальные разрывы, к которым подходят дороги и улицы городской застройки⁴.

Возможно в периоды военной опасности эти проходы заделывались, но в мирное время они функционировали и служили для связи города с сельской местностью.

Объемно-планировочная структура города чрезвычайно типична. Вся его радиально-центрическая схема планировки наглядно показывает постепенность развития города. Почти в геометрическом центре и наиболее возвышенном месте располагался шахристан древнего небольшого города, который с рядом находящимся базаром был центром, куда подтягивались с разных сторон дороги, связывавшие этот городок с другими городами и сельской округой.

По мере роста города, развития примыкающих к шахристану и базару предместий увеличивалась и территория города и подводящие к городу и изгибающиеся дороги превращались в радиально направленные улицы, ведущие к новым воротам. Поскольку эти улицы образовались из сельской дороги вместе с увеличением фланкирующих их жилых кварталов, они были узкими (6—8 м), кривыми, на первых порах не мощеными, а потому пыльными и грязными. Еще более узкими и кривыми были все второстепенные улицы, бесчисленные переулки, туники, которых было очень много и количество которых без конца увеличивалось за счет дробления частных владений, в связи с ростом семьи, появлением новых построек внутри кварталов и поэтому необходимости устройства новых туников и проездов.

Все, кто в какой-то степени интересовались структурой старгородской застройки, обычно отмечают малую ширину улиц, неблагоустроенность, скудное озеленение, пыль и хаотичность застройки. Однако, это не совсем верно. Хотя в распланировке улиц нет привычной европейскому глазу регулярности, в расположении их есть определенная система. Все

тупички как бы вливаются в переулки, те — в более широкие улицы, и последние — в основные радиальные артерии, которые обязательно выведут либо в центр города, либо к городским воротам. Выбор правильного направления способствует и постепенная насыщенность радиальных артерий различными постройками общественного пользования — мечетями, кузницами, чайханами, торговыми лавочками, которых к центру становилось все больше и больше.

По данным 1909 г., в старом городе Ташкента было 43 000 владений, а длина улиц и переулков составляла (1262 версты) 1345 км⁵. Улицы были немощеные и, как сообщают источники (безусловно, немного преувеличивая), зимой в грязи «тонули» люди и животные. С 1884 г., когда начали шоссировать улицы, за пять лет было покрыто гравием всего около 27 км (25 верст). К 1917 г. это число несколько увеличилось, на главных магистральных улицах была устроена булыжная мостовая.

Освещать улицы начали в 1887 г., когда установили 100 фонарей. Для такого большого города этого, конечно, было очень мало. К 1909 г. установили еще 24 керосиновых калильных фонаря вдоль Шейхантаурской улицы и 33 фонаря на Чагатайской и Кукчинской улицах.

Улицы Ташкента очень долгое время не имели официальных названий, и только в 1893 г. постановлением Городской думы были присвоены названия семнадцати основным улицам старого города. Эти названия соответствовали направлению улиц к бывшим воротам, названию мест и гузаров, через которые они проходили — Самарканд-дарваза, Сагбан, Чагатай, Джар-

куча, Укчи, Бешагачская, Тахтапульская, Вилюят, Таш-куча (или Шейхантаурская) и др.

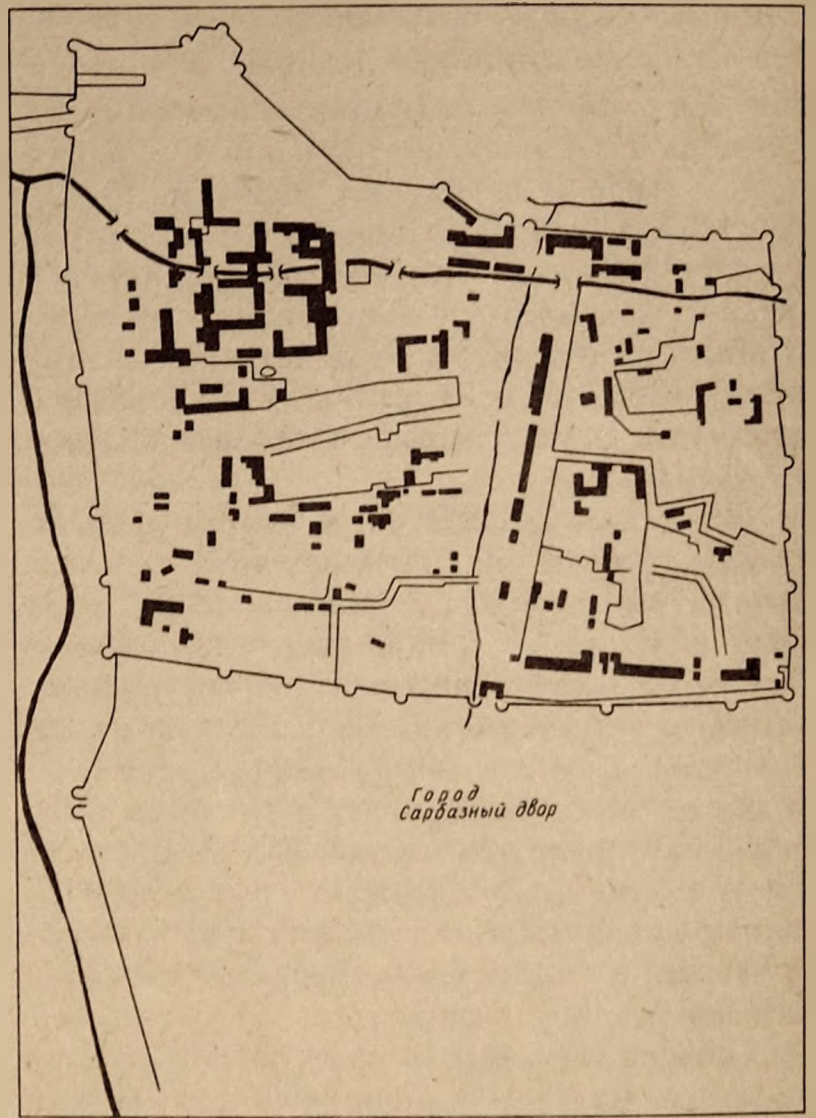
С очень отдаленных времен Ташкент был разбит на две половины и на четыре территориально-административные части — «даха». В северной половине города улица Сагбан разграничивала Кукчинскую и Сибзарскую части. На юге по сторонам Бешагачской улицы лежали Бешагачская и Шейхантаурская части. Каждой части соответствовала и крепостная стена с тремя воротами; к Кукчинской части как бы причислялись ворота Кукчинские, Чагатайские и Сагбан; к Сибзарской — ворота Кара-Сарай, Тахтапуль и Лабзак; к Шейхантаурской — Кашгарские, Кокандские и Коймас; и к Бешагачской части — Бешагачские, Камаланские и Самаркандские ворота.

Традиционное административно-территориальное деление старого города на четыре части сохранилось и после присоединения к России. Каждая даха имела своего судью — казы, арык-аксакала, ведающего распределением воды и чистотой ирригационных арыков, и пр. Расположенная на левом берегу Анхора Урда — городская крепость и место пребывания наместника — хакима (позднее его называли беклярбеком) — появилась в начале XIX в., после подчинения города кокандским ханам. В Урде находились постройки ханского дворца (кокандские ханы часто посещали Ташкент, чтобы военным или дипломатическим путем мешать постоянному стремлению ханских наместников или городских жителей к самостоятельности), постройки наместника. Здесь же находились сарбазный двор — казармы военного гарнизона, оружейные склады, казна. Вблизи

цитадели возникали и иные постройки чинов кокандской администрации, выходцев из Восточного Туркестана. Урда была наиболее укрепленным элементом в системе городской фортификации. В плане она имела форму близкую к прямоугольнику и только ее западный фас, примыкавший к городу, имел изломанный абрис, соответствующий изгибам разграничивающего эти две части арыка Анхор.

Урда занимала значительную территорию — около 21,2 десятины или 23,1 га. Окружавшие Урду стены длиной около двух километров (950 саж.), были еще относительно новыми и прочными. Они имели часто поставленные полукруглые выносные башни и трое укрепленных ворот. Причем, со стороны города укрепления стен были особенно солидными, несмотря на то, что в подножьях стен лежал глубоководный Анхор. Одни ворота находились в юго-западном углу цитадели, двое других располагались друг против друга по линии запад-восток. Они подводили к основной городской Шейхантаурской улице, таким образом, здесь Урда была как бы проходной и выехать или въехать в город можно было только через Урду.

Внутри стен Урда представляла собой небольшой городок, где от серединного широкого проезда отходили узкие и изломанные переулки и тунки, а за глухими глинобитными заборами были свободно разбросаны жилые и хозяйственные постройки. Здесь же были деревья и восемь хаузов. Казарменные постройки сарбазов располагались в серединном проезде, а также вблизи Шейхантаурских ворот. Постройки с апартаментами кокандского хана, а также ташкентского наместника лежали в возвышенной юго-западной части цитадели.

2.

План старой Урды.

3.

Старый Ташкент. Чер су.

4.

Красный базар в старом городе

Расположение новой цитадели на границе города, причем отделенной от города глубоким каналом и мощными стенами, было не случайным. Это было общепринятым для древних и средневековых городов Востока, когда владельцы города не доверяли своим поданным, боялись их и стремились строить свою резиденцию с таким расчетом, чтобы в военном отношении господствовать над городом и в то же время сохранять возможность быстрой эвакуации.

Территория к востоку и северу от Урды, занятая упомянутыми постройками членов кокандской администрации, была окружена самостоятельной стеной. Эта стена начиналась вблизи Лабзакских ворот, подходила к юго-восточному углу цитадели, а затем опять отходя от цитадели в ее юго-западном углу, шла на юг по левому берегу Анхора, вплоть до ворот Коймас, где она опять переходила на правый берег.

Сразу же после завоевания Россией, и цитадель и ее стены, и стены, окружающие прилегающую территорию на левобережье Анхора, были уничтожены и только вдоль канала, в промежутке между бывшей Урдой и Коймасскими воротами, еще долго сохранялись остатки старой крепостной стены города.

Во времена кокандского господства старый политический центр города — место, соответствующее первоначальному ядру, и находящееся посередине города, — начал приходить в упадок. Видимо, тогда были разрушены постройки прежних владельцев. Сильно пострадали находящиеся здесь крупные культовые здания — медресе Кукельдаш, построенное во второй половине XVI века. В 1830—31 гг. был

разобран второй этаж в западной части медресе, а после 1871 г. большой ущерб был нанесен и главному фасаду. Построенная на самом высоком месте города в конце XV в. на средства известного мистика и главы среднеазиатского дервишизма Ходжи Ахрара, соборная мечеть Джамии так же была очень сильно разрушена и даже перестала функционировать. Царские власти в 1882 г., в целях получения признательности от местного населения, заново отстроили главное помещение мечети с куполом. В этой перестройке приняли участие русские инженеры, что повлекло изменение традиционных форм арок и купола.

Расположенный к северу обширный базар, видимо, очень древний, занимал обширную площадь, торговали на нем различными товарами, обслуживал он не только нужды города, но и жителей сельской округи и других городов. Этот базар, как основную достопримечательность города, подробно описывают все путешественники. А. К. Гейнс отмечает его большие размеры, грязь и неопрятность, указывает также, что на базаре было около тридцати рядов для торговли разными товарами и, что эти ряды были крыты соломой и хворостом по балкам, перекинутым с одной крыши на другую⁶.

Во второй половине XIX в. базар развивается. Существуют отдельные ряды для торговли разными товарами — кожевенные, мучные, мясные, рисовые, для продажи сладостей, ювелирных и серебряных изделий, лепешек и пр. В 1886—1887 гг. улицы на базаре были несколько расширены, выпрямлены, замощены булыжником, освещены керосиновыми фонарями и перекрыты тесом, а впоследствии же-

лезом. Поскольку на рынке, особенно в базарные дни, было очень много народа, на его границах с конца XIX в. начали возникать многочисленные постройки европейской архитектуры. Там располагались торговые и складские помещения различных торговых фирм (Московской большой мануфактуры, мануфактурные магазины Э. Цинделя и бр. Яушевых, Викулы Морозова и др.), отделения различных банков и кредитных контор, караван-сарай, многочисленные чайханы и пр.

Старогородской базар был большим специфичным общественным центром города, где всегда было много народа, где люди не только покупали и продавали, но и встречались в чайханах, обменивались новостями, где глашатаи зачитывали различные акты, обращения и решения городских властей и пр.

На север от рынка, среди городской жилой застройки лежит крупный культовый комплекс — Хаст-Имам. Этот ансамбль пользовался большей популярностью и почитанием, чем аналогичные постройки в центре города⁷, хотя сохранность построек была так же невысока. Вообще следует отметить, что художественное и историческое значение и их сохранность были всегда значительно ниже известных ансамблей Самарканда, Бухары и других древних столичных городов. Поэтому они и в меньшей степени интересовали туристов, которые уже в XIX в. стали посещать Туркестанский край. Ансамбль Хаст-Имам состоял из медресе Барак-хана, построенного в первой половине XVI в., с включением в композицию медресе двух мавзолеев, один из которых был построен над могилой ташкентского правителя из воцарившейся в это время

узбекской династии Шейбалидов — Сукундж-хана и ставшего фамильной усыпальницей ташкентских удельных правителей из этой династии. И если этот памятник еще сохранял значительные остатки своего, некогда обильного декора, то второй крупный памятник — мавзолей Абу-Бакра Мухамада Кафаль Шаши, построенный также в первой половине XVI в., в основном возвышается над всеми другими постройками своей серо-охристой кирпичной массой и имеет только на главном фасаде очень скромные глазурированные облицовки. Здесь же лежат медресе Муи-Муббарак, мавзолей Бобо-Ходжи, мечеть Намазгох и другие мемориальные сооружения XIX — начала XX вв., находившиеся в живописном озелененном многолетними чинарами месте. Мечеть Намазгох, обычно эксплуатировавшаяся два раза в год и поэтому обычно располагавшаяся за пределами населенных мест, а также кладбище, указывают, что этот ансамбль в период возникновения располагался на границе города, вблизи крепостных стен, окружавших в свое время основной район города Ташкента «Рабати дахиль».

Второй, весьма почитаемый комплекс культовых монументальных построек, располагается в восточной части города, примыкая к основной магистрали, ведущей от центра в широтном направлении на восток к месту бывших Кокандских ворот. Это так называемый Шейхантаур, давший в 1893 г. название примыкавшей улице — Шейхантаурской. Комплекс начинался построенным в 1892 г. усто Абдурахимом входным купольным чортаком — своеобразными пропильями. Выполненные в традиционных формах среднеазиатского

монументального зодчества, но из кирпича европейского формата, ворота привлекали внимание очень хорошими пропорциями и деревянными дверями, покрытыми прекрасной резьбой.

Комплекс получил название по имени центрального мавзолея Шейха Ховенд Тахура, относящегося к XV в., но весьма скромного по облику. В комплекс входят более поздние постройки мавзолея Калдыргач-бия с пристроенной поминальной мечетью и мавзолеем Юнус-хана Моголистанского, датируемого второй половиной XV в. В свое время этот комплекс был также весьма живописен, здесь находились вековые чинары, хаузы — водоемы, наполненные водой, — обильная зелень и многочисленные могилы примыкающего кладбища. До революции постройки Шейхантаура были местом пребывания наиболее реакционно настроенного духовенства, дервишских радений и пр.

Много мазаров и особенно мечетей было разбросано по всему городу. Все они были разнообразны, оригинальны, но, кроме некоторых, в том числе Балянд-мечети, построенной в 1873 г. бухарским мастером Муминджаном и привлекавшей к себе внимание превосходными росписями деревянных балок покрытия, не представляли большой художественной ценности.

Небольшие гузарные мечети, как правило, поздние и относятся в XIX — началу XX вв. Вид этих построек очень прост и отличается от подобных сооружений в других городах Туркестанского края, особенно Ферганских, где подобные сооруже-

ния очень декоративны и красочны. В Ташкенте часто квадратный в плане зал зимней мечети перекрыт сфероконическим куполом на арочных парусах и здание как внутри, так и снаружи лишено живописного декора. К купольному залу зимней мечети примыкает сбоку открытое летнее помещение на легких деревянных колоннах традиционной формы (например, Кокмечеть в бешагачской даха) или же арочно-купольная галерея, окружающая купольный объем с трех сторон (Ляйляк — мечеть в районе Иски-Джува). Все эти мечети являлись основным элементом комплекса, куда входили сводчатые ворота с находящимся под ними небольшим минаретиком, двор с бассейном — хаузом и несколько тенистых деревьев.

Но наибольшее распространение среди гузарных мечетей получали каркасные постройки с рядом внутренних деревянных колон, которые несли балочное глино-саманное перекрытие, а впоследствии более легкую железную кровлю.

По сведениям средневековых источников, Ташкент в X — XI вв. состоял из арка-цитадели (где находились дворец правителя, тюрьма и различные административные постройки), шахристана (собственно города) и двух пригородов — рабада-дахиль и рабада-харидж, причем каждая из этих частей была окружена своей крепостной стеной. К XIX в. все эти членения из топографии города исчезли. Исчезли они и из памяти народной. Можно только твердо определить в это время место старой цитадели, которая продолжала существовать до начала XIX в.

Во второй половине XIX в. структурно резко выделяется зона очень плотной жилой застройки, окружающей старую ци-

тадель и рынок, и занимающей срединное положение в городе с некоторым смещением на север в сторону Сагбанских и Тахтапульских ворот. Примерная общая площадь зоны плотной застройки около 650 га, причем ближе к центру эта плотность особенно нарастает. По южной, западной и северной сторонам города границы плотной застройки совпадают с глубокими арыками, кольцевыми улицами и системой кладбищ. Очевидно, эта граница фиксирует границы основного города в определенный период развития, когда кладбища, как это принято, тяготели к стенам города. Линия старых стен здесь проходила через гузары Чакар, Чукур-Купрюк, кладбища Ходжа-Исхок, Клыч-Бирхан, гузары Чагатай, Кош-тут, Хазрет-Имам, Кумлок, Казан-мазар.

В районах плотной застройки почти нет зеленых насаждений, кроме отдельных деревьев во дворах жилых домов и возле мечетей.

По внешнему периметру, тяготея к границе города, по контуру бывших крепостных стен проходит широкая полоса более разреженной застройки. Здесь, на смену кварталам сплошной застройки из тесно примкнувших друг к другу жилых домов приходят дома на достаточно больших и хорошо озелененных участках. Зеленая полоса как бы широкой подковой охватывает город, проходя по западной, южной, восточной сторонам, из этих районов на городской рынок поступают фрукты, овощи, мясные и молочные продукты.

Особенность некоторых среднеазиатских городов и особенно Ташкента — так называемая «мауза», ранее находившаяся за пределами стен и широким кольцом охватывающая весь город. Ширина маузы

была от четырех до шести километров. Это зона возделанной земли, хорошо озелененной и обводненной, кроме тех участков, где рельеф местности приводил к существованию пустырей. Вся эта земля была разбита на участки разной конфигурации и размеров, в зависимости от зажиточности их владельцев. Участки принадлежали городским жителям, особенно живущим в центральных, плотно застроенных районах, и эксплуатировались только в летнее время. Здесь находились не очень капитальные жилые постройки, куда владельцы участка весной перевозили семьи и где занимались сельским хозяйством, заготавливая продукты на зиму и для продажи. Глубокой осенью жители покидали свои участки в окрестностях города и переселялись в свои городские дома.

После 1865 г. на территории старой маузы от Анхора до Салара начал развиваться и новый европейский Ташкент.

В структуру маузы входили и пригородные кишлаки, которые вместе с землями, принадлежавшими городским жителям, были основной сельскохозяйственной базой города. Уже позднее, растворившись в среде развивавшегося нового города, эти кишлаки, а также урочища, оставили свои названия отдельным улицам, жилым массивам и кварталам. Такими кишлаками и урочищами были Беш-кайрагач, Чупаната, Катар-тал, Чиланзар, Дом-рабат, Тахта-купрюк, Мир-абад, Юнус-абад, Шавли, Ак-тене, Карамурт, Ялангач, Кара-су, Дархан, Заңги-ата, Шор-Тене и др.

Основной планировочной единицей жилой застройки города являлись махалы — жилой квартал, жители которого связаны традиционными и очень устойчивыми нормами общежития и коллективной взаимо-

выручки. В начале XX в. в Ташкенте было больше двухсот махалей. Они заселялись по производственно-ремесленному или национальному признаку. Многие из них имели и соответствующие названия — Махалей-Дегрез, населенная литейщиками, Махалей-Укчи, населенная оружейниками и т. п. Другие махалей носят названия, указывающие национальную принадлежность их основателей, например Тадж-куча — таджикская, Люли-куча — цыганская, и т. д. Но в большинстве случаев названия махалей соответствуют примечательным местам или названиям мечетей или мазаров, которые находятся на их территории.

Махалей — это был замкнутый мирок, имеющий свою администрацию в лице аксакала и мираба, свои земли на территории маузы и свой общественный центр. Последний обычно состоял из приходской мечети, чайханы, группирующихся около озелененной площадки с хаузом и глинобитной суфой. Но очень часто несколько махалей имели один ремесленно-торговый и культовый центр. Это так называемые гузары, которые располагаются на магистральных улицах или на местах их пересечения. Гузары значительно больше насыщены разными постройками общественного значения. Здесь находится и мечеть несколько большей вместимости; здесь может находиться и медресе, и заезжий двор — караван-сарай, чайхана, кузницы, парикмахерские, лавки небольшого базара. Эти гузары обслуживают как проезжающих путников, так и жителей прилегающей махалей. В то же время гузары объединяют махалей в более крупный территориальный район.

В жилой застройке старого Ташкента

нет зданий, которые принято называть многоквартирным жилым домом. Если по каким-либо причинам житель города лишился своего дома, он вынужден был ютиться в пустующих худжрах караван-сарая, или снимать для жилья какие-нибудь производственные или складские комнаты у других жителей.

Вся жилая застройка города представляла собой систему индивидуальных частных домов, принадлежащих отдельным семьям. Причем, внешне, со стороны улицы жилые дома богачей резко не отличались от домов бедноты. Внешне они представляли собой гладкие, серо-землистые поверхности сырцовых стен и заборов, лишенных оконных проемов и акцентированных только в различной степени развитыми въездными воротами. На главных улицах монотонную гладь стен прерывали только широкие проемы многочисленных торговых и ремесленных помещений, открытые террасы-айваны отдельных мечетей. Жилые помещения могли раскрываться проемами на улицу только на втором этаже; на первом этаже, кроме въездных ворот, были еще узкие вертикальные щели продухов из хозяйственных помещений. Дома богатых от домов бедных резко отличались планировочно, размерами помещений, их количеством и качеством внутренней художественной отделки.

Характерная черта среднеазиатского городского жилого дома — полная изолированность от внешнего мира. Даже входные элементы имели вид коленчатых проходов, чтобы взгляд случайного прохожего не мог проникнуть вовнутрь.

В объемно-планировочном решении обязательным условием было деление на две

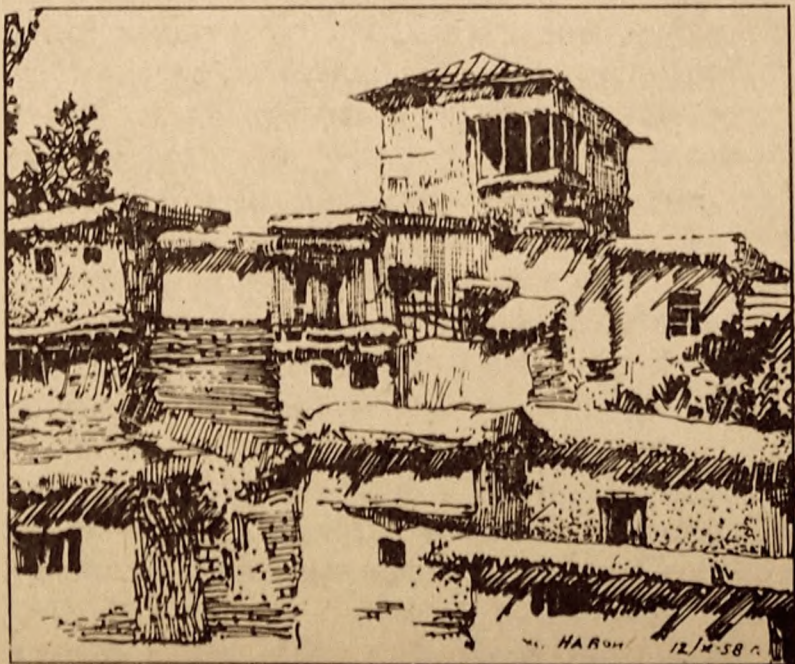
половины — внешнюю гостевую и внутреннюю интимную — ташкари и ичкари, которые в домах различного достатка были и различным образом выявлены⁹. В очень богатых домах ташкари и ичкари — это равноправные части, где помещения располагаются вокруг самостоятельных дворов. Но таких домов было относительно немного. Наибольшее распространение имели дома, где ташкари представлял собой группу хозяйственных и приемных помещений, группирующихся при входе во двор в два этажа. В домах бедняков ташкари, как самостоятельной части дома, могло не быть, но в доме при входе обязательно имелась изолированная комната, не имеющая непосредственных выходов на территорию основного дома.

Подобное разделение дома на внешнюю и интимную половины имело в XIX — начале XX вв. и социальный смысл, так как было связано с положением женщины, сохранением ее традиционной изолированности и запретом показываться на глаза постороннему мужчине.

На территории маузы, где в основном были только временные постройки, а также в сельской местности и, особенно в горах, где женщина была основным работником в поле, такая изоляция не могла соблюдаться и деления домов на две половины не было.

Объемная композиция и распланировка жилых домов разнообразны. Нельзя найти ни одного случая повторения, но все же эти дома имеют ряд общих закономерностей.

В наиболее старой и наиболее плотно застроенной части города уровень улицы часто был значительно ниже основания прилегающих домов, в связи с тем, что

дома располагались на очень большом «культурном слое» остатков разрушившихся более древних построек. Поэтому часто внешняя часть дома располагалась либо на уровне дороги, то есть значительно ниже внутренней, интимной части, и помещения внутренней части — ичкари соединялись с внешней на уровне второго этажа. На первом этаже обычно находилось входное помещение — дарвазахона, откуда

скрытый проход выводил во внутреннюю часть дома, а по деревянной лестнице можно было понасть на второй этаж, здесь же была отхона — конюшня и крытое пространство, где находилась арба. Если дом принадлежал торговцу или ремесленнику, то здесь же иногда находилось торговое помещение или ремесленная мастерская. Изготовление ремесленной продукции (где необходимы были специфич-

6.
Улица в старом Ташкенте.

7.
Жилая застройка центра старого Ташкента (рисунок архитектора О. С. Джаббара).

8.
Улица в старом Ташкенте, XIX в. (худ. Д. Вележаев).

ческие условия, а также применение женского труда — ткачих, вышивальщиц и пр) — гончарной посуды, кожаных изделий и т. п. — происходило в изолированных от улицы помещениях. На втором этаже ташкари находились одна-две жилые комнаты, кладовая для домашнего скарба и обязательно михманхана — наиболее крупное и наиболее украшенное помещение для гостей.

Обычно на втором этаже имелось центральное организующее планировочное ядро. Это — айван в сторону улицы, открытый или зарешеченный. Иногда здесь мог быть небольшой дворик, окруженный по периметру галереей на деревянных стойках. Но наиболее часто в центре второго этажа лежал крытый дворик с внутренним пространством, развитым в высоту и имеющим вверху открытый по периметру фонарь. Иногда этот фонарь покоился на балках, перекинутых через пролет этого дворика-холла, а в случае, когда размеры дворика значительны, фонарь и балки перекрытия поддерживали четыре деревянные стойки. В тех случаях, когда размеры холла небольшие, фонарное устройство по размерам соответствовало этому холлу и было как бы продолжением внутренних стен. Соседние помещения примыкали к нему со всех четырех, трех или двух сторон. В последних случаях этот холл мог иметь закрываемый ставнями или складными решетками, а также остеклененными рамами большой проем. Проем этот мог выходить только на улицу, то есть на главный фасад дома и, в большинстве случаев, ориентируясь на север или восток. Проемы фонаря южной и западной ориентации обычно располагались в самом веру, имели минимальную вы-

соту, что препятствовало проникновению в это помещение прямых лучей жаркого солнца.

Прием решения внешней части дома в виде двухэтажного цельного объема может рассматриваться, как присущий характерному ташкентского типа дома. Физический смысл этого устройства — создать активный вертикальный поток воздуха, который, начиная из предвратного пространства, проходил через основной объем второго этажа, захватывая перегретые воздушные массы из примыкающих помещений. Поэтому примыкающие помещения обычно не имели проемов наружу и сообщались и освещались только через соябон. Надо отметить, что летом в жару во всех этих помещениях сохранилась относительно прохладная температура.

Основной функциональный и планировочный элемент внутренней интимной части жилого дома — открытый двор. Здесь летом проходят все основные функциональные процессы приготовления пищи, здесь же на открытых террасах-айванах после захода солнца в вечерней прохладе отдыхают, принимают пищу, здесь же жители дома могут располагаться на почлег.

Эти дворики бывают очень ухоженными, уютными и чистыми. Во двор выходят проемами все жилые и хозяйственные помещения.

Исследователи народной жилой архитектуры давно заметили, что наиболее характерный прием застройки ташкентского жилого дома с внутренним двором — последовательность чередования соединенных подряд комнат и айвана с одной-двумя колоннами¹⁰. Встречаются иногда айван

между комнатами (кашгарча) со съёмными ставнями и многоколонный айван вдоль дворового фасада. В структуру внутренней части двора также входят болахона, полузакрытые и открытые помещения, расположенные на втором этаже, предназначенные обычно для хозяйственных нужд — хранения домашнего скарба, дров, сушки фруктов и пр. Все эти открытые и закрытые помещения располагаются или вокруг всего двора, или застраивают двор частично, но в их расположении есть определенная закономерность: жилые айваны и примыкающие к ним комнаты ориентированы проемами, в большинстве случаев, на юг или восток, то есть их фасады большую половину дня находятся в тени. Глухая возвышенная стена ташкари ограничивает двор с юга или запада и тенью опять-таки способствует защите двора и примыкающих к этой стене помещений от перегрева. Ту же роль (помимо своего прямого назначения) выполняют болахона, отдельными объемами включающиеся в композицию дома и опять-таки со стороны наиболее неблагоприятной ориентации.

На стороне двора, наиболее подверженной усиленной солнечной радиации, обычно находятся глухие стены соседнего дома или, если дворик ичкари застроен периметрально, — хозяйственные помещения — кухни (ошхона) и проходные айваны, в данном случае соединенные с комнатой через прихожую (дахлиз), выполняющую роль теплового тамбура.

Таким образом вся планировочная композиция домов, их объемное решение, внутреннее устройство подчинено одной проблеме — предохранению внутренних помещений от прямой, излишней в местном климате, солнечной инсоляции. предохра-

нить жилые комнаты от перегрева, создать усиленную циркуляцию охлажденного воздуха (что, естественно, способствует и улучшенной вентиляции жилых помещений) — основная цель в создании композиции жилого дома. Так создается внутри помещений прохлада, которая не только аккумулируется с ночной поры, но и хорошо сохраняется. А разнообразное расположение открытых пространств, открытых, замкнутых, возвышенных и пониженных объемов приводит к весьма живописной, своеобразной композиции дома и всей жилой застройки.

Изучение жилой архитектуры древних времен свидетельствует, что характерное для среднеазиатского жилья деление дома на две половины — внешнюю и внутреннюю интимную — имеет очень древние традиции.

Несомненно, именно это помещение из группы внешних приемных помещений, известное по раскопкам Пянджикента, Кувы, Афрасиаба, является прототипом сиябона или шийпанга — главного холодильного элемента внешней половины ташкентского дома. Косвенное подтверждение тому — и расположение таких домов на территории древнего шахристана Ташкента — района наиболее плотной традиционной застройки. Безусловно, дошедшие до нас жилые дома старого города наследуют многие приемы функционального и композиционного построения зданий существовавших на этой территории в древние времена.

Знакомство с описанием жилых домов предшествующих лет и архитектурными обмерами, обследование их в натуре приводит к заключению, что подавляющее большинство построено в конце XIX — на-

чале XX вв. Это вытекает и из рассказов жителей, из конструктивных особенностей дома. Постройки внутренней половины и второго этажа возведены с применением двухрядового каркаса, в традиционных методах конструирования. Но первый этаж внешней части бывает полностью выложен из жженого кирпича европейского формата, или из этого кирпича выкладывают только цокольные части в обеих половинах дома. Очень большое распространение получают крыши из листового железа. Первоначально, видимо, во многих домах были смешанные конструкции — у крытых двориков (холлы и болахона) применяли железо, а помещения, расположенные только на первом этаже, имели традиционное плоское глиносаманное покрытие. В нарядных помещениях появились деревянные дощатые полы, в окнах — листовое стекло.

Применение более прочных и более прогрессивных строительных материалов способствовало внедрению более прочных и более легких конструкций, которые, в свою очередь, приводили к развитию и улучшению традиционных приемов планировки и композиции домов. Появление кровельного железа способствовало развитию крытых двориков, увеличению их размеров и высоты, большему распространению оконного стекла, деревянных полов, в отдельных случаях, голландских печей — улучшению освещения и комфортности жилых комнат. Эти новшества внедрялись постепенно и затрагивали, в основном, жилые дома богатых людей. Сохраняя традиционную планировку и композицию, дома становились более совершенными и более прочными.

Зарисовки зданий старого Ташкента,

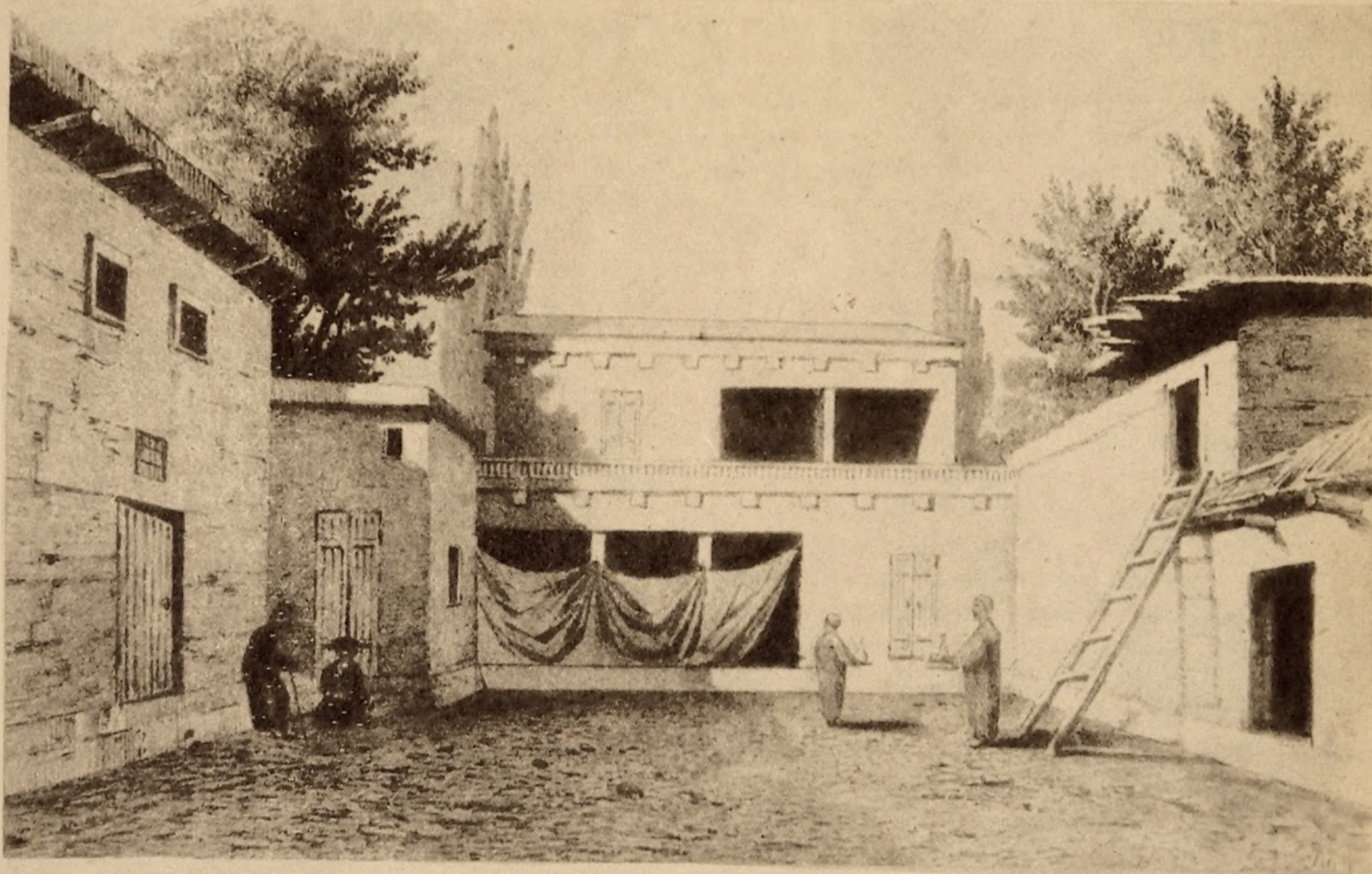
сделанные художником Вележаевым, и старые фотографии, фиксирующие жилую застройку города в начальный период, наглядно показывают несовершенство и ветхость этих домов. Тем нагляднее объективная прогрессивность, если сравнить эти зарисовки и фотографии с материалом, который дает обследование городского

9.

Жилой дом в старом Ташкенте в начале XX в.

10.

Жилой дом в старом Ташкенте, XIX в. (худ. Д. Вележаев).

жилища, построенного уже в конце XIX в. особенно в начале XX веков.

В это время рядом со старогородским рынком по проектам русских инженеров возводятся торговые постройки новых капиталистических фирм и банковских учреждений. Это обычно двухэтажные здания с фасадами из жженого кирпича, иногда с островерхими крышами, с большими окнами, снабженными складными металлическими жалюзи или маркизами, и выполненные в формах европейской архитектуры. Естественно, внутренняя структура соответствует новым для старого города Ташкента капиталистическим функциям. Как уже сказано выше, на старых

улицах появились бульжная мостовая, освещение. Первая в Ташкенте кожная железная дорога, а затем трамвай связали старый город с новым и железнодорожным вокзалом.

С установлением после 1865 г. определенной политической и экономической стабильности, прекращением разоряющих народ феодальных распрей, развитием ремесла и внутренней торговли, усилением занятости трудового люда началось возрождение города. И все же, несмотря на начавшуюся активную перестройку, город еще долго оставался пыльным и грязным, сохраняя все недостатки южного среднеазиатского средневекового города.

Новый город

Как свидетельствуют многочисленные дореволюционные источники по истории завоевания Средней Азии, специальные очерки и книги¹, строительство нового города в Ташкенте началось в 1865 г. с разрушения оборонительных и военных построек на левом берегу Анхора. Были снесены полуразрушенные во время военных действий крепостные стены старой кокандской цитадели — Урды, и стены, окружавшие примыкавшие к Урде земли с постройками приверженцев кокандского режима. Были частично снесены стены старого города Ташкента по восточному и юго-восточному фасам. Так была ослаблена система оборонительных сооружений старого города на восточной стороне и на левом берегу Анхора, против открытых глазу и артиллерийским орудиям построек старого города, началось строительство нового. Новые постройки, возводившиеся летом и осенью 1865 г., носили чисто военный характер. Основным сооружением была новая крепость, строить которую начали сразу же. Расположилась она на возвышенности против бывших ворот Коймас (к этому моменту уже снесенных²). Она имела форму неправильного шестиугольника, обнесенного высоким земляным валом с развитыми угловыми бастионами. В отдельных местах, по верху вала проходила кирпичная стенка с вертикальными бойницами для ружейного огня.

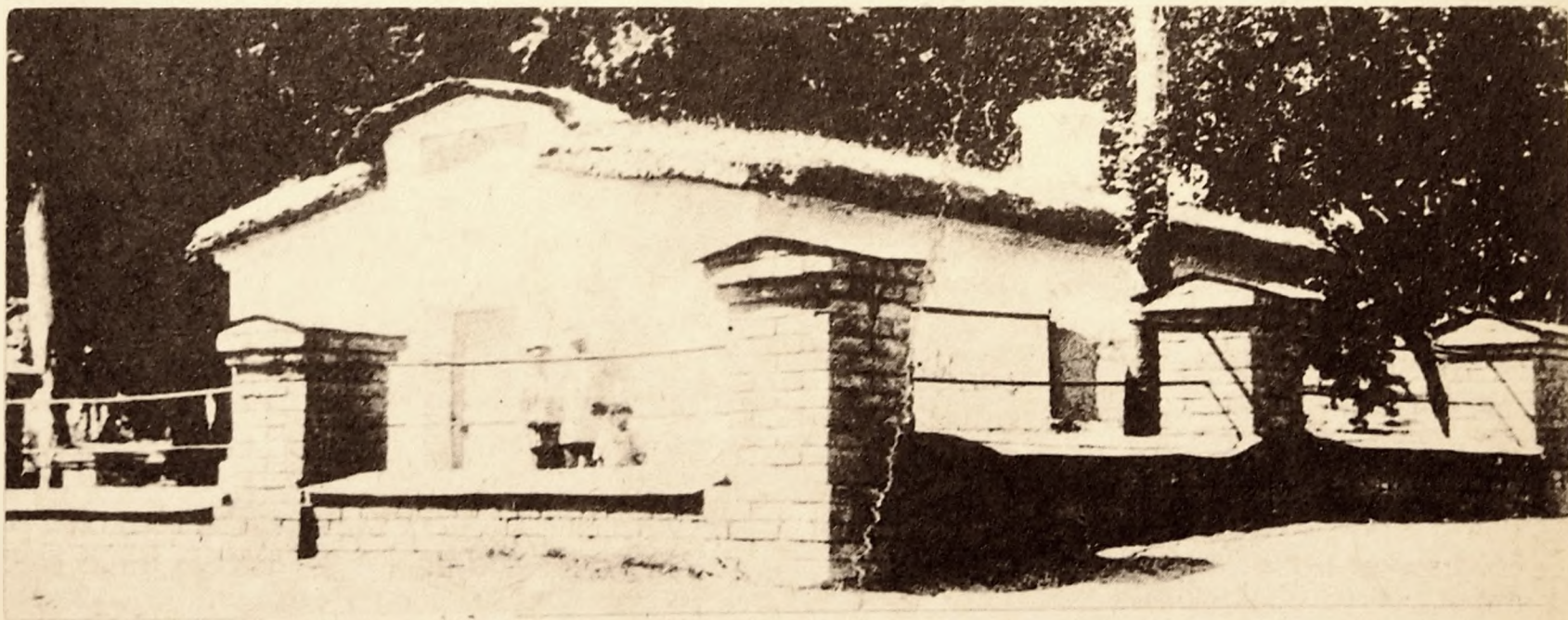
К сентябрю 1865 г. крепость была построена; она имела трое ворот, названных в честь офицеров, отличившихся при взятии города — Месяцева, Хмелева и Обуха, а внутри крепости были построены помещения для шести рот пехоты, для

батальонного командира, лазарет на сто пятьдесят кроватей, цейхгауз и пороховой погреб. Впоследствии главным въездом в крепость стал восточный, который был подчеркнут довольно эффектными кирпичными воротами, где широкий полуциркулярный проезд фланкировался высокими гранеными башенками с декоративными зубцами по верху.

Несколько позже постройки военного назначения стали появляться за пределами крепости. За ее юго-западными стенами построили ремонтные и складские помещения арсенала, а в крупном угловом двухэтажном здании из жженого кирпича разместились казармы 2-го Туркестанского линейного батальона. Другое, похожее по планировочному решению, здание казармы 10-го линейного батальона было построено на северо-восточной эспланаде, и в нем некоторое время располагалось Военное офицерское собрание. Оба эти здания были функционально связаны с крепостью и, будучи построены весьма прочно, усиливали фортификационные качества крепости.

Недалеко от последнего здания находилось и первое здание европейской архитектуры, построенное в 1865 г. для генерала М. Г. Чернышева. В 1899 г. вокруг этого домика был посажен небольшой сад, сохранившийся до настоящего времени. Этот дом был чрезвычайно типичен для ранней европейской застройки Ташкента. Он имел толстые стены из сырцового кирпича, небольшие окна и совмещенную камышовую крышу с двумя небольшими скатами и местной глиносаманной кровлей.

Подобного рода архитектура была присуща и всем другим казарменным и жилым зданиям, построенным в первые го-

11.
Ворота б. Крепости.

12.
Домик М. Г. Чернышева — первое здание европейской архитектуры.

ды существования нового города Ташкента. Домик М. Г. Черняева от ординарных образцов отличался только некоторой монументальностью и нарядностью.

На первом плане Ташкента 1866 г. показана старая крепость Урда и зафиксированы старые постройки, в которых располагались некоторые воинские части. На территории Урды уже наложена сетка предполагаемых новых улиц. Показана полностью построенная новая крепость у Коймасских ворот и соединяющее обе крепости шоссе, проходящее вдоль еще существующих на левом берегу Анхора крепостных стен старого города.

Этот план составил военный топограф штабс-капитан Писаревский³. Он сделал и первые предположения о структуре нового города. В основе планировки города предлагалась радиально-кольцевая система с пятью радиусами, веером расходящимися от новой крепости, и тремя кольцами окружных улиц. Новый город предполагалось расположить на юго-востоке от новой крепости, окружить добавочными стенами с угловыми бастионами. То есть, сам город трактовался как большая крепость, связанная с новой цитаделью в единую оборонительную систему.

Предположения Писаревского о структуре и распланировке нового города не были приняты. Новый губернатор Д. И. Романовский выбрал территорию к востоку от старого города — между старой кокандской цитаделью и новой крепостью, между каналом Анхор и арыком Чаули. Для распланировки нового города, регулирования его застройки был создан специальный Организационный комитет под председательством губернатора, в состав которого вошли военные инженеры и топографы⁴. Решением этого комитета ста-

рые постройки на территории бывшей кокандской Урды были снесены и построены здания для штаба войск, для военного губернатора, казармы для второго оренбургского стрелкового батальона, для двух с половиной сотен казаков, сибирской батареи и дивизиона парадной батареи. Причем, казармы стрелкового батальона располагались вдоль северного края бывшей Урды, а все военные постройки занимали только ее северную половину до бывшего проезда на Шейхантаурскую улицу. Остальная часть Урды была занята под постройки военной слободки для семей нижних чинов, а разделявший эти две части упомянутый проезд был преобразован в улицу Обуха.

Расположена здесь большая группа военных построек была не случайно. Они брали под контроль дороги, которые вели к ранее находившимся вблизи Кашгарским и Кокандским воротам, что, в случае необходимости, позволяло войскам быстро вторгнуться в центр старого города.

Тогда же топограф Недорезов произвел съемку местности, отведенной под городскую застройку, а топограф М. Н. Колесников составил план будущего города в пределах до арыка Чаули. В плане были определены направления будущих улиц, жилые кварталы, намечены и определены места военных слободок, дополнительных казарм, городского рынка (между городскими кварталами) и новой слободкой (для нижних чинов).

На распланировку первоначальной части европейского города повлияли и направления проездов внутри старой цитадели (ул. Обуха), и направление ее северной (ул. Кашгарская) и южной границ (ул. Воронцовская) и, особенно, нап-

равление шоссе, связывавшего постройки на территории старой кокандской цитадели с новой крепостью. Это шоссе проходило с севера на юг вдоль арыка Анхор (ул. Черняевская). Положение этих улиц привело к возникновению регулярной системы распланировки, где взаимно-перпендикулярные улицы, идущие в широтных и меридиальных направлениях, делили город на кварталы прямоугольной формы. Причем, размеры кварталов и ширина улиц в различных частях города были различными. В районе слободок, тяготеющих к крепости, и других местах расположения войск кварталы были небольшими, улицы — узкими. Центральные кварталы и улицы были несколько крупнее.

С возникновения нового европейского города Ташкента в его распланировке и характере застройки отмечался сословный, имущественный принцип. Организационный комитет все участки земли, отводимые под застройку, разбил на три разряда с платой в 30, 20 и 10 рублей.

К первому разряду были отнесены участки, расположенные в кварталах, примыкающих к упомянутому шоссе и центральным площадям; ко второму — участки, лежащие на границах города и на месте бывшей цитадели; к третьему — были отнесены места, отведенные под слободки для нижних чинов. Здесь нормой отводимых участков принимается пространство в 12,5 сажен длины и ширины (26,70 x 26,70 м)⁵. Таким образом территория к востоку от крепости была очень четко распланирована на небольшие кварталы размером 53x106 м, в которых помещалось по восемь домовладений принятых минимальных размеров. Таких же минимальных размеров участки были и в слободке в районе ул. Скобелевской. Участки

в центральных кварталах города были несколько больше, но и они были все же очень малы. Обычно, помимо жилых домов, которые по правилам застройки располагались на красных линиях, остальную площадь участка занимали дворовые хозяйственные пристройки и небольшой двор, в котором, в лучшем случае, росло несколько деревьев.

Правда, уже в этом очень экономно распланированном городе были обширные земельные владения. Так, территория, занятая «белым домом» — резиденцией Туркестанского генерал-губернатора, доходила до трех десятин (3,3 га). Она располагалась вдоль всей ул. Черняевской, спускаясь к арыку Анхор, где раскинулся очень интересный живописно распланированный сад. Около полутора гектаров занимало владение опального великого князя Николая Константиновича, на основной части этой площади впоследствии разрослась дубовая роща.

Кроме жилых кварталов в структуру застройки входили и площадь перед домом генерал-губернатора (2,4 га), где впоследствии был построен крупный военный Спасо-Преображенский собор, площадь перед домом великого князя с находившейся здесь церковью св. Иосифа и Георгия (около 1 га), и обширная площадь Воскресенского рынка (около 2,5 га) с лавками, чайханами и местами изготовления и продажи национальных блюд.

На южной стороне города, вдоль подходов к этой части города дорог, занимая большие земельные площади, находились казармы и плацы артиллерийских, саперных и стрелковых (константиновских) батальонов, прикрывавших город от возможных вторжений извне. Здесь же, вблизи саперных казарм, находилось

и первое городское кладбище. Проходившие мимо казарм дороги (которые впоследствии постепенно превратились в улицы), подводили к построенному в 1868—1870 гг. на берегу Салара военному госпиталю — первому крупному стационарному лечебному заведению края.

Военно-завоевательный характер нового поселения сказался и в названиях первых улиц. Им давали имена генералов и офицеров, причастных к завоеванию края, названия городов и населенных мест, подвергшихся завоеванию или связанных с происходившими вблизи этих мест битвами. Так, улицы возле крепости получили названия городов, завоеванных до 1865 г., — Чимкентская, Туркестанская, Лулиестинская⁶.

Все улицы были прямыми; по сторонам проезжей части проложены арыки и посажены деревья, вдоль домов — оставлены широкие полосы тротуаров. И все же, очевидцы первых лет существования города отмечают его неблагоустроенность, отсутствие мостовых и тротуаров. Это приводило летом к обилию пыли (несмотря на поливку из арыков), зимой — к непролазной грязи.

Шоссировать дороги или устраивать булыжные мостовые и выложенные жженом кирпичом тротуары, ставшие потом столь характерными для новых среднеазиатских городов⁷, в основном начали в восьмидесятых годах. Относительно крупные улицы этой части города имели ширину до 25 м, причем 5,5 м занимали тротуары и насаждения (или отмостка) возле домов, затем арыки и посаженные вдоль них деревья, а 7 саженей (около 15 м) — проезжая часть вместе с мостовой⁸.

Первоначально город был небольшим. Вместе с крепостью, широкими эсплана-

дами и очень большими участками, занимаемыми военными казармами, складами, его площадь не превышала двухсот тридцати десятин (242 га).

К 1870 г. эта часть города на правом берегу Чаули была почти полностью заселена — все места были или застроены или разобраны. Поэтому для нужд растущего города начинают отчуждать новые земли, уже за Чаули до арыка Салар.

В 1870 г. военный инженер А. В. Макаров разработал план этой новой части города, определивший все дальнейшее развитие Ташкента. Здесь была принята радиально-кольцевая система планировки. Она начиналась от Московского проспекта, как бы закончившего регулярную планировку. Центром стала обширная Константиновская площадь, образовавшаяся на выходе к Чаули центральной Соборной улицы.

Новая радиально-кольцевая планировка строилась на продолжении на восток Соборной улицы — Саларском проспекте⁹ и двух радиусах — Лагерном и Куйлюкском проспектах, лежавших в промежутках между Московским проспектом и поперечной осью. Эти радиусы и находящиеся между ними Шинкинская и Садовая улицы разбивали территорию на отдельные сектора, которые, в свою очередь, кольцевыми улицами делились на кварталы, имевшие в плане трапециевидальную форму.

Восточная часть города была застроена значительно свободнее. Улицы стали шире, особенно радиальные проспекты: ширина их проезжей части — 25 м, полоса кирпичных тротуаров и примыкавших полос зелени или насаждений перед домами — 15 м. Ширина всей улицы между домами достигала 55 м. Два ряда де-

ревьев по обеим сторонам улицы сделали их прямыми тенистыми бульварами.

Освоение этой части города началось около 1875 г. и фактически последовало за полным завоеванием и ликвидацией Кокандского ханства и после успешного взятия Хивы. Вполне естественно, что названия концентрических улиц новой части города также отражали завоевательную политику царской России, — Кокандская, Андиганская, Намаганская¹⁰, Балыкчинская, Ассакинская.

Царская администрация была весьма заинтересована в быстрейшей колонизации края и всячески содействовала росту русских поселений. По распоряжению генерал-губернатора Кауфмана, начиная с 1868 г., в Ташкенте всем начальникам отдельных воинских частей и управлений, а также лицам, получавшим содержание не менее 1500 руб. в год, выдавали на постройку домов ссуду в размере годового оклада с рассрочкой уплаты на десять лет и ежегодным взносом в течение этого срока двух процентов от полученной ссуды.

Для заселения новой части города были значительно увеличены нормы земельного надела и участки, отводимые под застройку, стали большими, достигая 3000 кв. саженей (2,25 га). Теперь уже, как правило, при домах разбивали сады, устраивали бассейны для купания. Безусловно, фактические размеры владений и величина дома зависели от зажиточности владельца.

Новая «зачуйлинская» часть застраивалась значительно медленнее и многие годы представляла собой почти загородную дачную местность. Но к концу XIX в. ее стали застраивать активнее, плотность застройки стала расти. Несмотря на то, что администрация края выделяла участ-

ки в первую очередь ветеранам, выдавая им ссуды, вскоре в этом деле выявилось много злоупотреблений. Многие деятели — офицеры, коммерсанты и даже священники, с помощью той же администрации, захватывали громадные участки, которые вскоре становились объектами откровенной спекуляции. Наглядный пример тому: широко известный случай жульничества окружного ветеринара Н. П. Гороховцева, захватившего 2500 кв. саженей (10,4 га) городских земель в пределах улиц Пушкинской, Гоголевской, Почтовой и Бородинской. Городская управа обнаружила захват лишь спустя десятилетие и возбужденное в восьмидесятых годах судебное дело, дошедшее до Сената, не дало результатов. В начале нашего века стоимость этой земли возросла до полумиллиона рублей и откупить ее в казну Городская дума была не в состоянии. Поэтому на генеральных планах Ташкента 1890 г., 1899—1901 гг. и даже 1910 г. в центре города обозначен громадный пустырь. Только после 1910 г. эти земли были возвращены городу и здесь пробили три улицы — Лефьмонтовскую, Крылова и Некрасова, которые разделили территорию на четыре небольших квартала, вскоре плотно застроенные жилыми домами.

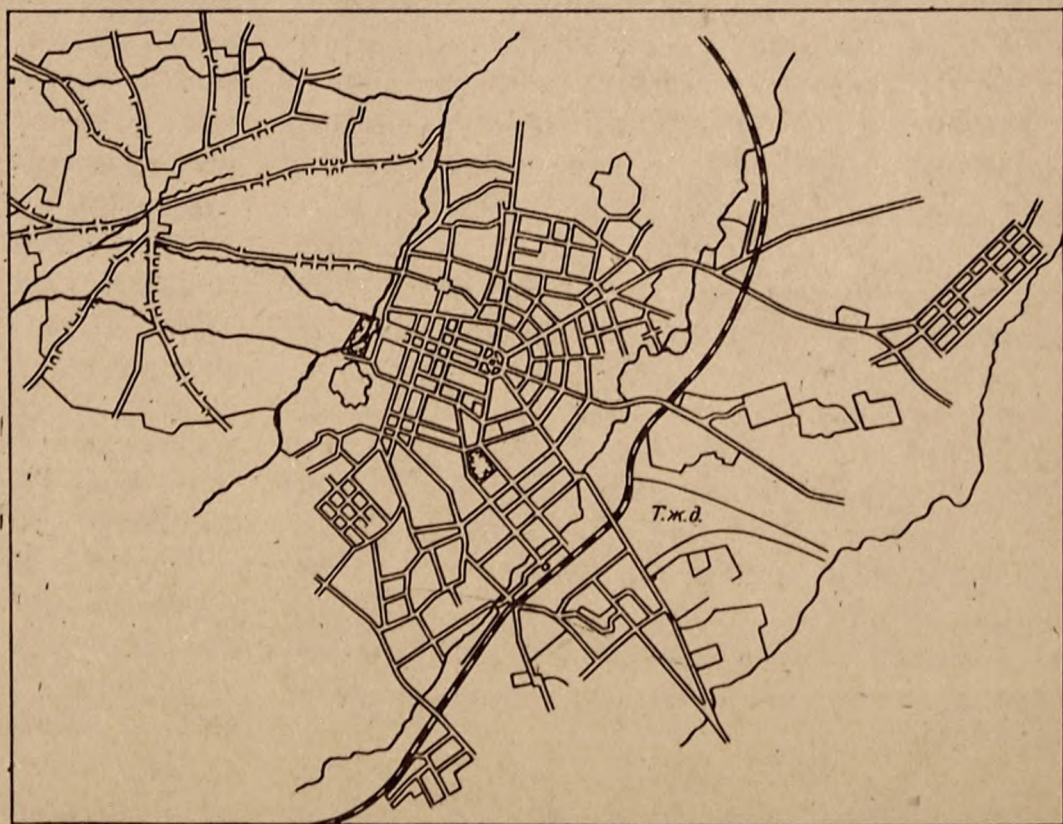
Еще в 1868 г. очень большая территория на юго-восток от городской застройки, включая обширную урюковую рощу и городище, где находился Ташкент до VIII в., известное под названием Миңг-урюк, была выделена под городскую ярмарку. Здесь предполагалось сосредоточить сезонную торговлю привозимыми сельскохозяйственными продуктами, домашним скарбом и скотом, разместить различные питейные заведения. В 1873 г. архитектор А. И. Леханов составил для

ярмарки проект Биржи. Тогда же он спроектировал и очень крупный комплекс караван-сарая, в котором по периметру большого трапециевидного двора располагалась система проходных лавок, связанных между собой с двух сторон открытыми галереями¹.

Ярмарка, однако, не развивалась, со временем потеряла свое значение, а неблагоустроенная территория стала пользоваться мрачной репутацией. Ее начали застраивать интендантскими и артиллерийскими складами, а в девяностых годах часть территории использовали для строительства городской больницы и ре-

месленного училища. В 1893 г. на значительной территории был разбит Александровский парк.

Впоследствии, перед небольшим зданием театра (перестроенного из Биржи), на краю парка намечалось создать новую обширную площадь, обстроенную зданиями общественного назначения. Для нее в 1904 г., в связи с предполагавшимся переводом епархии из Верного в Ташкент, инженер А. А. Бурмейстер спроектировал большое здание кафедрального собора. Однако перевод епархии не состоялся, и собор построен не был. В 1916 г. на западном краю предполагавшейся площади бы-

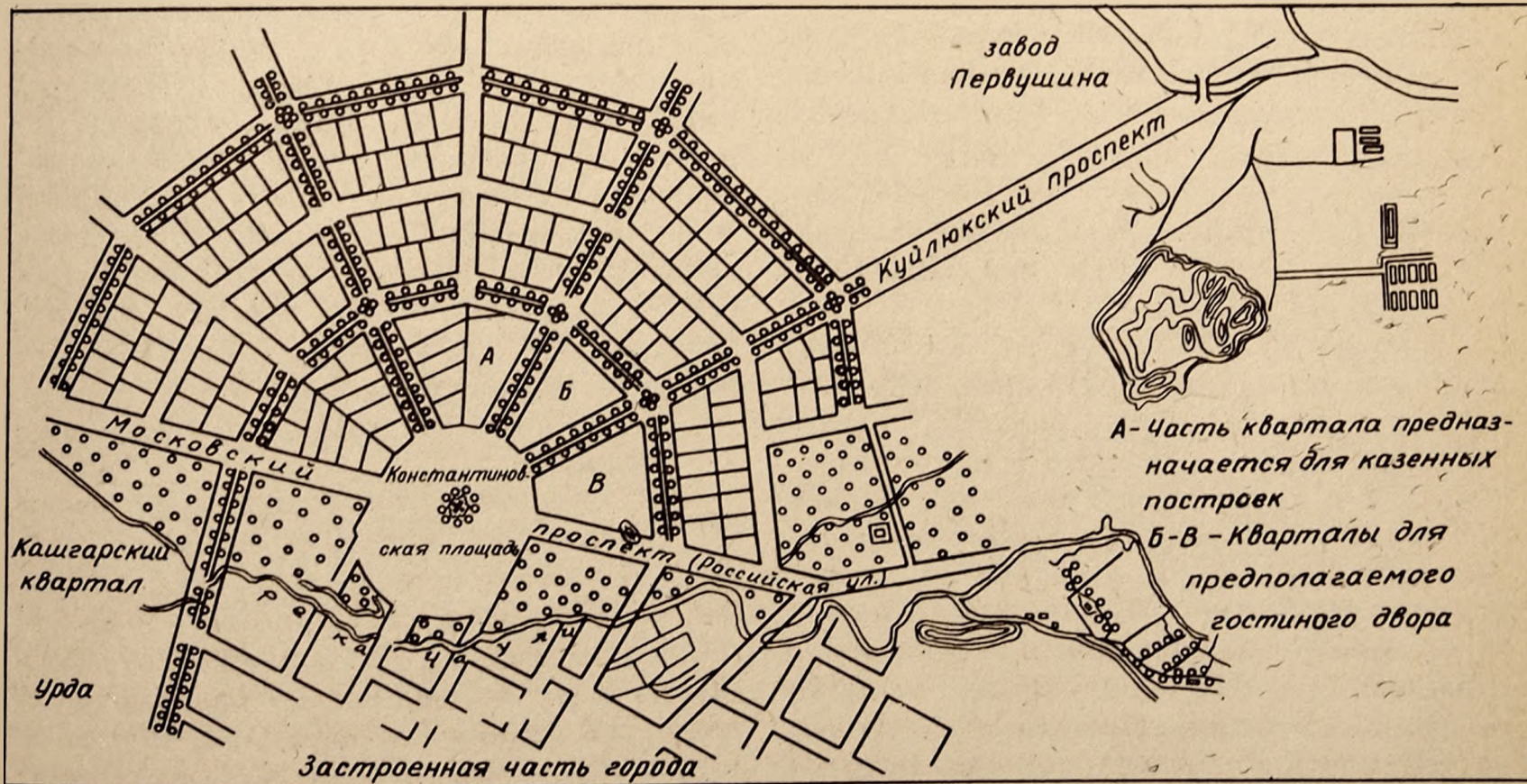

13.

Планировка Ташкента. Проект М. Н. Колесникова.

14.

Схема плана Ташкента начала XX в.

ло построено крупное здание Судебных установлений.

Этот район, оказавшийся, в связи с ростом города, в самом его центре, так до самой революции и был неблагоустроенным, застроенным ветхими постройками «куриного базара», «барахолки», харчевнями, будками и прочими невзрачными сооружениями. Пыль, грязь, антисанитария — характерные его приметы¹².

Юго-восточнее территории ярмарки уже в начале восьмидесятых годов возник еще один (третий) жилой район города, имеющий регулярную систему плана, и основанный на взаимно перпендикулярных улицах, ориентированных на северо-запад — юго-восток (Духовская — Константиновская) и северо-восток — юго-запад (Мариинская, Варваринская, Владимирская). Особенно активно он стал развиваться с начала XX в., когда была построена железная дорога. К концу XIX в. здесь находились жилые кварталы с достаточно просторными земельными участками (0,5 — 0,6 га), а также кварталы военных складов и казарм.

В конце XIX в. Ташкент — это, в первую очередь, административный центр завоеванного края, город-крепость, в котором жилые районы вместе с административными и другими зданиями находились под надежной защитой военно-оборонительных сооружений и казарм многочисленного гарнизона. Помимо упомянутых сооружений и казарм, замыкающих город с запада и юго-запада, система лагерей, стрелковых, артиллерийских и казачьих частей почти сплошной полосой вытянулись по восточной границе города, вдоль левого берега Салара.

Строительство железной дороги и более

активные связи с центральными районами России способствовали оживлению капиталистической торговой и промышленной деятельности, активному притоку в города Средней Азии новых масс населения и, в первую очередь, рабочего люда.

Поэтому с начала нового века происходит освоение новых земель в северных районах, между улицами Новой и Ниязбекской, где прямоугольная сеть новых улиц создает еще один жилой район. В это же время происходит стихийная застройка земель на южной и восточной границах города, когда застраивается район Госпитальных и Мирабадских улиц, кривых и узких, образовавшихся на старых проселочных дорогах.

На пойменных землях Салара, тяготея к расположенным здесь промышленным предприятиям — мельницам, хлопкоочистительным, виноводочным заводам, ремонтным мастерским, депо и складам железнодорожного узла, начинают стихийно возникать рабочие слободки. В них ютилась рабочая беднота, а застроены они были чрезмерно плотно ветхими домами. Грязные, антисанитарные, лишенные элементарного благоустройства, слободки часто становились очагами эпидемических заболеваний.

По свидетельству городского головы Н. Г. Малицкого, в 1909 г. «русская часть города далеко переросла границы, указанные К. П. фон-Кауфманом в начале семидесятых годов... По окраинам русского города образовались весьма опасные в санитарном отношении переулки, кривые и узкие, густо обстроенные домами. Пришло со всех частей России и соседних стран азиатского Востока население, особенно беднота, населяющая окраины, недоста-

точно приспособилась к местным условиям, и в этом причина загрязнения почвы и воды, наблюдаемого в густонаселенных кварталах города»¹³. Низкий уровень благоустройства, незначительное озеленение, пыль и грязь — характерные черты всей новой трущобной застройки у Салара. Исключение составляли возникший на месте лагерей 5-го Оренбургского казачьего полка комплекс построек Ташкентского Кадетского корпуса, а на месте лагерей 4-го и 10-го линейных батальонов — Юнкерское училище.

Русский город Ташкент в новых границах во много раз превосходил поселение, которое застраивалось до 1875 г. В нем были обширные пролетарские районы, слободки, но появились и районы с широкими магистралями, хорошо озелененные, с относительно лучшим благоустройством, где сосредоточивались все сооружения общественного назначения.

Постепенно Ташкент начал приобретать черты типичного капиталистического города с делением на центр и окраину. Появились названия, связанные с фамилиями заводчиков и купцов: улицы Лахтинская, Косьяновская, Давыдовская; Первущинский мост, Тезикова дача и др.

Несмотря на то, что после 1875 г. в Ташкенте появились новые районы, более комфортабельные и с более совершенной планировкой, его ранняя застройка весь дооктябрьский период продолжала оставаться основной, в ней были сосредоточены все главные торговые и административные учреждения. Даже сейчас она — часть центра, коренным образом реконструированного, двухмиллионного социалистического города.

Накануне революции застройка центра

города уплотнялась, многие здания перестраивали, появлялись новые здания торгового, общественного или административного назначения. Определялись главные магистрали, на которых сосредоточивались наиболее важные в общественной жизни постройки, второстепенные, входившие в структуру жилых кварталов.

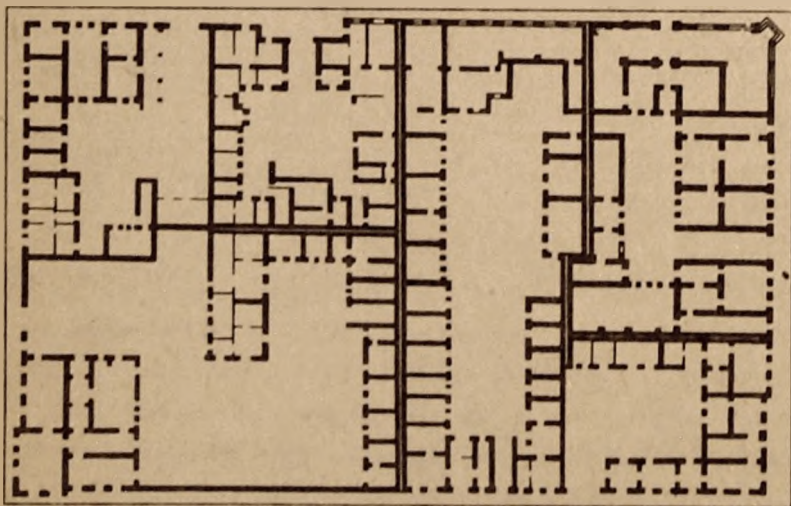
Наглядным примером сочетания построек различного назначения в жилой застройке центральной части Ташкента был квартал, расположенный между улицами Иржарской, Петербургской, Ура-Тюбинской и Зерабулакской. В последние годы, как и большинство других кварталов, он претерпел существенные изменения. Многие здания были модернизированы, некоторые планировочно усложнены, а хозяйственные постройки приспособлены под жилье, и все же квартал сохранил старую структуру и облик.

Этот квартал небольшой (112 × 72,5 м), с очень четким шагом по длинной стороне, равным 28 м и соответствующим границам отдельных владений. Всего в квартале, после всех перестроек и перепланировок, происшедших еще в дооктябрьское время, было шесть владений.

На углу Ура-Тюбинской и Зерабулакской, в наиболее отдаленном от оживленного уличного движения месте, на обширном и озелененном участке, равном по площади четверти всего квартала, расположен жилой особняк, построенный в начале XX в. в формах провинциального модерна, но с большими, высокими помещениями на высоком цоколе, с развитыми террасами. Это — типичный частный дом дореволюционного зажиточного ташкентца. В глубине озелененного двора — хозяйственные постройки с болаханой — тра-

диционным открытым помещением на втором этаже для хозяйственных нужд. Рядом с этим домом находились постройки, в которых сочетались функции доходного дома и торгового заведения. Это — длинное сооружение, вытянутое на всю ширину квартала. На оживленную Иржарскую улицу выходили торговые помещения и, примыкающие к ним со стороны двора, складские. На противоположную улицу выходил двухэтажный фасад жилой половины дома с высоким проездом во двор. В этой части дома располагались двух- и трехкомнатные квартиры, одна из которых принадлежала владельцу. Вдоль южной стороны двора проходила двухъярусная, открытая на север галерея, к которой примыкали одно- и двухкомнатные дешевые квартиры, предназначенные для сдачи в наем одиночкам и мало-семейным.

Одноэтажные жилые дома с несколькими многокомнатными квартирами находились по углам квартала. Здесь наи-

более крупные квартиры имели самостоятельные парадные входы с улицы и выходы на дворовые террасы. В глубине двора этих домов располагались хозяйственные постройки.

Наиболее крупные двухэтажные здания находились на очень оживленном углу улиц Иржарской и Петербургской, где было крупное торговое помещение со складом, а на Петербургскую выходили подъезды конторских помещений и глубокий проезд во двор с двухъярусной галереей, на которую также выходили двери и окна служебных и складских помещений. Эта постройка — наглядный образец здания, предназначенного для многоотраслевых капиталистических фирм, которые интенсивно возникали в начале XX в.

Одной из главных в Ташкенте была улица Романовского. Она возникла еще в плане города 1866 г. и была его планировочной осью. Еще в 1875 г. она называлась Большим или Базарным проспектом; на юге начиналась в районе военных казарм, проходила через весь город, и заканчивалась на севере военными постройками на месте старой Кокандской цитадели.

Улица Романовского связывала окраинные районы города с основным центром обширной торговой деятельности — Воскресенским рынком.

Воскресенский рынок образовался почти одновременно с возникновением нового Ташкента в 1868 г. Поначалу это было очень неблагоустроенное место со множеством ветхих лавок и различных питейных заведений. В 1882—1883 гг. базар был перестроен. Теперь он состоял из двух частей — восточной, неблагоустроенной, и западной, более крупной, где торговали мануфактурой, обувью, продук-

тами. Здесь угловые в плане постройки окружали достаточно просторную внутреннюю площадь, куда вели входы по осям комплекса. Торговые помещения были приподняты на высоком цоколе, с полуподвалами и были окружены со всех сторон широкими террасами.

Основные торговые сооружения Воскресенского рынка как со стороны примыкающих улиц, так и со стороны внутренней площади, имели тенистые галереи, чем напоминали традиционные гостиные дворы. Вокруг рынка, на другой стороне улиц, также располагались магазины, пассажи, гостиные дворы, ремесленные кустарные мастерские. Среди них могут быть отмечены Пассаж бр. Яушевых — компактное угловое здание с внутренним двором, к которому примыкали служебные и торговые помещения, расположенные на двух этажах. Здание было построено в 1913 г. в формах модерна, но имеющих хорошие пропорции и хорошо прорисованных. Другое торговое здание, где также учитывались местные климатические условия, находилось на другой стороне рынка. Здесь по первому этажу шла длинная галерея с металлическими стойками, связывающая между собой изолированные помещения, в которых торговали различными товарами. В отличие от традиционных гостиных дворов, здесь на втором этаже располагались жилые комнаты, объединенные выходящей во двор и ориентированной на север галереей.

Торговые здания находились и на другой стороне улицы Романовского; в пределах Воскресенского рынка была и центральная городская аптека, построенная в 1910 г. Далее, на север по этой улице, располагался цирк Ф. А. Юпатова, построенный в 1913 г., вновь цепочка магазинов,

включая большой одноэтажный общества «Треугольник». Напротив магазина были небольшой сквер, посаженный в 1893 г., и церковь Иосифа и Георгия. На той же стороне улицы, выходя на нее боковым фасадом, располагались дворец, подсобные постройки и парк великого князя. К этому же отрезку улицы примыкали здание кинотеатра «Хива» и основные административные здания тех времен: канцелярия Туркестанского генерал-губернатора — угловое одноэтажное здание с подчеркнутой входной угловой частью, построенное в 1876 г. военным инженером Д. К. Зацениным¹⁴. Чередование плоских каннелированных пилястр с ионическими капителями и полуциркульных окон — основной мотив обработки фасадных поверхностей этого дома. Между кинотеатром «Хива» и Канцелярией находилось здание Сырдарьинского областного правления — также одноэтажное здание, построенное Д. К. Зацениным в довольно простых и малопримечательных формах.

Также очень просто построил инженер А. И. Леханов в 1877 г. двухэтажное здание Контрольной палаты с подчеркнутым объемом входа с широкой одномаршевой лестницей. Она вела на второй этаж, который был основным служебным этажом, а внизу располагались только подсобные хозяйственные помещения.

Наиболее примечательна среди зданий административно-общественного назначения — Городская дума. Она выходила на улицу Романовского боковым фасадом, а главным на Воронцовскую. Городской думе принадлежало одноэтажное угловое здание с ассиметричным фасадом, построенное в 1899 г. по проекту архитектора Гамбургера.

Входная часть в левом крыле фасада

была решена в виде двухколонного антового портика в сочных и четких формах греко-дорического ордера. Всю остальную часть главного фасада занимал ритмический ряд окон хороших пропорций, с арочным полуциркульным завершением, забранных в сочные наличники. Внутренняя распланировка всех этих зданий не представляла интереса, так как была основана на коридорной системе с двухсторонней застройкой служебными помещениями¹⁵.

Располагались торговые, банковские и другие частные капиталистические предприятия и на параллельной Романовского — Иржарской улице. Она начиналась от Воскресенского рынка, вблизи которого находилось одно из наиболее крупных торговых зданий — магазин товарищества Зингер — основного поставщика швейных машин. Этот магазин по Иржарской занимал небольшой квартал. Он был одноэтажным, имел систему специальных торговых залов с входами в центре здания и по углам. Причем, по углам здание было отмечено декоративными куполками — прием, очень распространенный в архитектуре тех лет.

Из других зданий, находившихся на Иржарской улице и имевших художественную ценность, необходимо назвать второй магазин бр. Яушевых, в квартале между улицами Петербургской и Соборной, и здание Азово-Донского банка.

Первое из этих зданий имело довольно сложную планировочную композицию, сочетавшую торговые, служебные и даже банковские помещения, расположенные в два этажа и связанные одномаршевыми металлическими лестницами. Поверху фасад здания был обработан приставными полуколоннами ионического ордера, под-

черкивавшими его центральную часть¹⁶.

Здание банка было построено в 1915 г. И. А. Маркевичем по эскизу Ф. И. Лидваля в формах Ренессанса, с явной тенденцией введения в наружный декор элементов модерна (рельефные гирлянды во фризе и человеческие головы). Композиция фасада здания была строго симметричной. Первый этаж выполнен в штукатурке и организован ритмом арочных проемов. На втором этаже, выполненном в жженном кирпиче, высокие арочные проемы выражали большое, нерасчлененное пространство главного операционного зала. Выступающий в шахматном порядке кирпич придавал стене пластичность и интересную игру света и тени¹⁷.

Основной, главной улицей Ташкента была Соборная (впоследствии Кауфманская), пересекавшая город с запада на восток, и все время являвшаяся поперечной осью планировочной композиции города. В общественной жизни города особенно большое значение имел западный отрезок этой улицы, проходившей по территории наиболее старой части города — между Соборной площадью и Константиновским сквером.

Соборная площадь, лежащая на краю нового Ташкента, была официальным и культовым центром города. Здесь, на западном краю, располагался Белый дом — место пребывания и резиденция начальника Туркестанского края — генерала-губернатора.

Белый дом представлял собой одноэтажное, большое по занимаемой площади здание с довольно путанной планировкой. Произошло это потому, что дом не был построен сразу по определенному архитектурному проекту, а складывался

постепенно. Белый дом — одна из наиболее старых построек. Он был построен в 1866 г., но землетрясение 1868 г. его очень сильно разрушило. Его начали перестраивать и увеличивать размеры постепенно, одновременно с увеличением потребностей и запросов его довольно часто менявшихся владельцев. В основном он был построен в семидесятые годы XIX в. при генерал-губернаторе Кауфмане.

Окончательно Белый дом представлял собой вытянутые вдоль края площади разновысотные одноэтажные объемы, несколько отодвинутые от красной линии таким образом, что его фланкировал объем с выступающим вперед двускатным навесом. Этот навес основан на прихотливых деревянных колоннах и балках, которые обильно были покрыты сочной глубокой резьбой, в которой заметны моменты, присущие характерным для тех лет иллюстрациям русских сказок. Разные деревянные элементы активно контрастировали с белыми стенами центральной части фасада, где спокойный ритм раскрепованных лопаток и удлиненных окон с полуциркульными архивольтами, был основным средством архитектурного решения.

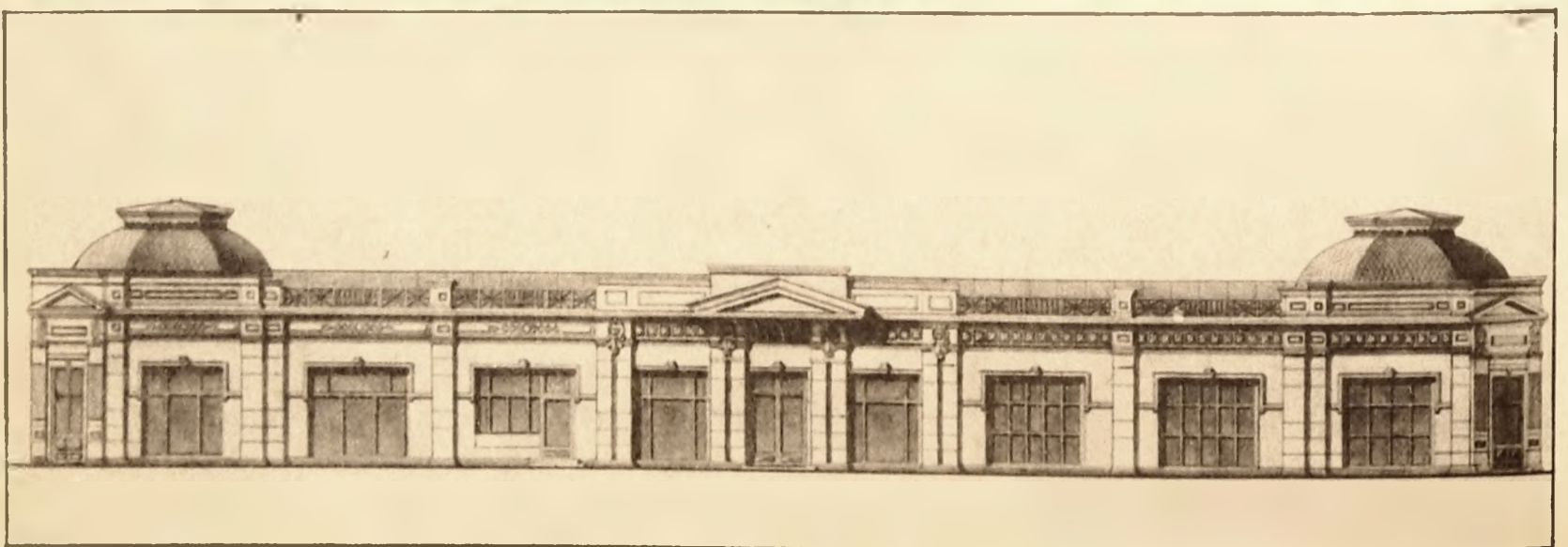
Решение фасада здания свидетельствует о безусловном наличии вкуса и высоких профессиональных знаний у архитектора, доведшего здание до конца. Вполне возможно, что в архитектурной обработке фасада принимал участие архитектор А. Бенуа, который занимался строительством дома в 1877 и 1883—1884 гг.

Планировка дома была довольно сложной, путанной, и определить какую-нибудь планировочную закономерность невозможно. Выделяется группа больших приемных помещений, в том числе большой или

Георгиевский зал и большая столовая. К ним примыкал Зимний сад, расположенный посередине дома и возвышавшийся остекленной крышей над всеми другими помещениями. Перекрытие зала поддерживалось изящными по рисунку тонкими металлическими стойками. Строителем этих помещений был военный инженер, капитан Белоха.

В глубине дома находились интимные помещения — жилые комнаты, кабинет, комната заседаний Совета и пр. К этим помещениям примыкала обширная терраса со спуском в сад. Во внутренней отделке некоторых помещений принимали участие местные народные мастера¹⁸.

Как и Белый дом, все постройки, окружавшие площадь, были одноэтажными. Поэтому доминирующее положение Спасо-Преображенского собора на площади было очевидным. Собор построен в 1888 г. по проекту А. И. Резанова, видоизмененному в ходе строительства И. М. Погоским и В. С. Гейнцельманом, который одновременно руководил стройкой. Эта переделка была вызвана необходимостью сократить объем здания; в итоге отказались от традиционного пятиглавия и окружающей здание арочной галереи. Кроме того, В. С. Гейнцельман запроектировал и построил отдельно стоящую колокольню¹⁹. Здания собора были из жженого кирпича без наружных штукатурок, в общепринятых для больших храмов «русско-византийских» формах, что придавало постройкам некоторую тяжеловесность. Собор имел четко выраженную в плане и объемной композиции форму равноколенного греческого креста, над средокрестием которого расположен двенадцатигранный арочный барабан, несущий пологий купол.

18.

Здание Городской думы.

19.

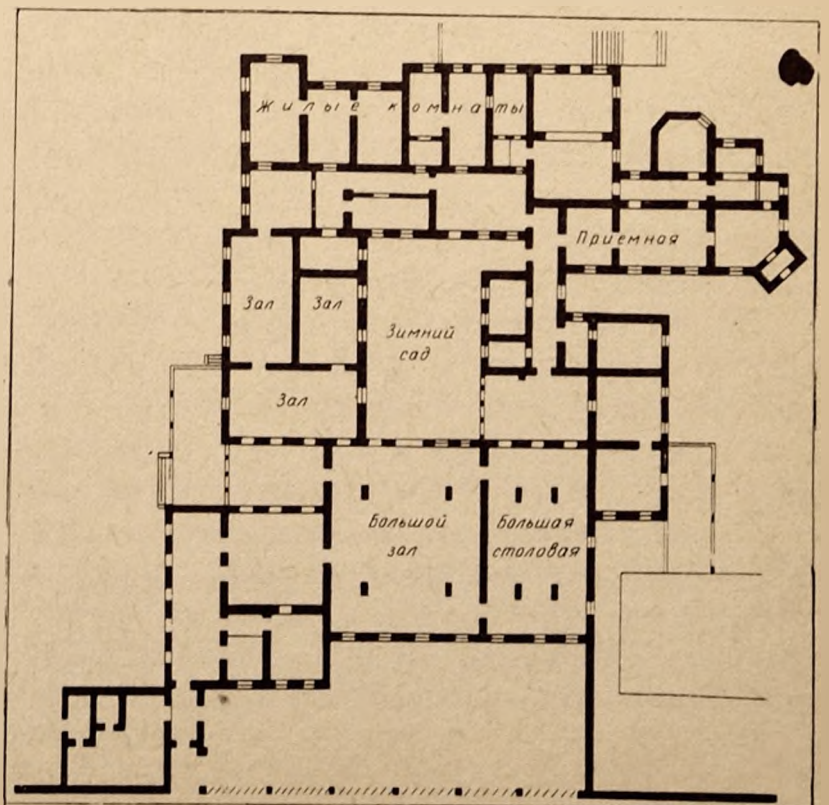
Магазин общества Зингер.

20.

Белый дом. Резиденция начальника края.

21.

Белый дом. План.

В каждую грань барабана вписаны разьединенные колонкой арочные удлиненные окна. Такие же окна на колонках с кубовидными капителями вписаны в арочные обрамления фасадов по осям собора. Объем собора располагался на низкой платформе, обрамленной невысоким кирпичным ограждением. Вход в собор с запада подчеркивался трехпролетным металлическим портиком на тонких изящных колонках.

Отдельно стоящая трехъярусная колокольня, высотой около 33 м, была столь же массивна, как и собор. Особенно массивна была колокольня внизу. Верхние граненые части, где есть арочные проемы, были полегче, особенно эффектно арочное венчание колокольни. И собор, и колокольня выполнены в близких по стилю формах романо-византийской архитектуры и составляли единой архитектурный комплекс.

Интерьер собора был выполнен в светлых тонах и строгих формах, сочетающих византийские элементы и классические принципы членения поверхностей. Уровень начала арок и сводов подчеркивался раскрепованным карнизом, а кривые поверхности сводов организовывались переплетающимися жгутами, образующими прихотливой формы картуши.

Наиболее примечательным в художественном отношении и ценным был резной дубовый иконостас, сделанный по рисункам М. О. Микенина в 1887 г.²⁰ Стремясь увязать его с архитектурным стилем собора, иконостас сделали отличным от традиционных иконостасов старых русских церквей, обычно занимающих всю вертикальную плоскость алтаря. Он поднимается только до высоты пяти свода и вы-

полнен в спокойных формах; строго симметричен, причем царские врата, находящиеся традиционно в центре композиции, весьма скромны по размерам и рисунку. Иконостас трехъярусный, и в нем заметна условно трактованная схема триумфальной арки, хотя количество вертикальных членений значительно больше, чем это было в подобных сооружениях.

Архитектурно-художественная обработка интерьеров и внешний облик свидетельствуют, что Спасо-Преображенский собор был одной из лучших церквей, построенных в конце XIX в. в Российской империи, и наиболее крупным сооружением подобного рода в Туркестанском крае.

Спасо-Преображенский собор очень долгое время был единственным крупным сооружением на площади перед Белым домом, не находя себе отклика в одноэтажной окружающей застройке.

В 1894 г. В. С. Гейнцельман спроектировал новое здание для генерал-губернатора, на месте старого, и поместил его на одной оси с колокольней и собором. В проекте показано крупное здание Ф-образной формы в плане, с двумя внутренними дворами и четкой внутренней распланировкой отдельных помещений.

Фасад здания строго симметричен с подчеркиванием большой и глубокой сводчатой ниши и развитием центральной части. Здесь он как бы варьирует тему «пештака» — традиционный прием местных медресе и мечетей, но решает ее в экзотичных византийско-мавританских формах. В этих же формах (подковообразные клинчатые арки, полосатая фактура стен и пр.) решено и двухэтажное здание. Проектируя это здание, В. С. Гейнцельман сделал попытку создать в районе Соборной

площади крупный ансамбль, решенный в экзотических восточных формах. В 1904 г. он еще раз возвращается к этому проекту, несколько упрощая главный фасад и уменьшая его высоту. Но все эти попытки архитектора не встретили поддержки и ансамбль не был построен.

Западнее Соборной площади, отделенная от нее всего одним небольшим кварталом жилых домов, располагалась еще одна площадь, где находилась церковь св. Иосифа и Георгия, самая старая в Ташкенте. Она была построена еще в 1868 г. из сырцового кирпича и, несмотря на малые размеры, в первые годы жизни города считалась главным православным храмом. На прилегающей площади проходили военные парады.

В 1877 г. церковь была перестроена, появились боковые террасы и облик ее

стал более нарядным. Тогда же была построена отдельно стоящая колокольня, соединенная с панертью церкви крытым переходом. Перестройку церкви и строительство колокольни вели по проекту инженера Н. Ф. Ульянова, в едином русском стиле, но значительно скромнее многих российских образцов.

Колокольня была трехъярусной, причем два нижних были прямоугольными, а верхний: перекрытый высоким шатром, — восьмигранным. Переход от восьмигранника к круглому основанию шатра образыв-

22.

Спасо-Преображенский собор в Ташкенте.

23.

Иосифо-Георгиевская церковь.

вался лентой стрельчатых глубоких кокошников. Кокошники, угловые декоративные полуколонки, наличники и другие детали были белыми и активно выделялись на голубом фоне стенок. Тот же прием был заложен и в декоре самого здания церкви²¹.

Вторым после Спасо-Преображенского собора наиболее примечательным зданием города был особняк опального великого князя Николая Константиновича. Это было небольшое здание, значительно меньшее по размерам многочисленных петербургских дворцов, принадлежавших царской семье, царским родственникам. Оно было меньше многих особняков купцов и царских чиновников.

В основной части здание имело один этаж, но поднято на высоком цоколе, в котором есть небольшие сводчатые помещения складского назначения²². Хозяйственные помещения и комнаты для прислуги находились в двух одноэтажных сырцовых флигелях, располагавшихся по углам усадьбы и фланкировавших входные ворота со стороны Соборной улицы. Весь комплекс построек был воздвигнут в 1889—1890 гг. по проекту А. Л. Бенуа и под руководством В. С. Гейнцельмана, и несет все стилистические и качественные признаки, присущие этим мастерам.

Дворец располагался в глубине участка, за кованной металлической решеткой и большим цветником. К центральному двухэтажному объему, увенчанному куполом с высоким флагштоком, подводил пологий пандус. По краям здания находились два ризалита, также увенчанные куполами, но более пологий формы.

Планировка здания подчинена закону абсолютной симметрии (что не всегда удоб-

но для жилого сооружения). Через проходное тамбурное помещение вход вел в центральный вестибюль, откуда можно пройти прямо в гостиную, выйти в боковые галереи и по винтовой лестнице подняться в небольшой кабинет. Из кабинета можно выйти на балкон, находящийся над главным входом; такой же балкон примыкает на северной стороне дома, к помещению гостиной. Боковые галереи связывали с центральной группой все остальные жилые комнаты. До сих пор сохранили старый декор угловые помещения, перекрытые высоким граненым куполом. Левое (западное) расписано с явным стремлением запечатлеть красочную орнаментальность местного живописного декора, в другом (восточном) декор передает своеобразие европейской средневековой орнаментации. Причем, в обоих случаях красочный декор имеет следы современной строительству модернизации, но все же довольно удачно увязан с формой и размерами помещения.

Черные лестницы в угловых объемах связывали жилые апартаменты с небольшими комнатами на втором этаже, цокольным этажом и парком.

Наиболее примечательная черта архитектурной композиции здания и его обработки — объемность. Расчет на зрительное восприятие с разных точек и вызывал равноценную обработку всех частей здания — со стороны главного фасада, боковых и задних частей. Этот небольшой дворец имеет много очень интересных и архитектурных находок.

Небольшие размеры здания, расположение его в зеленом тенистом парке и вызвали его архитектурное решение в несколько романтическом духе, с использо-

ванием форм романо-византийского характера. Все это, а также своеобразная композиция способствовали созданию образа охотничьего загородного особняка. Этому способствовало также включение в архитектуру дворца декоративной скульптуры — охотничьих собак, благородных оленей и вкомпанованных в овальные медальоны на фасадных стенах боковых флигелей голов породистых коней.

Находившееся на другом углу улиц Соборной и Романовского здание кинотеатра «Хива», принадлежавшее также великому князю, было сделано совершенно в ином стиле. Построенное в 1912—1916 гг. по проекту Г. М. Сваричевского²³, это было чисто коммерческое сооружение, тип которого еще только начал определяться, и поэтому имело много функциональных и конструктивных недостатков.

Планировка здания была очень проста: большой прямоугольный зал удлинённых пропорций, по бокам которого располагались кулуары для зрителей. В конце зала находился довольно просторный вестибюль, куда можно было попасть с улицы через угловой вход.

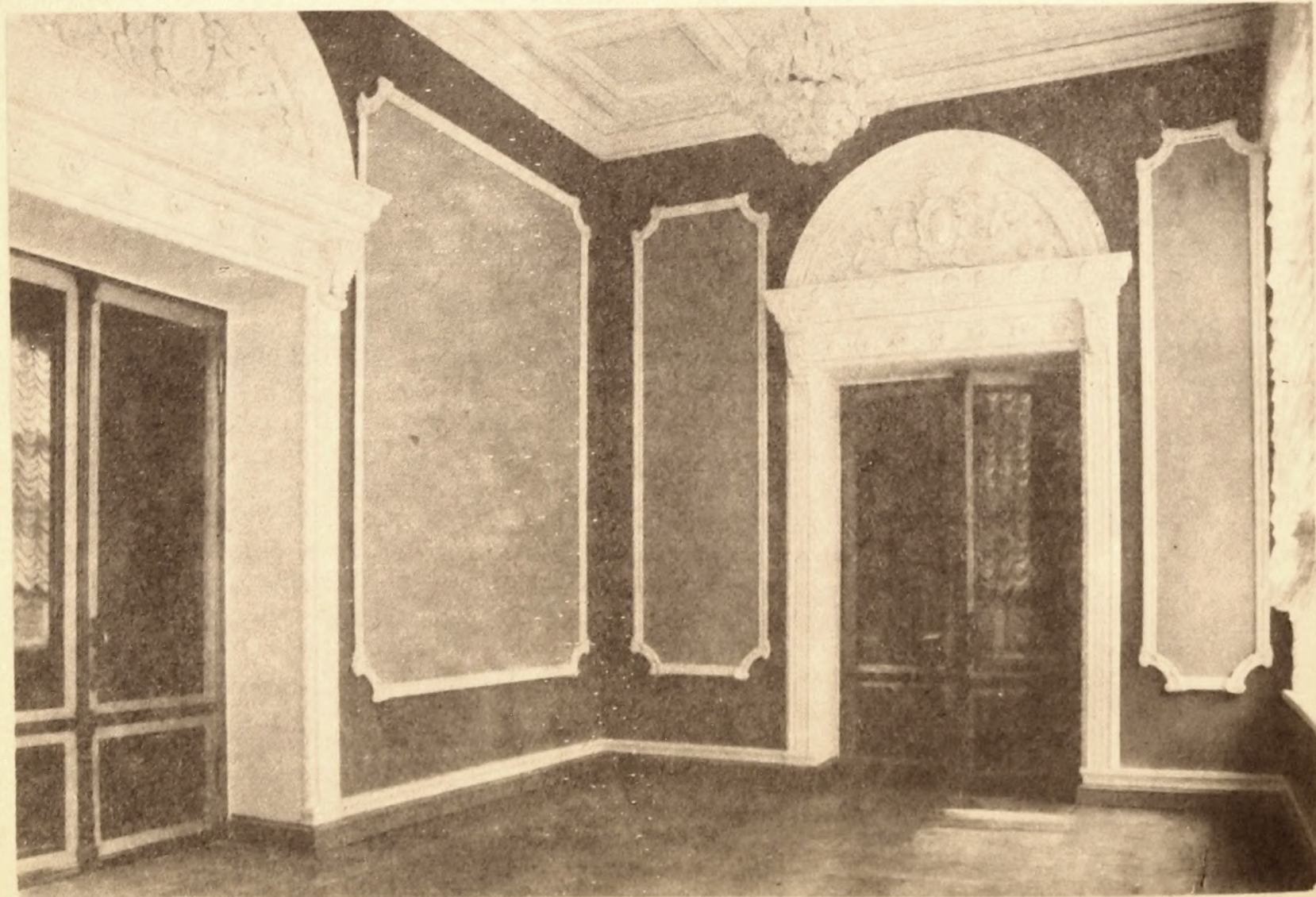
Высота зала была выше боковых помещений, что позволило сделать двускатную кровлю и вытяжные окна.

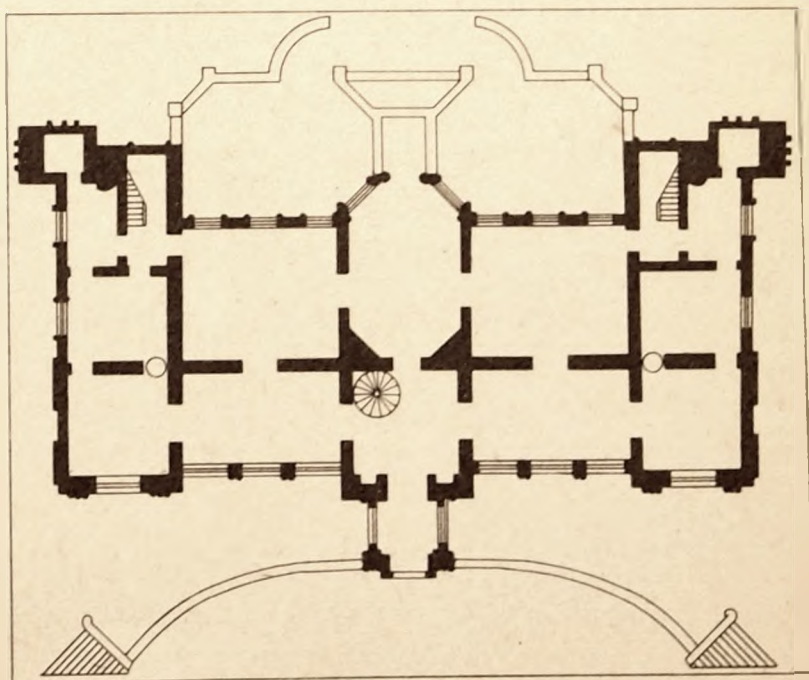
Внешний облик здания оригинален. Его светлые и гладкие стены сверху были увенчаны зубчатыми парапетами, а внизу прорезаны стрельчатой формы оконными и дверными проемами, вписанными в прямоугольные обрамления. Срезанный угол, в котором находился главный вход в здание, был развит за счет увеличения высоты стен и устройства двух фланкирующих стрельчатый вход круглых башен с декоративными куполками. Вверху цент-

ральной части, где также проходил зубчатый парапет, находилась еще аркатура с чередующимися нишками и такими же по форме проемами. Таким образом, здесь нашли применение формы, свойственные традиционной среднеазиатской монументальной архитектуре. Это особенно заметно в центральной части, где применены угловые башни-гульдаста, и венчающая стрельчатая аркатура, обычно являвшаяся обязательным элементом крепостных ворот в городских стенах и резиденциях местных феодальных правителей (особенно в Хиве). Возможно, для большего подчеркивания «крепостного характера» архитектуры здания были использованы старые пушки, в чисто декоративных целях установленные по бокам входа.

Здание кинотеатра «Хива» — один из первых примеров использования в новой, европейской по содержанию, архитектуре традиционных средневековых форм для подчеркивания местного своеобразия и создания более экзотического облика.

Соборная улица²⁴ в промежутке от кинотеатра до Кауфманского сквера всегда была излюбленным местом гуляний и встреч ташкентцев. Здесь были расположены аптекарский магазин И. И. Краузе, несколько фотоателье, много небольших и крупных магазинов. Определенного внимания заслуживает здание гастрономического магазина купца А. Н. Захо и большой пассаж местного богатея Арифходжи Азизходжаева. Первый магазин располагался на углу ул. Иржарской и имел явно выраженное угловое планировочное и объемное решение. Здание представляло собой спокойный равновысотный двухэтажный объем, на втором этаже которого располагались жилые и служебные комнаты,

24.

Дворец великого князя Николая Константиновича.

25.

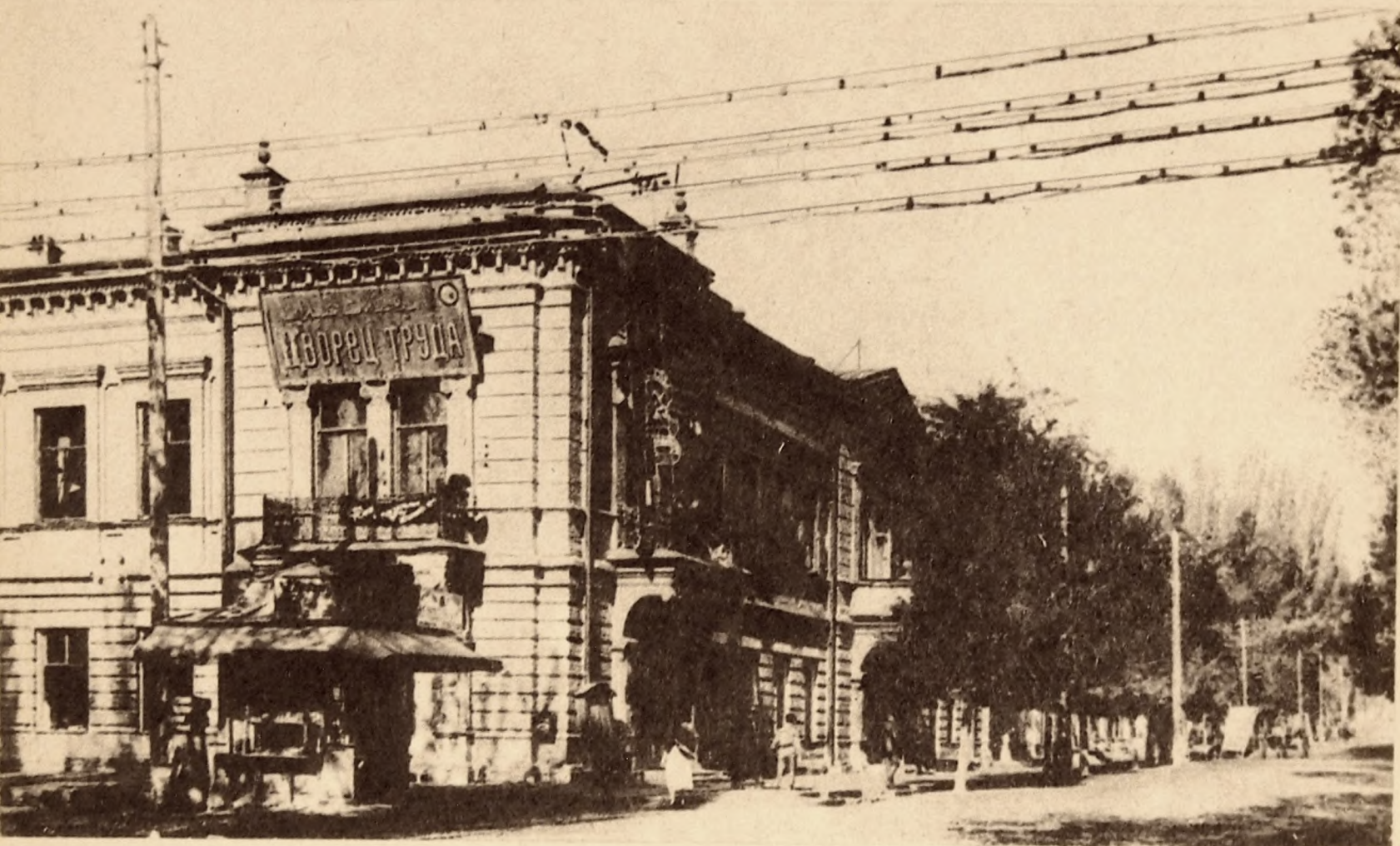
Дворец. Столовая.

26.

Дворец. Фрагмент.

27.

Дворец. План.

а на первом, вдоль фасадов, — торговые залы. Основной фасад выходил на ул. Соборную; здесь же располагались и основные торговые помещения с тремя входами — центральным и двумя угловыми. Такая планировка вызвала и симметричное оформление фасада, когда над входами располагались балконы с металлическими ограждениями, а над проемами — сложные наличники, с андриками. Пилястры, антаблемнты и акротерии, выполненные белым алебастром, активно выделялись на фоне кирпичных стен. Рисунок деталей наличников, профилировка кирпичных карнизов показывают довольно тонкий вкус, высокие навыки архитектора и стремле-

ние ввести в архитектуру здания формы классицизма. По нашим сведениям это здание было построено в конце восьмидесятых годов инженером Е. П. Дубровиным²⁵.

Пассаж Арифходжи — самое крупное сооружение подобного рода не только в Ташкенте, но и во всей Средней Азии²⁶. Оно вытягивалось своим протяженным одноэтажным фасадом вдоль улицы более чем на 120 м. Три повышенных объема в центре и на углах оживляли общее объемное решение, а прихотливого очертания купола и люкарны придавали зданию живость. В здании заметны были элементы архитектуры ренессанса, но в откровенно провинциальной трактовке, и по-

28.

Гастрономический магазин Н. Захарова.

29.

Пассаж Ариф — ходжи.

30.

Кинотеатр «Хива».

этому, несмотря на то, что здание обладало большими размерами, художественные качества его были не на высоте.

Сквер — в части, которая примыкает к старому городу, имеет прямоугольную форму, а часть, которая стала центром радиально-концентричной планировки нового города, — полукруглую. Таким образом, сквер — центр всей планировочной композиции города, куда подходили и где пересекались улицы со всех сторон города. В то же время — это общественный центр, где устраивали гуляния, периодические выставки, и который был окружен зданиями общественного назначения — местами постоянного активного посещения.

Первоначально на месте сквера была так называемая Константиновская площадь, по размерам превосходившая другие. Она была немошеная, пыльная и грязная. В 1883 г. на ее месте появился современный сквер, причем проект его планировки и озеленения составил Н. Ф. Ульянов, а планировку и посадку деревьев производили солдаты под руководством К. В. Церницкого.

В основу распланировки сквера была положена идея пересечения в его центре двух больших проспектов — Кауфманского и Московского, которые делили территорию сквера на четыре части и проходили через него насквозь. В то же время, вокруг сквера проходила дорога, в которую вливались все остальные. Все четыре части были покрыты сеткой пешеходных тенистых аллей, очень рациональных и учитывающих движение пешеходов, пересекающих сквер в различных направлениях.

Высадка деревьев различных пород с разным временем их роста привела к тому,

что уже в начале нашего века большие шаровидные карагачи (вязы) вдоль основных аллей сделали сквер очень тенистым и красивым. От кустарно-промышленной выставки 1900 г., располагавшейся на территории сквера, и рядом находящегося Городского сада, сохранился цветочный навильон, ранее принадлежавший вино-торговцу Филатову. Этот навильон был построен из дерева в эклектических «восточных» формах. Возможно, для подчеркивания самаркандского происхождения фирмы, во внешних формах представлена довольно грубая стилизация купола Гур-Эмира в сочетании с европейскими карнизами и удлиненными окнами с трехгранными завершениями.

В 1910 г. в центре сквера был заложен, а в 1913 г. открыт памятник генералу Кауфману скульптора Н. Г. Шлейфера. Он находился на небольшой округлой площадке и замыкая перспективу подходивших сюда улиц. Это определило большие размеры памятника и высотную композицию, и давало возможность его восприятия с отдаленных точек зрения. Памятник этот — откровенная пропаганда завоевательской политики царизма. Он представлял собой многофигурную композицию, в которой бронзовые фигуры были подняты на высоком пьедестале в виде среднеазиатской крепостной башни, в подножии которых лежали трофейные крепостные пушки. Фигуры генерала с обнаженной шапкой в руке и двух солдат, один из которых как бы трубит отбой, запечатлевали момент завоевания. Явнаяшовинистическая идея памятника, определенная манерность в расположении и трактовке фигур, не очень высокие художественные качества привели к тому, что этот памятник не мог

рассматриваться, как произведение высокого искусства, и после 1918 г. был снят.

К Кауфманскому скверу непосредственно примыкал городской сад общественного пользования и довольно больших размеров — около 7,5 га. В плане он имел секторную форму и занимал территорию между Куйлюкским и Московским проспектами. Посадка деревьев и распланировка были осуществлены в 1882 г. Постепенно в нем возникли рестораны, павильоны для продажи мороженого и прохладительных напитков, эстрада для оркестра. В начале века, в стороне Московского проспекта часть территории парка отошла для двух кинотеатров — «Хива» и «Туран», а еще в 1894 г. внутри парка было построено летнее театральное сооружение. Таким образом городской сад стал популярным местом вечерних гуляний²⁷.

Наиболее примечательными сооружениями городского сада были Входные ворота и памятник русскому солдату. Воздвигнутые к юбилейной выставке 1890 г.²⁸ архитектором А. Л. Бенуа, входные ворота носили формы очень распространенного в то время русского стиля. Они имели трехчастное деление с выделением широкой центральной части. Основным материалом служил красный кирпич, на фоне которого активно выделялись светлые декоративные полуколонки, обрамление проемов, пояски. Перекрытие центральной части, полотнища ворот и боковых калиток были деревянными, покрытые фигурной, весьма прихотливой резьбой. Приспелые спаренные кованые фонари, очень тонкого рисунка, дополняли декоративный облик ворот, напоминая сказочные иллюстрации.

От ворот начиналась центральная ши-

рокая аллея, протянувшаяся на всю глубину парка. Здесь, на фоне разросшейся зелени, по эскизам М. О. Микешина и был воздвигнут памятник. Этот памятник не имел парадно-официального характера, который присущ воздвигнутому через четверть столетия памятнику Кауфману. Памятник русскому солдату, с точки зрения его восприятия, имел как бы камерный, локальный характер. Его художественные качества были значительно выше, но заложенная в нем идея победы русского оружия на Востоке также прославляла завоевательскую политику царизма. В то же время это был памятник русскому солдату, прошедшему тысячи верст по пустыням, и показывавшему в далекой Средней Азии примеры истинного героизма.

Памятник изображал солдата в форме тех времен, водружающего знамя на остатках разрушенной крепостной стены. Скульптура была приподнята на прямоугольном пьедестале с мраморными досками, где были вытесаны названия и даты завоевания среднеазиатских городов. Все это располагалось на озелененном невысоком холме, связывающем памятник с окружающей природой. Выразительный силуэт, присущая М. О. Микешину великолепная пластика фигуры воина, связь с окружающим ландшафтом — все это делало памятник одним из лучших скульптурных монументов Средней Азии XIX — начала XX вв.

Одним из наиболее выразительных, окружающих сквер, было здание Государственного банка, построенное после 1895 г. В. С. Гейнцельманом. Композиция его представляет собой сочетание двухэтажного прямоугольного объема и ассиметрично врезанного в него многогранника,

0

31.

Здание мужской гимназии.

32.

Ворота городского сада.

33.

Здание Государственного банка.

34.

Здание учительской семинарии.

перекрытого пологим куполом. Относительно низкий первый этаж несет в основном служебное назначение. На фасадных поверхностях это выражено небольшими размерами оконными проемами и монументальными формами их обработки.

Основные операционные залы располагаются на втором этаже, куда от входа ведет прямая одномаршевая лестница. Главный фасад здания симметричен. Он подчеркнут в центре несколько выступающим входом, над которым находится большой витраж с полуциркулярным завершением. Проем фланкируют спаренные трехчетвертные колонки композитного ордера приятных пропорций, но с несколько условленным рисунком капителей. Спаренные колонны поддерживают раскрепованный антаблемент и овальной формы фронтоны, что придает обработке центра фасада определенную пластичность и живописность. Очень близок обработке центрального ризалита характер наличников на окнах, где проем слегка стрельчатой формы так же фланкирован колонками той же формы, но меньших размеров и опять-таки поддерживающий раскрепованный антаблемент и сандрик со сложной пальметкой в центре.

На главном фасаде таких окон по два с каждой стороны. Такие же окна, а так же более крупных размеров и более сложного рисунка есть и на боковых частях здания, выходящих во двор. Последний момент, так же как и в здании дворца великого князя, указывает на равное внимание архитектуры ко всем частям здания, вне зависимости от их положения.

Стремясь создать единую цельную композицию, автор много внимания уделил и наружным ограждениям; по бокам

здания — декоративные стенки с арочными проемами входов, так же фланкированных небольшими угловыми пилястрами, несущими раскрепованные элементы овалного завершения. Все архитектурные формы имеют очень четкий красивый рисунок и оставляют приятное впечатление. Четкости зрительного восприятия способствует выполнение колонок, пилястр, наличников, декоративных картушей в белых известковых отливках, которые активно выделяются на фоне светло-охристых кирпичных стен.

Таким образом, мы рассмотрели небольшой комплекс, выполненный с большим вкусом в единых барочных формах, в едином стиле.

В 1881 г. напротив сквера, на продолжении Петербургской улицы, в большом жилом доме полковника Тартаковского разместились учительская семинария. В связи с этим, при участии архитектора А. Л. Бенуа, здание было перестроено, расширено и приобрело новый, довольно выразительный фасад. Однако в планировке здания все же сохранилось много неудобств, не соответствующих учебному заведению. Здание было длинным, белым и одноэтажным; входы по его бокам были подчеркнуты своеобразными плоскими треугольными фронтонами, в которые вписаны трехчастные арочные проемы. Разновеликие арки подчеркивались полуколонками, условно воспроизводящими форму деревянных русских колонок с дыньками. Для оживления протяженного фасада такой же фронтоны находится и по оси здания, но вход здесь заменяли арочные окна. Все здание по длине членилось пилястрами с заполнением отсеков меж-

ду пилястрами системой окон различной формы, но симметрично расположенных относительно основных осей здания. Простенький карниз с сухариками и аркатурой, лентой обегал все здание, увязывая в единое целое все части фасада.

В 1898 г. Е. П. Дубровин, по проекту архитектора А. Л. Бенуа, пристроил к западному концу здания семинарскую церковь. Она так же выполнена в псевдорусских формах, применены декоративные главки, кокошники, сомкнутые колонки с дыньками и пр. Основным ядром композиции церкви была пятиглавая колокольня, расположенная над входным притвором, с доминирующим положением — центрального восьмигранного шатра. Жженый кирпич — основной отделочный материал. Однако хотя в оба здания при постройке были введены формы русской архитектуры, единства между ними не было.

Наиболее крупным архитектурным комплексом, примыкавшим к скверу, и наиболее крупными постройками центра города были здания мужской и женской гимназии. Их начали строить раньше, чем был разбит Кауфманский сквер, и замыслили их как основные, доминирующие здания на Константиновской площади. Они замыкали западный фас площади и располагались по бокам центральной Соборной улицы. Каждая гимназия состояла из трех связанных между собой корпусов, решенных в общих, довольно выразительных архитектурных формах.

Мы наблюдаем здесь градостроительный прием, сложившийся в эпоху классицизма: площадь замыкают располо-

женные по сторонам центрального проезда двухэтажные здания. Подобный прием, впервые примененный Ж. А. Габриэлем в 1755 г. в Париже при организации площади Согласия и развитый затем в России работами Карла Росси (площадь Декабристов, Дворцовая и Чернышева в Ленинграде), впоследствии нашел применение в Ташкенте, где классицистические принципы весьма заметны в распланировке основной части нового города.

В основу планировочной композиции каждого комплекса гимназии положен принцип сочетания двух типов зданий, имеющих и общие черты внутренней планировки, и общие формы оформления внешних фасадов. В центре планировочной композиции здания женской гимназии расположен корпус, на втором этаже которого — актовый зал, выявленный на фасаде ритмом высоких полукруглых окон и фланкированных небольшими ризалитами, поэтажно подчеркнутыми спаренными полуколонками дорического ордера с небольшими треугольными фронтонами. Этот корпус подчеркнут в центре так же прихотливым декоративным фронтоном с круглым окном в середине и двумя волютами по углам. Более крупные и более декоративные формы придают центральному корпусу главенствующее положение, выделяя его в общей композиции. Боковые корпуса идентичны по планировке и архитектурной обработке фасадов, располагаются совершенно самостоятельно (только южный связан с центральным по второму этажу), их отделяли от главного сквозные проезды. Средства отделки фасадов везде одни и те же — рус-

товка углов и первых этажей, округлые окна на втором этаже и дорический ордер в раскрепованных ризолитах, подчеркивающих вход в здание. Все это придает всему комплексу единство.

Комплекс зданий мужской гимназии был несколько больших размеров, имел и более усложненную планировку, но состоял из тех же корпусов и выполнен в тех же архитектурных формах²⁹.

Каждый комплекс занимал всю ширину квартала; они четко организовали западный край площади и своими объемами подчеркивали начало главной городской магистрали — Соборной улицы.

Здания строили капитан Белоха (два корпуса мужской гимназии) и инженер Е. П. Дубровин по проекту военного инженера Яичевского. Особенно значительна роль Е. П. Дубровина, который изменял проект в связи с привязкой к местности. Строили здания и сдавали в эксплуатацию постепенно, корпусами. Мужская гимназия — с 1878 г. по 1882 гг., женская — с 1879 по 1883 гг.³⁰.

Другие крупные здания были в разных местах Ташкента, поэтому знакомиться с архитектурой лучше всего, объединив их по видам.

Среди церковных зданий, кроме уже названных, выделялась церковь св. Сергия Радонежского, построенная в 1897 г. на Пушкинской улице по проекту Н. Латышева при участии архитектора Шапошникова и гражданского инженера Л. Киселева³¹.

Она была очень хорошо поставлена на самом высоком месте, примерно по середине длины улицы, на ее оси, и как бы замыкала зеленую перспективу улицы, на расстоянии, достаточном для

четкого зрительного восприятия ее архитектуры.

Церковь была довольно крупных размеров, имела выразительный силуэт и, безусловно, важное градостроительное значение. И все же в качественном отношении, по художественности форм уступала многим постройкам подобного рода.

Она имела пятиглавую композицию в основной части, сомкнутую с ярусной колокольней над входом. В колокольне верхний восьмигранный ярус традиционно лежит на кубовидном объеме с просторными арочными проемами по осям. Угловые главы центральной части церкви были круглыми, покоились на восьмигранниках. Килевидные наличники над полуциркульными проемами, кокошники, сомкнутые приставные колонки с дыньками при входе, шлемовидные купола и др. элементы, присущие памятникам русской архитектуры, указывают на принадлежность здания Сергиевской церкви к так называемому псевдорусскому стилю. В то же время следует отметить присущую церкви некоторую излишнюю монументальность и грубость форм.

Значительно выше по художественным качествам была небольшая церковь в пригородном селе Никольском. Композиция ее почти та же, основной объем — пятиглавый, к нему примыкал с запада входной притвор с колокольней. Однако Никольская церковь имела более стройный силуэт, ее псевдорусские формы были тоньше и сочнее, и вся она более изящна и декоративна. Вытянутые вверх шатры, увенчанные тонкими изящными главками, придавали компо-

зиции большую стройность и вертикальность. Живописность церкви усилена весьма пластичным крыльцом с килевидным покрытием, подчеркиваемым двумя кувшинообразными столбами, а также прихотливого рисунка фронтонами, паличками, кокошниками и др. деталями, обильно рассыпанными по зданию³².

Необходимо упомянуть и привокзальную Благовещенскую церковь на площади, недалеко от железной дороги. Построена была в 1899 г. по проекту Г. М. Сваричевского, он же был производителем работ. Однокупольная церковь выполнена в псевдорусских архитектурных формах, с высокой ярусной колокольней при входе.

Резко отличалась по стилю архитектура евангелическо-лютеранской церкви, построенной в 1899 г. по проекту А. Л. Бенуа. Это обычная кирха, выполненная в традиционных формах, которые часто встречаются в Прибалтике. Вход в нее подчеркивался высокой колокольней со шпилем, за которой находился молитвенный дом с высокими стрельчатыми окнами между ступенчатыми контрфорсами и глубокой трапезиевидной в плане апсиды. Здание было перекрыто традиционной крутой крышей и снаружи обработано в формах схематически переработанной готики³³.

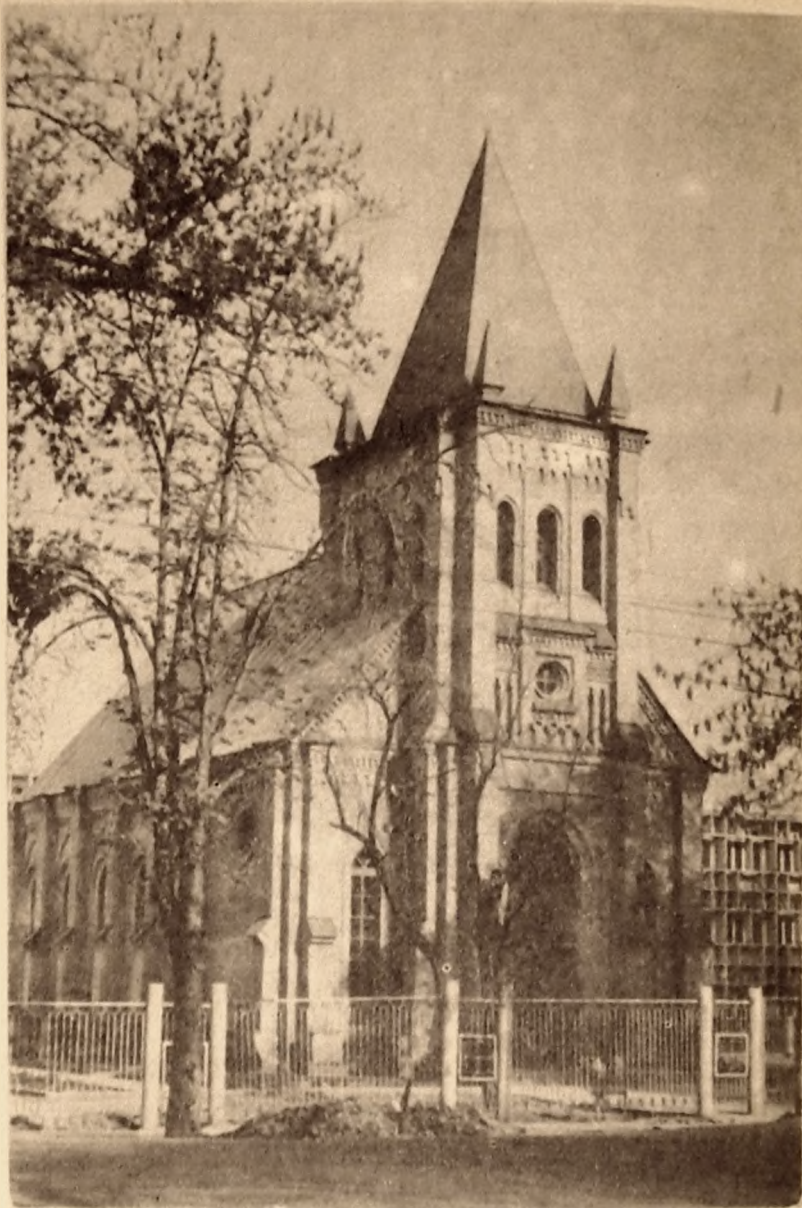
Церковные помещения были и в мужской, и в женской гимназиях, но они не были объемно выявлены в композиции зданий. Как самостоятельные объемы, со всеми присущими церковным зданиям элементами, церковные пристройки были у здания Ташкентской тюрьмы и Кадетского корпуса.

В 1906 г. Н. И. Габбин капитально перестроил тюремную церковь, которая находилась в углу тюремного замка и, как все остальные церкви, была построена в псевдорусских формах и имела самостоятельный вход с улицы.

Церковь Кадетского корпуса замыкала южный угол громадного П-образного здания. Она выделялась большой высотой, более насыщенной архитектурной разработкой фасада. Высокий шатер абсидной части замыкал ритм пристенных устоев протяженного фасада.

Кадетский корпус по размеру и количеству капитальных построек — самое крупное учебное заведение края. Его главное здание начали строить еще в конце XIX в. и закончили к 1905 г. Главный корпус в центре был подчеркнут несколько выступающим из плоскости фасада и более возвышенным объемом, увенчанным четырехгранным куполом и двумя меньшими шатрами по углам. Общие формы в центре здания и в угловом объеме церкви придают всему протяженному корпусу характер цельности и законченности.

Большая высота центрального объема объяснялась расположенным на втором этаже актовым залом, а внизу вестибюля — трехмаршевой парадной лестницей. Перед входом на столбах находился открытый балкон с выходом на него из актового зала. Граненый купол, балкон, большая высота и дополнительные декоративные формы придавали этой части здания определенную парадность и монументальность, подчеркивавшие главенство этой части в объемной композиции всего здания.

Внутренняя планировка здания чрезвычайно проста. В ней господствует коридорная система с одно- или двусторонней обстройкой классными и жилыми комнатами. На протяженных двухэтажных фасадах внутренней структуре, в основном состоящей из классных комнат, соответствует упомянутый ритм широко расставленных пристенных устоев, между которыми три ряда окон.

Внутри кирпичных устоев находятся

35.

Сerpицкая церковь.

36.

Никольская церковь.

37.

Кирья (после реставрации).

профильного сечения металлические стойки, которые соединены с горизонтальными прогонами, в свою очередь несущими железобетонное перекрытие, состоящее из таврового сечения балочек, на которые уложены пологие кирпичные сводики.

Главное здание Кадетского корпуса — первый случай применения в монументальном строительстве Туркестана скрытого металлического каркаса, жестко связанного с междуэтажным и чердачным перекрытиями. Очевидно, это наглядный пример учета местными инженерами сейсмических условий, последовавшего за серией сильных сейсмических толчков в различных городах Туркестанского края.

Здание несло многие функции: помимо учебных помещений, церкви, здесь находились спальни воспитанников, столовая и квартира директора. В нескольких одноэтажных флигелях, раскинутых на прилегающей территории, находились службы, квартиры воспитателей. Находясь за городом, громадное здание Кадетского корпуса было изолировано от городской застройки и не влияло на сложение облика города³⁴.

Крупным учебным заведением было Реальное училище, построенное в 1898 г. архитектором В. С. Гейнцельманом по проекту Максимова на углу Константиновского и Махрамского проспектов. Здание имело Н-образную форму плана и занимало большую площадь.

Переднюю часть училища занимали просторные классы и кабинеты, связанные с одной стороны широким коридором. В задней части находились библиотека, служебные помещения, изолированные от учебных помещений ученические квартиры. Там же в одноэтажном крыле располагалась церковь.

Внешне здание выглядит весьма солидно. В центре главного фасада, выходящего на маленькую площадь, на углу упомянутых улиц, находится повышенный объем с высоким и просторным актовым залом на втором этаже. Перед ним, как и в Кадетском корпусе, — открытый балкон на кирпичных арочных устоях. Центральный объем, кроме того, выделен более крупными размерами членений пристенных устоев, оконных проемов и более насыщенным включением в венчающую часть здания кирпичных декоративных выкладок. Вертикальный ритм широко расставленных контрфорсов, на расстояниях, соответствующих размерам классных помещений, обходит по периметру все здание, придавая его облику солидность и прочность. Рельефный кирпичный карниз с арочными раскреповками над пристенными контрфорсами обегает все здание³⁵.

Вполне очевидно, что пристенные контрфорсы играли не только декоративную роль, как это было во многих в одно время построенных зданиях центральной России, архитектор стремился придать зданию не только видимую прочность, но и прочность фактическую, учитывая высокую сейсмичность Ташкента, уже на памяти русских инженеров подвергавшегося разрушительным землетрясениям.

Здание Реального училища — первый пример введения в новые среднеазиатские постройки контрфорсов, как активной конструктивной и декоративной формы. Вскоре этот прием получил широкое распространение, его стали применять или в конструктивном сочетании с каркасом (например, в здании Кадетского корпуса), или как самостоятельный элемент. Последнее мы встречаем в здании Мариинского училища, построенного на углу Куйлюкской

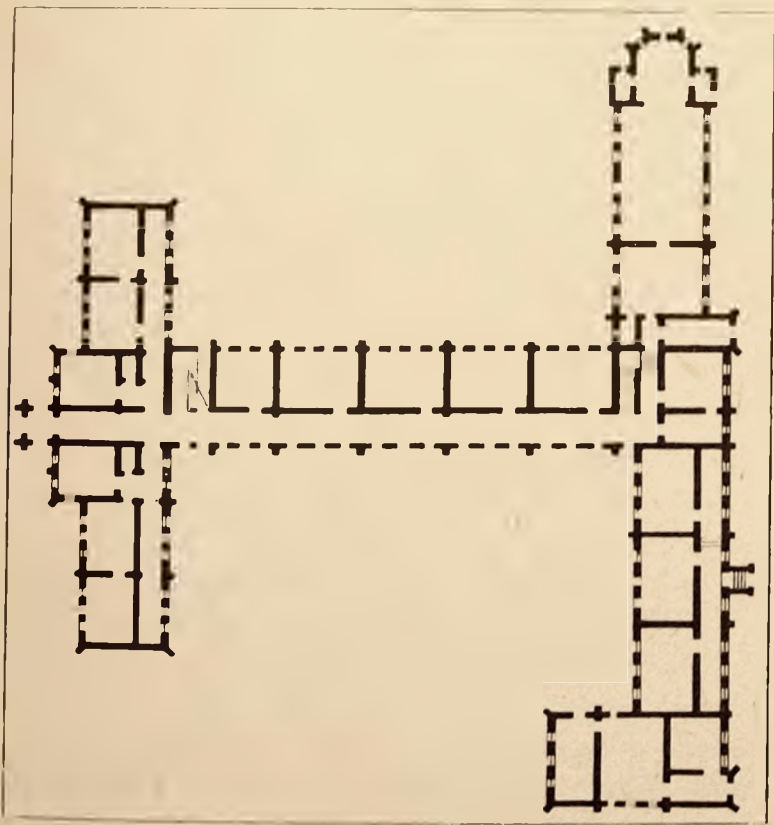

и Гоголевской улиц Г. М. Сваричевским в 1910 г. Здание имеет четко выраженную угловую объемно-планировочную композицию. Главный вход здания расположен в центре композиции и ведет в просторный светлый вестибюль. От центра, строго симметрично, примыкая к уличным фасадам, расположен ряд просторных классических комнат, связанных широким, хорошо освещенным коридором, выводящим во внутренний двор. Пристенные уступчатые контрфорсы членят фасады здания на расстояния, равные величине внутренних помещений. Центральная угловая часть фасада подчеркнута повышающимся к середине зубчатым завершением, большим арочным проемом входа, парадным крыльцом, подвешенным на цепях большим металлическим козырьком. В рисунке металлических элементов козырька, в обработке контрфорсов и других внешних формах очень заметно влияние модерна, фор-

мы которого получили несколько сухой и схематичный характер³⁶.

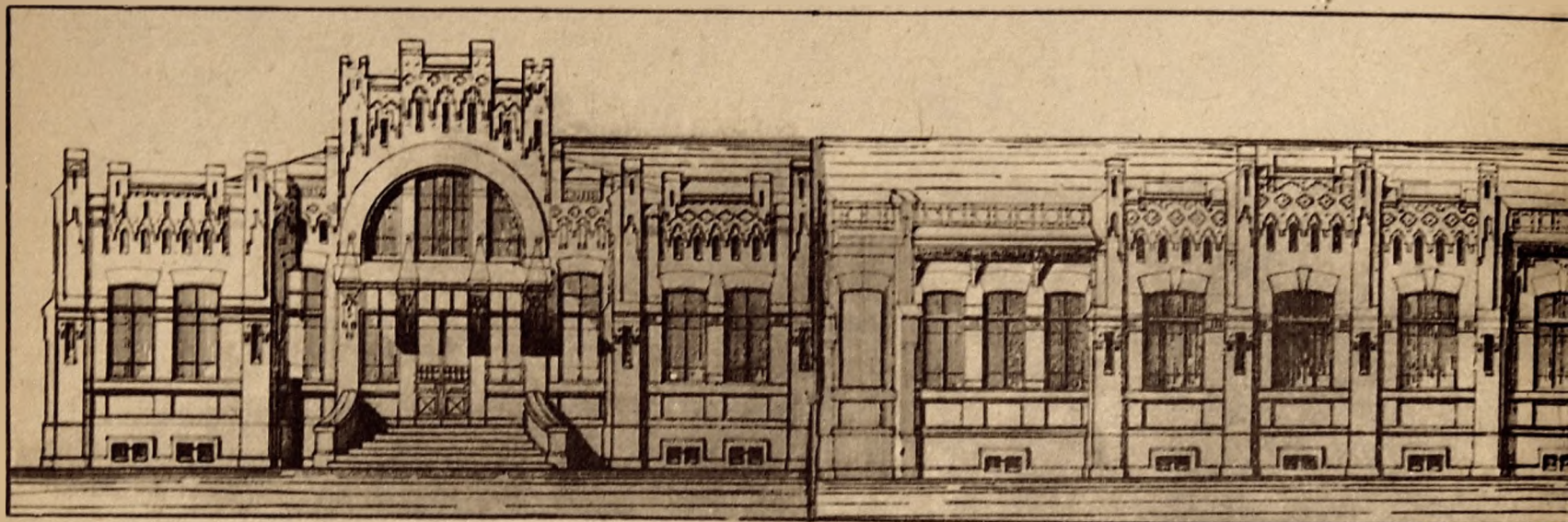
Тот же стилистический подход, но выраженный в других формах, можно увидеть в здании второй женской гимназии, которое построил Г. М. Сваричевский в 1912 г., так же на углу двух улиц — Куйлюкской и Куронаткинской. В планировочном решении угловое положение здания не нашло отражения. Это был вытянутый по Куйлюкской улице двухэтажный корпус с обычной коридорной планировкой. В отличие от других, подобных по планировочной композиции зданий, вход в него был, однако, ассиметричен и подчеркнут выступающим балконом, поддерживаемым арочными устоями.

Своеобразно это здание применением параболических арок над оконными и дверными проемами и рельефными кирпичными выкладками на стенах и контрфорсах, где ясно чувствуется влияние модерна.

Пристенные контрфорсы в этом здании находятся у каждого простенка, но в местах примыкания к фасаду внутренних стен такие контрфорсы конструктивно усилены, и в художественном отношении более декоративны³⁷.

В 1909 г. по проекту Г. М. Сваричевского на углу Лахтинской и Ассакинской улиц было построено здание Технического училища Среднеазиатской железной дороги: одноэтажное, строго симметричной объемной и планировочной композиции. Оно состояло из трех повышенных объемов, увенчанных крупными декоративными куполами, покрытыми металлической черепицей, между которыми находились более низкие объемы. В центре располагались вестибюль и довольно крупный зал; крупные помещения находились и в боковых объемах. Они были связаны с вести-

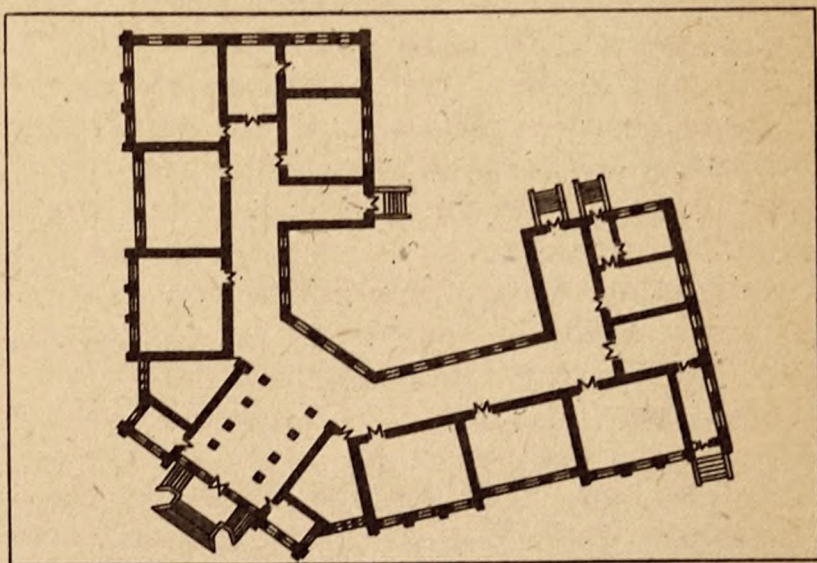
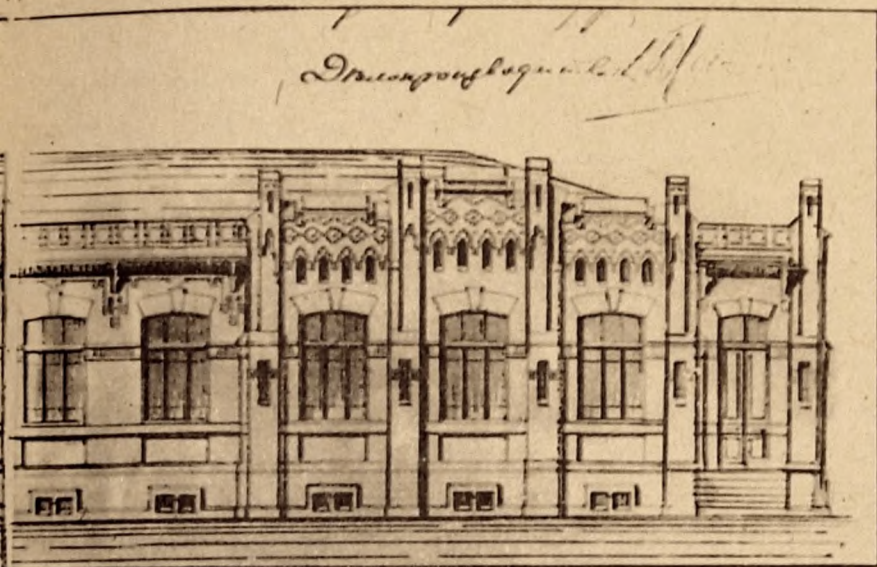
бюлем светлыми коридорами, по одной стороне которых располагались учебные аудитории. Поднятое на высокий цоколь и обрамленное по углам мощными контрфорсами, это здание производило впечатление солидного сооружения³⁸.

Внутри двора в одноэтажном удлиненном корпусе со стенами, выложенными из рваного камня, располагались учебные механические мастерские.

Последним, построенным до революции в Ташкенте, учебным заведением, на котором следует остановиться, было ремесленное училище³⁹. Оно появилось в 1897 г. на углу Гоголевской улицы и Ремесленного переулка. Строил его инженер Е. П. Дубровин. Здание было одноэтажным и имело сложную П-образную форму плана, открытый на фасад двор замыкался по бокам выступающими вперед боковыми крыльями. Внутренняя распланировка здания довольно хаотична, видимо, здесь был принят во внимание только принцип наиболее удобной взаимосвязи помещений различных функций без их архитектурно-художественной организации.

Существенные недостатки были и в решении его внешней композиции. Центр коридора был подчеркнут по оси более насыщенными элементами фасада в виде рустированных пилястр и парапета. Это был и центр всей композиции. Однако симметрично расположенные крылья имели разную ширину, а следовательно, и разное решение фасадных поверхностей. По фасаду оба крыла увенчивались рельефными фронтонами, заполненными системой западающих и выступающих элементов. В левом крыле расположился и главный вход в здание. В целом архитектура здания ремесленного училища была довольно суха и ординарна.

Постоянного хорошего здания театра в Ташкенте до революции не было. Для спектаклей различных приезжих трупп и для местной самодеятельности использовались в основном другие здания. В 1877 г. под театр было приспособлено спроектированное в 1873 г. архитектором А. И. Лехановым здание биржи, находившееся в то время на территории ярмарки. Оно часто меняло свое назначение и в 1915 году по проекту И. А. Маркевича было пере-

строено в Народный дом. Все это привело к тому, что здание, сохранив внешний облик и внутреннюю структуру предреволюционных лет, имело довольно неорганизованную планировку и разобратся

в его структуре в отдельные периоды существования было трудно⁴⁰.

Основной объем был двухэтажный. По его оси располагался небольшой зрительный зал со сценой и примыкающие к последней сценические помещения. В передней части располагался вестибюль, по бокам которого находились проходные помещения с лестницами, ведущими на балкон с небольшим фойе на втором этаже. Основное фойе, вместе с примкнувшими к нему служебными и административными комнатами в виде одноэтажного объема, примыкало в одной стороне зрительного

41.

Проект Мариинского училища. Архитектор Г. М. Свиричевский.

42.

Мариинское училище. План.

43.

Ремесленное училище. Фасад.

зала. Это и привело к усложненной, неуравновешенной композиции здания.

Фасад здания сделан по проекту архитектора И. А. Маркевича и относится только к объему зрительного зала, так как одноэтажная группа фойе была отодвинута в глубину здания и не участвовала в создании облика здания. Фасад здания был выполнен в формах неоклассицизма, в данном случае исходившего из московского ампира первой половины XIX века. На фоне гладких белых стен выступала возвышенная центральная часть с треугольным фронтоном венчанием. Парадность фасада подчеркивалась сочным ионическим портиком с шестью колоннами с хорошо прорисованными капителями. Колонны несли расчлененный антаблемент, поддерживающий фигурную балюстраду балкона. Дополнительным средством, увеличивавшим художественные качества здания, была декоративная барельефная скульптура, установленная в овальных медальонах на простенках 2-го этажа и в большой полукруглой нише в центральной части здания. Тематически скульптура была связана с новым веянием того времени — восходящим солнцем свободы. Но художественным качествам скульптура была неплоха и органично связывалась с архитектурой фасада. Тематическая скульптура в Народном доме — чуть ли не единственный случай привлечения этого вида искусства для усиления художественных и идейных основ здания в архитектуре дореволюционных лет.

Другой положительный момент в качественной характеристике здания — его очень удачное размещение в плане города. Зрительно замыкая Московский проспект и находясь на развилке Духовской

и Стрелковой улиц, это здание (как и Сергиевская церковь) было видно издали и имело важное градостроительное значение как объект, замыкающий перспективу одной из центральных магистралей.

В 1909 г. для театра архитектор И. А. Маркевич сделал пристройку к зданию Общественного собрания. Само здание Общественного собрания в 1893 г. было перестроено из жилых домов куниц Вадьяевых. Это одноэтажный объем с довольно сложной и путанной планировкой и фасадом с ритмически чередующимися полуциркульными окнами и прямоугольными пилястрами с кудрявыми комбинированными капителями. Обилие декоративных деталей, не отличавшихся высоким качеством исполнения, ясно указывало на вкусы и претензии его бывших владельцев. Только легкий металлический полуциркульный навес перед входом и небольшая круглая башенка со шпилем на углу здания придавали зданию некоторое своеобразие.

Здание Общественного собрания было угловым — с выходом фасада старого здания на ул. Гоголевскую и театральной пристройки — на ул. Садовую. Разнохарактерны они не только функционально — по характеру архитектуры это были два совершенно самостоятельных как по планировочному решению, так и по характеру декоративной отделки здания.

Помещения театра представляли собой небольшой прямоугольный зал с балконом и небольшой сценой. С задней стороны и сбоку к залу примыкало одноэтажное фойе. Зал приподнят на высоком цоколе, поэтому главный вход в него имел высокое парадное крыльцо. Внутри и снаружи помещения театра обработаны ор-

паментальными и изобразительными деталями модерна с заметной провинциальной перегруженностью. Некоторый интерес из всего декора представляет подвешенный деревянный потолок с резьбой в духе модерна, но несколько лучше выполненной⁴¹.

Более монументальным и представительным было здание Военного собрания, функционировавшее с 1885 г., где также был театральным зрительный зал. Это в основной части одноэтажное здание из жженого кирпича с плохо организованной внутренней расстановкой, в котором не чувствовалась архитектурная логика взаимосвязи между группами помещений различного назначения. Здание претерпевало изменения и выделить его первоначальное ядро трудно.

В объемно-планировочной композиции наиболее четко выделялась группа зрелищных помещений. Она начиналась с выступающего вперед монументального портала на кирпичных столбах и треугольного фронтона. За входом поперек оси лежал вестибюль с гардеробами, а за ними нарядный двусветный зал. Зал возвышался над всеми помещениями и выходил на фасад рядом узких окон и большим полуциркульным проемом во фронте.

Внутри зал обильно украшен лепными и подцвеченными деталями. Канеллированные колонны несут окружающий залгалерею, переходящую в балкон второго яруса. Обилие декоративных деталей делает зал нарядным, уютным, но в то же время — по провинциальному перегруженным. Далее, за залом, находилось обширное фойе с выходом на широкую террасу, открытую в парк⁴².

Здание Военного собрания — типич-

ный образец крупного провинциального здания, соответствующего вкусам и запросам его посетителей.

Наиболее крупным общественным зданием зрелищного характера был цирк-варьете, построенный местным предпринимателем Г. М. Цинцадзе в предреволюционные годы⁴³. Это была просторная и очень вместительная постройка (около 1100 мест), но ее градостроительное положение было неудачным. Располагалось здание в центре города, посередине жилого квартала таким образом, что жилые и отдельно стоящие хозяйственные и служебные постройки полностью скрывали объемную композицию и главный ее элемент — большепролетный купол. На Джизакскую улицу (ныне ул. «Правды Востока») выходил только главный фасад, выполненный в простых и строгих классических формах с явным выражением приемов ампира. Фасад здания строго центричен и лишен каких-либо чисто декоративных элементов. Вход в здание акцентирован традиционным балконом, поднятым над тротуаром на пилонках с приставленными к ним дорическими колоннами. Выход на балкон из здания был подчеркнут витражным проемом с треугольным возвышенным парапетом над ним. Фасадные плоскости по бокам входа прорезаны высокими узкими окнами. Более широкие проемы находились только на углах здания, и вместе с небольшими балкончиками как бы замыкали ритм элементов обработки фасада. Главным элементом композиции был круглый зал, перекрытый куполом диаметром около 33 м. Внизу пространство зала было заполнено по кругу возвышающимися рядами зрительских мест. В задней части зала находилась большая сцена с

оркестровой ямой. Внизу, примыкая к центральной арене, располагался первый ярус наиболее удобных и близких к сцене мест. Далее, за ограничивающим барьером, находились места второго яруса, замкнутые венцом лож. Проход к местам первого яруса вел непосредственно из просторного вестибюля и по круговой галерее под местами второго яруса. Эта же галерея, к которой примыкали помещения буфетов и туалетов, служила рекреацией во время антрактов. На второй ярус и в ложи попадали из вестибюля по отдельным лестницам через глубокое и просторное фойе, вытянувшееся вдоль всего главного фасада. Для подъема на галерею над ложами были отдельные лестницы, вытянувшиеся вдоль боковых фасадов с выходом на них непосредственно с улицы.

Интерьер зала был полностью лишен чисто декоративных элементов. Простотой, логикой решения и целесообразностью он очень близок современным архитектурным решениям. В нем активные архитектурные формы, формирующие пространственный облик зала, в то же время функционально и конструктивно необходимы.

По тем временам (начало века) и для такого отдаленного региона, как Туркестан, здание цирка было примером рационального решения всех функциональных вопросов в обслуживании зрителя и примером новаторства в выборе конструкции и хорошего инженерного мастерства в осуществлении.

В основу конструктивного решения здания положен монолитный железобетонный каркас с кирпичным заполнением в ограждающих стенах. В пределах купольного объема стойки каркаса расположены

по кольцу в два ряда, причем вверху пространство между ними занимали ложи-проходы в зрительный зал. Оба ряда стоек каркаса были связаны между собой монолитными железобетонными перекрытиями, образуя жесткую устойчивую систему для восприятия вертикальных и распорных усилий от купола. Лучшей пространственной устойчивости способствовали и каркасная система вестибюля и фойе, а также система примыкающих к круглому объему зала, каркасных лестничных галерей. Металлический облегченный купол основан на системе полусегментных ферм, закрепленных в зените опорным кольцом, несущим в то же время фонарь купола, служащий для освещения и вентиляции подкупольного пространства. Здесь же, по окружности фонаря, проходит небольшая галерея.

Большепролетный металлический купол цирка и железобетонный каркас в несущих конструкциях — первый и единственный пример подобных устройств в архитектуре дореволюционного Туркестана и наглядное свидетельство достаточно высокого развития технической мысли в крае. Еще до революции здание получило название театр «Колизей» и свое назначение концертного здания сохранило до настоящего времени⁴⁴.

Заключая обзор зданий общественного назначения, можно отметить, что Ташкент явился центром становления нового типа зрелищного сооружения — летнего кинотеатра. Это — уже упомянутые кинотеатры «Хива» и «Туран», находившиеся в пределах городского сада. Они представляют собой открытые сооружения прямоугольной («Туран») или секторной формы плана («Хива») с отдельно стоящими объе-

мами экрана и двухъярусными деревянными галереями в задней части. Причем, в кинотеатре «Хива», построенном в 1912 г. по проекту Г. М. Сваричевского⁴⁵, эти галереи очень развиты и в плане изгибаются по окружности секторного плана. Все пространство между объемами экранов и галерей занимали ряды деревянных скамеек.

Положение кинотеатров в плане определило и их фасадное решение. Так, кинотеатр «Туран» примыкал к красной линии застройки и поэтому имел высокое ограждение с входными воротами. Кинотеатр «Хива» расположен в глубине участка, поэтому на улицу выходило легкое ограждение с входными воротами, за которыми находился небольшой садик — своеобразная летняя рекреация⁴⁶.

Среди объектов общественного назначения наиболее простыми по объемно-планировочным решениям и невзрачными по внешнему облику были здания лечебного профиля. Перед революцией в Ташкенте было несколько небольших лечебных заведений, принадлежавших частным лицам и благотворительным обществам, и три сравнительно крупных комплекса, принадлежавших государственным ведомствам.

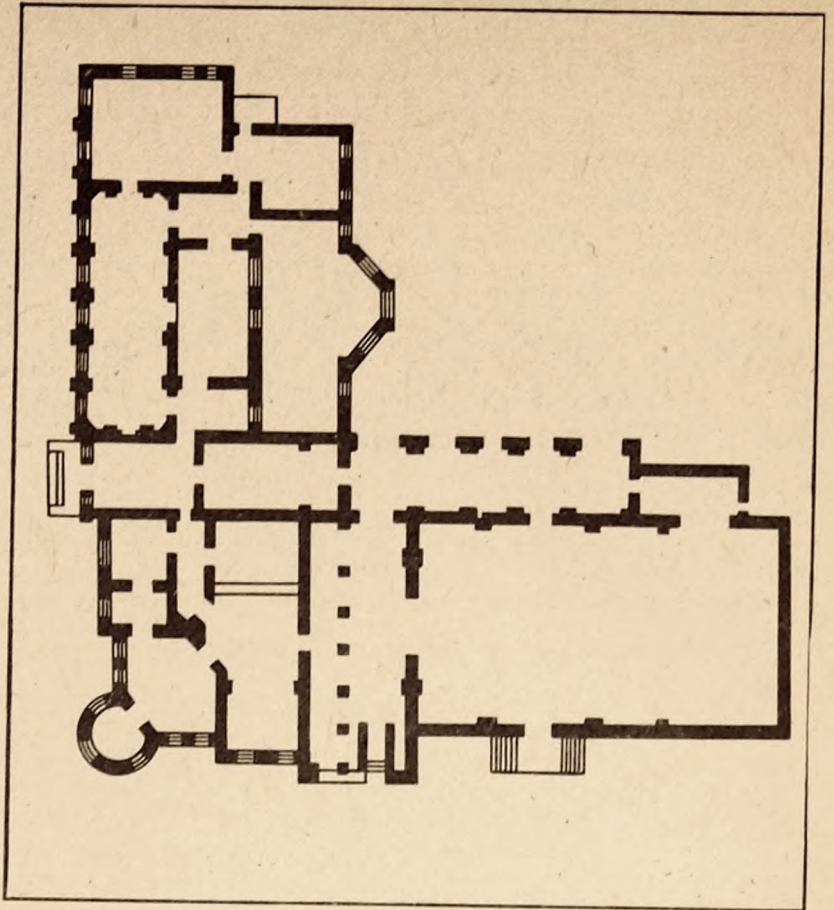
Первым, и не только в Ташкенте, но и во всем крае, крупным специализированным лечебным учреждением был военный госпиталь. Он складывался постепенно, начиная с 1868 г., и представлял собой группу отдельно стоящих одноэтажных павильонов, разбросанных на большой территории. В 1896 г. на другой стороне железной дороги и Салара возникло отделение госпиталя для душевнобольных, имеющее ту же структуру. Архитектура больничных зданий была довольно орди-

нарна. Это казарменные здания из жженого кирпича с простой коридорной системой внутренней расстановки и унылым внешним видом.

Та же навильонная система была принята и в построенном в 1898 г. комплексе городской больницы. Она состояла из четырех корпусов — хирургического, терапевтического, женского и инфекционного — также одноэтажных, из жженого кирпича с простой внутренней расстановкой и простым внешним обликом. Наиболее заметным был корпус приемного покоя, выходящий фасадом в курдонер по Жуковской улице. Одноэтажное, из жженого кирпича, оно отличалось от других большим вниманием к внешнему облику, введению на фасаде узких полуциркулярных окон, симметрично фланкирующих наружный вход. Высокий остекленный фонарь над крышей освещает просторный внутренний коридор и делает все здание просторным и светлым.

Больше внимания к внешнему облику заметно в новом комплексе железнодорожной больницы, построенном в районе товарной станции в 1915 г. Комплекс также состоял из отдельных павильонов — хирургического, терапевтического и женского, отдельных зданий с квартирами дежурных врачей и медицинской сестры, аптеки, лаборатории и пр. Все постройки были кирпичными и одноэтажными. Но в композиции уже заметно стремление к оригинальности. Лечебные павильоны симметричны в планировке, заметно стремление подчеркнуть осевое решение; здесь обычно вход в центральный вестибюль.

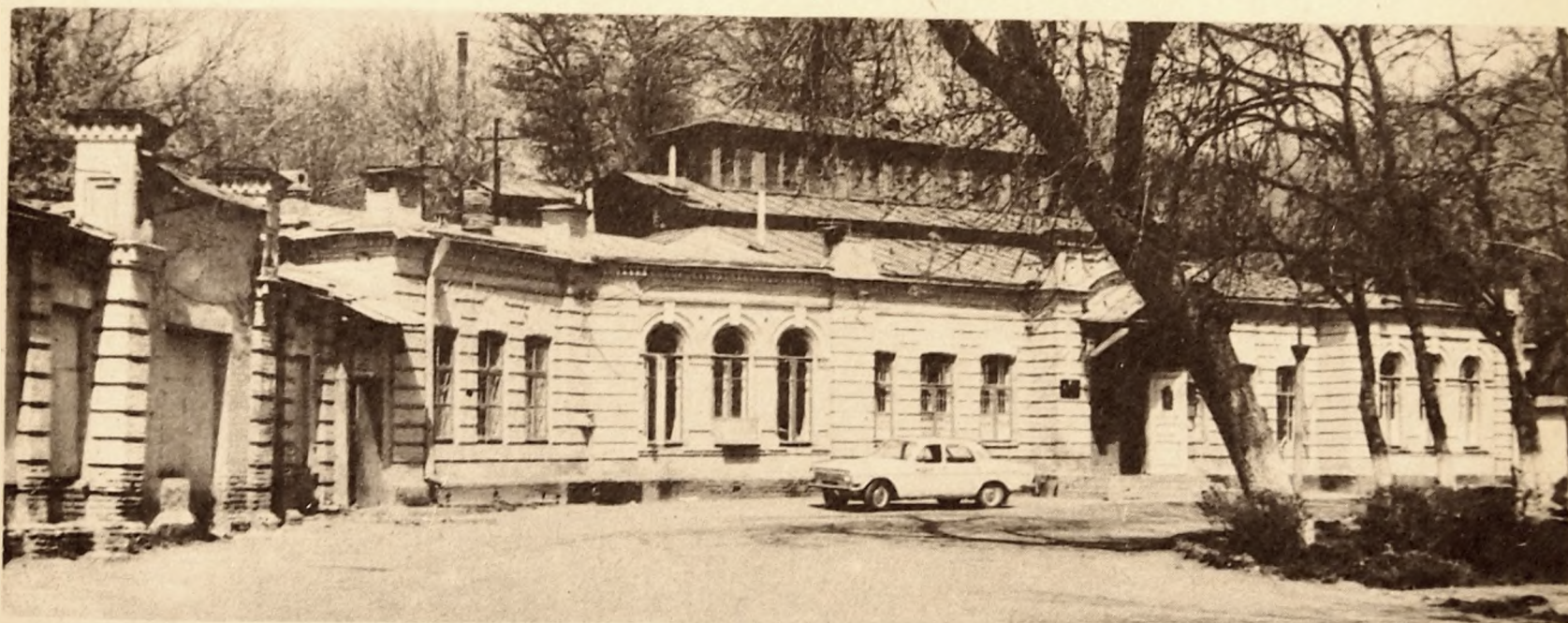
Все три лечебных корпуса разнообразны по планировке и композиции. В то же время высокие этернитовые крыши и де-

44.
Народный дом.
78

45.
Общественное собрание. План.

46.
Общественное собрание. Фасад на Садовой
улице.

ревянные детали перекрытий всех зданий, активно участвующие во внешнем архитектурном решении, придают всем зданиям стилистическое единство. В облике всего комплекса меньше сухости и унылости,

которые мы отмечали в военном госпитале и городской больнице⁴⁷.

В 1906 г. на углу улиц Пушкинской и Куропаткинской Г. М. Сваричевский пос-

47.

Цирк-варьете «Коллазей»

48.

Городская больница. Приемный покой (фото 1980 г.).

троил аптекарский магазин, принадлежавший частной фирме «Филипп Каплан и сыновья». Это было крупное двухэтажное здание, включавшее, помимо аптекарского магазина, аптеку, склад товаров, лабораторию и жилые квартиры для хозяев и служащих. На первом этаже, в примыкающих к фасаду просторных и светлых помещениях, располагались торговые помещения и аптека.

Выполненное из кирпича с белыми штукатурными деталями — наличниками, тягами и др., здание выглядело весьма эффектно и рассматривалось как одно из самых красивых в Ташкенте⁴⁸. Здесь наиболее наглядно проявился творческий почерк Г. М. Сваричевского тех лет — в сочетании кирпичной фактуры с внешними формами модерна. Угловое положение здания подчеркнуто срезом угла, где находится один из входов, с балконной лоджией и сквозной аркой, поднимающейся над крышей. Основными средствами обработки фасадов были высокие окна с круглыми проемами над ними в белых прихотливых обрамлениях и своеобразно раскрепованные пилястры. Разнообразные башенки и парапеты, возвышающиеся над крышей, сообщали фасадной композиции здания остроту и оригинальность⁴⁹.

С 1873 г. на довольно просторном участке земли, к северу от города, в окружении узбекских пригородных земель, начала строиться Ташкентская обсерватория. Постепенно здесь сложился крупный и сложный комплекс построек различного функционального назначения — астрономического, метеорологического, а с 1901 г. и сейсмического. Большую роль в создании различных построек обсерватории сыграл инженер В. С. Гейнцельман, которому при-

надлежит заслуга строительства основных зданий, выполненных в единых архитектурных формах.

Особенно примечательно построенное в 1893 г. здание для нового рефрактора⁵⁰. Оно представляет собой массивную грациозную башню, поддерживающую верхний облегченный этаж. Стены сложены из жженого кирпича и декоративно разбиты горизонтальными полосами. По верху проходит аркатурный пояс в виде машикулей и скромный кирпичный карниз. Рельефные фризы с аркатурой и особенно рустированная входная арка, опирающаяся на небольшие сдвоенные полуколонки, ornamentированные кубовидными капителями, свидетельствуют о серьезном увлечении В. С. Гейнцельмана в восьмидесятых-девяностых годах декоративными романовизантскими формами. Применение аналогичных форм в зданиях собора, дворца великого князя и в обсерватории подтверждает авторскую принадлежность этих построек и своеобразие творческого почерка мастера.

В мае 1899 г., с началом регулярных сообщений по Среднеазиатской железной дороге, начал функционировать Ташкентский железнодорожный вокзал, построенный Г. М. Сваричевским. Это было, ныне не сохранившееся, самое крупное на железной дороге и одно из крупнейших в городе зданий. Оно имело вытянутый план с выступающими ризалитами по линии главного фасада. Объемно-планировочная композиция была строго центральной. В центре находился сквозной вестибюль, фланкированный группами служебных помещений и широкими коридорами, ведущими налево — в залы ожидания и направо — в рестораниную группу поме-

щений. Здание — одноэтажное, но поднято на высоком цоколе. В центральной части располагались служебные полуподвальные помещения.

В композиции здания центр был подчеркнут несколько большей высотой, большим, квадратным в плане, куполом с люкарнами над входом и двумя меньшими куполками по краям. Впереди здания центр подчеркивался широкой парадной лестницей с фонарными тумбами по сторонам.

Прямоугольные в плане купола находились и над крайними объемами, как бы замыкая композицию, останавливая ритм членения фасада. Все купола были чисто декоративными, крыты стальной черепицей на деревянном каркасе и находились над плоским балочным перекрытием. Фасадные плоскости обработаны рядом дорических пилястр. В центре, между пилястрами, располагались широкие арочные проемы, затем шли прямоугольные окна с треугольными сандриками, и на боковых ризалитах находились арочные окна, но более узкие, чем в центре. Белые тяги карнизов, пилястры, наличники окон и дверей активно выделялись на голубом фоне стен.

Несмотря на некоторую тривиальность применения внешних форм, их пластика, цветной фон делали здание нарядным и жизнерадостным. Особенно примечательной в здании вокзала была легкая галерея, вытянувшаяся на всю длину здания со стороны перрона. Она состояла из широко расставленных металлических колонн, несущих облегченное покрытие на легких открытых металлических фермах. Ориентированная на юг, эта просторная и глубокая галерея надежно защищала примы-

кавшие к ней помещения и ожидавших поезда пассажиров от знойного солнца или непогоды.

В Ташкенте было много различных харчевен, кофейных, ресторанов⁵¹, но не было специальных полноценных зданий, где все они могли бы разместиться. Обычно это ветхие, не капитальные, антисанитарные постройки, тяготевшие к местам скопления людей — базарам, вокзалу, городскому саду. Несколько ресторанов функционировало только в летнее время. Некоторые рестораны размещались в зданиях гостиниц, обслуживая не только живших здесь приезжих.

Гостиницы представляли собой чисто коммерческие сооружения и имели невзрачную архитектуру. Таковы двухэтажная гостиница «Россия» на ул. Уратюбинской и гостиница на ул. Константиновской. Была весьма популярна рестораном гостиница «Регина», построенная Г. М. Сваричевским в 1912 г. Ресторан с многогранным залом располагался в центре композиции на углу Иканской и Петербургской улиц и был подчеркнут декоративным небольшим куполом. Само здание было одноэтажным и не принадлежало к лучшим образцам местной архитектуры.

Наиболее примечательной была гостиница «Националь», построенная на углу улиц Зерабулакской и Джизакской в 1912 г., по проекту И. А. Маркевича. Планировочно она была довольно обычной; с обстроенными по бокам коридорами, выходящими в угловой вестибюль. Многогранный, просторный вестибюль и находящийся над ним аналогичного плана, но более высокий холл, были наиболее парадными помещениями гостиницы, занимая в планировке главенствующее положение. Оба

помещения связаны между собой парадной трехмаршевой лестницей. В объемной композиции нахождение на углу просторного помещения было подчеркнуто декоративным куполом с круглыми оконными и небольшим шпилем.

В гостинице «Националь» оба этажа имеют арочные проемы. На втором этаже это сгруппированные по два и по три узкие тянутые окна и плоские рустированные пиллястры. На первом этаже есть ритмический ряд широких арочных окон, забран-

49.

Аптекарьский магазин Ф. Капдана.

50.

Ташкентская обсерватория.

51.

Старый Ташкентский вокзал.

52.

Гостиница «Регина».

53.

6. Гостиница «Националь».
Фото 70-х годов XX в.

54.

Фрагмент фасада гостиницы.

ных в плоские рустированные наличники. Взаимосвязь в расположении оконных проемов первого и второго этажей не всегда соблюдается, но, несмотря на это, архитектура здания воспринимается хорошо⁵².

Ташкент — главный город Туркестанского края, и потому в нем было много различных административно-общественных учреждений: Переселенческое управление, почтово-телеграфные учреждения, Управление Туркестанского горного округа, Управление земледелия и государственных имуществ, судебные учреждения, Управление Туркестанского таможенного округа, военные учреждения — Окружной штаб, инженерное, интендантское, артиллерийское управления и др. и др. Но большинство из них располагалось в одноэтажных сырцовых зданиях и, хотя в некоторых была видна попытка оригинального архитектурного решения, они все же не могут считаться достойными архитектурного анализа.

Из построек административного назначения, кроме названных в начале, необходимо остановиться на зданиях Казенной палаты и Судебных установлений.

Здание Казенной палаты было построено в 1902 г. на углу ул. Хивинской и Куйлюкской по проекту архитекторов В. С. Гейнцельмана и Л. Киселева. Оно имеет строгую угловую композицию. Композиционный центр выявлен возвышающимся многогранным башенным объемом, увенчанным высоким пирамидальным куполом с ажурной металлической решеткой по верху. Внутри этого башенного объема находятся входной вестибюль, небольшой операционный зал на втором этаже и связывающая их трехмаршевая лестница. Сюда же подходили коридоры, по бокам кото-

рых находились разновеликие служебные помещения. Коридорная система распланировки лежала в основе внутренней структуры боковых крыльев. В основу внешней архитектурной обработки фасадов положена фактура великоленной кирпичной кладки. На первом этаже идет спокойный ритм широких окон с лучковыми перемычками; на втором этаже им соответствуют полуциркульные окна, где архивольты опираются на прямоугольные пристенные полочки с подчеркнутыми impostaми. По верху здание увенчано простеньким карнизом с рядом сочных сухариков.

Как и в большинстве крупных зданий, вход в него был подчеркнут небольшим арочным портиком, несущим балкон второго этажа⁵³.

Здание б. Судебных установлений, построенное в 1918 г. по проекту Г. М. Свиричевского и К. М. Тильтина, — крупное и самое внушительное по архитектуре здание дореволюционного Туркестана. В плане оно имело форму прямоугольника с ризалитами по всем его сторонам. Внутри здания находятся два прямоугольных двора с входами со стороны заднего фасада, с Константиновской улицы. В центре, между дворами — система больших зальных помещений. Остальные части занимали большое количество служебных помещений, примыкающих к внутренним лестницам и коридорам. Помещения просторные и высокие.

Главным фасадом здание выходило на предполагаемую площадь, но поскольку оно находилось на углу улиц Гоголевской и Константиновской и принимало участие в их архитектуре, все фасады здания получили достаточную обработку. На первом

этаже, по всему периметру здания, обработка имитирует рустованную кладку из крупных необработанных квадратов. В верхних частях спокойная гладь стены оживляется ритмом проемов приятных пропорций и наличниками хорошего рисунка. Только на главном фасаде центральный ризалит оживлен приставленными ионическими колоннами колоссального ордера, несущими раскрепованный антаблемент. Здание серого цвета и строгой архитектуры явно соответствовало своему назначению⁵⁴.

Жилые дома Ташкента, как в любом населенном месте, — основная составляющая городской застройки. Жилые дома — это фон, на котором обычно воспринимается архитектура отдельно стоящих общественных зданий. Жилые дома, которым присущи более мелкие архитектурные членения и формы, служат, в то же время, своеобразным масштабным эталоном для подчеркивания солидности и величины зданий общественного назначения.

В Ташкенте не было многоэтажных жилых зданий, которые в конце XIX — начале XX вв. стали основным объектом строительства в российских центральных и крупных провинциальных городах. Жилые дома Ташкента, как правило, сырцовые и одноэтажные, двухэтажных было очень мало.

Внешний облик жилых домов Ташкента очень прост. Несмотря на то, что в городе было много богатых предпринимателей и крупных чиновников, обладавших достаточными средствами, размеры, структура и отделка большинства жилых домов были очень скромными.

А запоминались тем более очень немногие здания. Среди них отметим неболь-

шой особняк, построенный Г. М. Сваричевским в начале века по ул. Иканской. Это одноэтажный кирпичный дом на высоком цоколе с центричной композицией фасада, где по бокам центрального ризалита с входом — ряды прямоугольных окон с дорическими пилястрами в простенках. Здание увенчано фризом с широко расставленными триглифами и невысокой, изящной решеткой по верху. План дома имел Г-образную форму, с парадными помещениями, выходящими на фасад, и длинным коридором, объединявшим служебные и вспомогательные комнаты, находившиеся в глубине дома. В северо-восточном углу дома, будучи закрытым от горячих лучей солнца, находилась просторная и глубокая терраса с декоративным витражем из цветного стекла и большим парадным крыльцом, спускавшимся в сад. Небольшой и уютный сад был отгорожен от улицы кирпичной оградой с вкомпонованной в нее металлической решеткой. Здание и его помещения очень просты, но выполненные в архитектурных формах хороших пропорций и рисунка оставляло приятное впечатление.

Второй особняк Г. М. Сваричевский построил в начале века на Гоголевской улице. Дом также из жженого кирпича, двухэтажный. Стремление использовать максимум территории для сада отодвинуло дом на край участка. Это определило неправильную, изломанную форму плана дома и его своеобразную композицию.

Планировка дома своеобразна. Посетитель через входной тамбур попадал в распределительный холл, откуда направо вел вход в две приемные комнаты, и по лестнице на второй этаж в две большие парадного назначения. Вход прямо вел в ком-

паты жилые и хозяйственные. Причем, последние были небольшими, разными по площади, и связывались между собой узким и длинным коридором, подводившим к заднему черному ходу. Большая прямоугольная терраса, удобно примыкавшая к жилым и парадным помещениям, была местом постоянного летнего пользования.

Выступающие и западающие элементы дома придавали уличному фасаду пластичность и живописность. На фоне кирпичных стен белые классические колонки в лоджии второго этажа кажутся особенно изящными.

Еще один особняк, заслуживающий внимания, — дом кунцов Каландаровых на Джизакской улице. Он располагался на узком участке размером 20×37 м так, что его фасад занимал всю узкую сторону, и к дому вплотную примыкали соседние одноэтажные постройки⁵⁵. Такое положение определило композицию и планировку дома. Почти посередине фасада — въезд во двор с ажурными металлическими створками ворот. По бокам их располагались торговые помещения и лестница, ведущая на второй этаж, в жилые апартаменты владельца дома. В глубине двора к торговым помещениям примыкали служебные и складские, объединенные узкой галереей на металлических стойках. Здесь же находилась и открытая лестница к вспомогательным помещениям жилой половины дома на втором этаже. Основные жилые комнаты располагались над торговыми, причем, наиболее крупные выходили на фасад своими спаренными и строеными проемами.

Фасад дома был плоским: гладкие пилястры поднимались выше стен и заканчивались тумбами с шаровидными навер-

шиями. Заключенные между тумбами фигурные парапеты и рельефные гирлянды во фризах — весьма характерные формы модерна, получившие большое распространение во многих русских провинциальных городах. Качество художественной отделки здания уступает двум предшествующим, и как снаружи, так и внутри несет черты купеческой мишуры и бесвкусицы.

Наибольшее распространение в жилой застройке имели одноэтажные особнячки в 4—5 комнат с обязательной террасой, выходящей в сад, и парадным входом, акцентированным полуциркулярной арочной нишей или невысоким парапетом. Очень распространенным был выносной металлический козырек на металлических, прихотливо изогнутых кронштейнах. Иногда отдельные части таких домов подчеркивались декоративными куполками различной формы.

Часто такие особнячки были двухквартирными и на фасаде имели два входа, расположенные по сторонам дома, или объединенные в середине дома в одной нише. Такой же прием встречается и в жилых домах с квартирами, сдающимися в наем.

Доходных многоэтажных, многоквартирных жилых домов в Ташкенте не было. Большей частью это были одноэтажные, на шесть-восемь квартир дома, с входами, подчеркнутыми нишами и иногда имеющими общую прихожую на две квартиры. Парадные помещения (гостиные, столовые) выходили на фасад, а жилые комнаты во двор, где они примыкали к общей, но разделенной на отдельные секции широкой террасе⁵⁷. Хозяйственные помещения обычно располагались внутри двора, в отдельных флигелях. В таком доходном доме жили люди среднего достатка.

Более бедные люди пользовались жилищем в доходных домах галерейного типа. Часть жилых помещений в таких домах находилась над торговыми, как в упомянутом выше здании у Воскресенского рынка, где жилище объединялось легкой галереей с открытой дворовой лестницей.

Другой дом подобного типа — уже упомянутый на Зерабулакской улице, где на фасад выходило крыльцо квартиры владельца дома. Одно- и двухкомнатные квартиры, расположенные в два этажа вдоль открытой галереи, имели одностороннюю ориентацию и выходили всеми проемами во двор. Хозяйственные помещения находились в глубине двора.

Но многоквартирные доходные дома в практике среднеазиатского градостроительства распространения не имели. Наибольшее применение, отложившее отпечаток на облик городов, имели небольшие двух-трехквартирные дома. Среди них часто встречались дома, где две квартиры располагались по сторонам арочного проезда, ведущего во двор. Иногда эти квартиры имели парадные входы в сквозную переднюю, а небольшие узкие террасы связывали жилые комнаты с хозяйственными в глубине двора. Там же помещалась и небольшая квартирка с болаханой владельца дома, жившего в основном на доходы от квартирантов, и поэтому сдававшего в наем самые лучшие помещения.

Относительно благоустроенный двухэтажный дом с тремя достаточно просторными квартирами располагался на ул. Зерабулакской. На первом этаже, по бокам центрального арочного проезда, находились две квартиры с примерно одинаковой планировкой. Они состояли из прихо-

жей с небольшим санитарным узлом и пяти просторных и светлых комнат, ориентированных проемами по обе стороны дома. В правой половине дома одну из комнат занимала лестничная клетка на второй этаж; здесь же находился черный ход для квартиры первого этажа. Центром планировочной композиции квартиры на втором этаже служил просторный холл-гостиная, откуда проходы вели в жилые комнаты, санузел, балкон, выходивший во двор.

В хорошей взаимосвязи комнат, в их хороших пропорциях, в расположении основных комнат на восточной стороне здания, в наличии сквозного проветривания видна рука опытного архитектора-строителя. Опытный мастер чувствует и в архитектурной обработке фасадов. Тщательная выкладка кирпичных стен, приятные пропорции входных ниш и оконных проемов, изящный рисунок металлических ажурных ворот и ограждений балконов делали этот дом одним из лучших примеров жилой архитектуры Ташкента⁵⁷.

Почему в Ташкенте не строили большие многоэтажные жилые здания, отдавая предпочтение малоэтажному строительству? Причины много. Это и климатические условия, в которых малоэтажные дома оказывались защищенными от яркого южного солнца зеленью деревьев. Это и массовое применение сырца, который рассматривался как материал более термостойкий. Это и сейсмические условия местного строительства и отсутствие в то время антисейсмических рекомендаций и конструктивных решений. Это и отсутствие в городе водопровода и канализации — необходимых условий нормальной эксплуатации больших высоких зданий.

В этих обстоятельствах одно- двухэтаж-

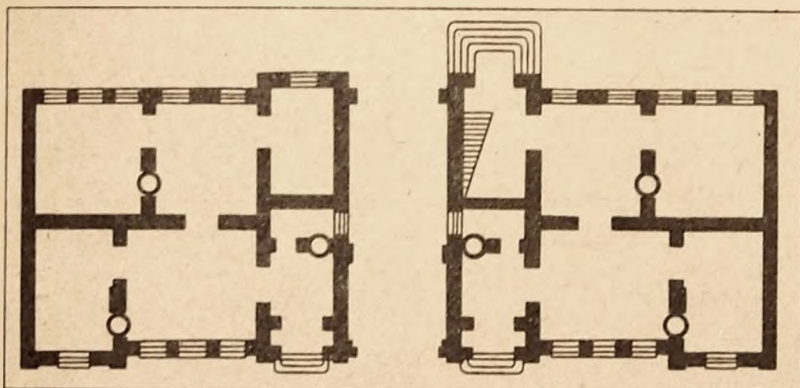

ные дома и, особенно особняки, создавали лучшие условия жизни, обеспечивали максимальную связь жилища с озелененным дворовым пространством.

В обзоре жилого строительства в Ташкенте в дореволюционный период мы не затрагивали жилые постройки на рабочих окраинах и в трущобах, которые отличались убожеством и крайним примитивизмом. Но в основной части город приобретал вид типичного южного среднеазиатского города. Это был большой просторный город с широкими озелененными улицами, на которых превалировала одноэтажная застройка частными особняками и малоквартирными жилыми домами. Это был город, где монументальные постройки культурного и общественного назначения были редки. В то же время в городе начинали стабилизироваться центры: торговый (Воскресенский рынок и близкие к нему улицы), официально-культурный (площадь Белого дома), общественно-культурный (район Константиновского сквера). Однако эти центры слагались в основном функционально, и средствами архитектуры бы-

ли выявлены недостаточно. Попытка создать новый крупный общественно-административный центр в районе старого здания театра практически решена не была. В начале XX в. при застройке «закуйлинской» части получил широкое распространение метод вкрапливания в жилую застройку более монументальных зданий общественного назначения.

Промышленная архитектура тех лет в большинстве случаев не представляет большого интереса. Это обычно здания из жженого кирпича довольно прочные, но имеющие сухой и невыразительный облик. Внимание могут привлечь только постройки Ташкентского трамвая и скотобойни. Постройки трамвая расположены в центре города в виде двух комплексов. Один из них состоял из зданий дизельной электростанции, механических мастерских, административного здания и жилых построек для технического персонала; находился

он между Куропаткинской и Гоголевской улицами. Другой комплекс объединял просторный трамвайный парк. В обоих комплексах для основных зданий применены интересные системы металлических большепролетных перекрытий, сочетающихся с

56.

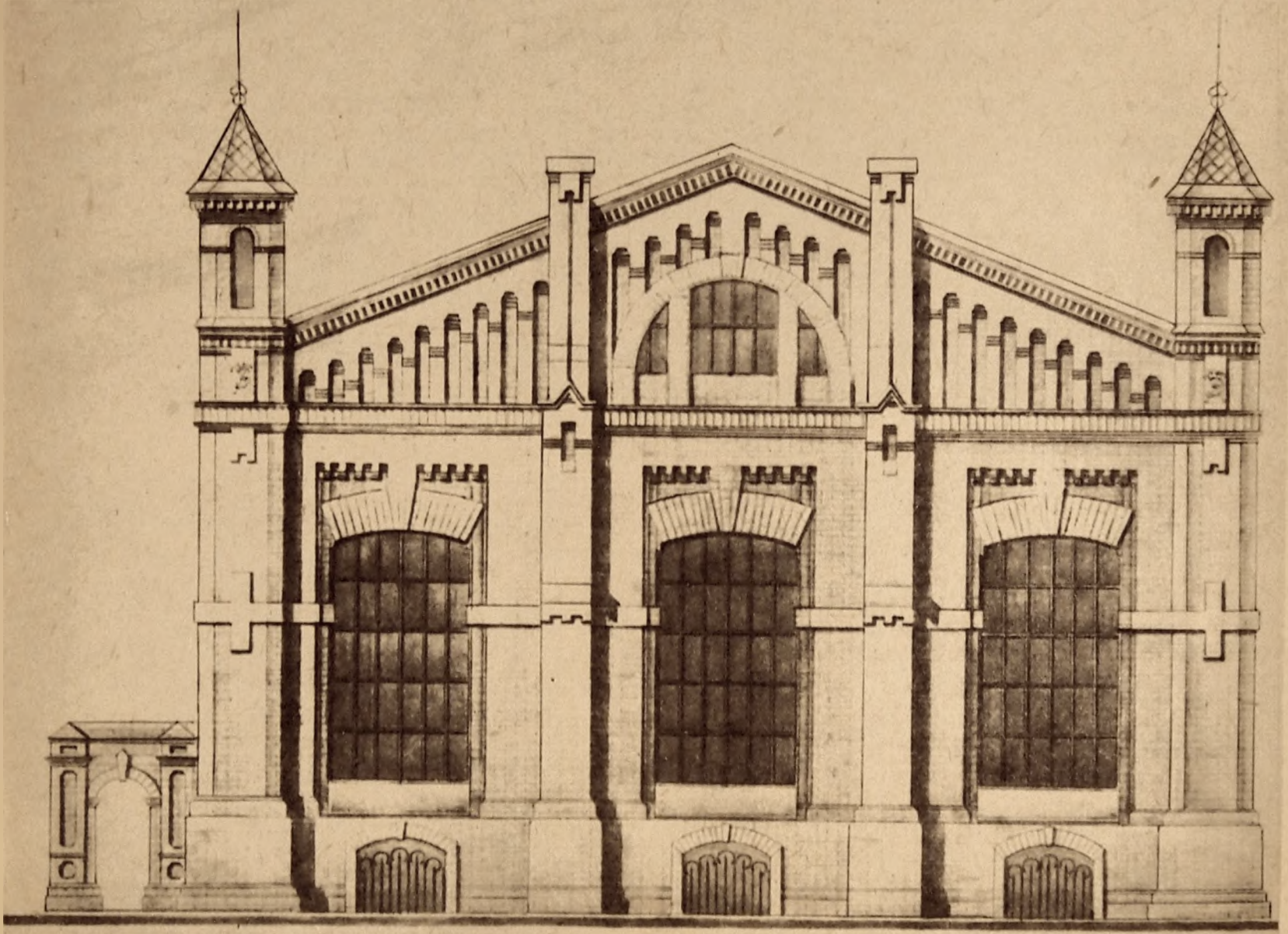
Двухквартирный жилой дом.

57.

Трехквартирный жилой дом по ул. Зерабулакской. План 1-го этажа

58.

Трехквартирный жилой дом по ул. Зерабулакской.

арочными формами входных проемов и декоративными островерхими башенками, создающими своеобразный силуэт.

Близкие архитектурные формы применены в главном здании комплекса скотобойни, находившегося на окраине города за старыми бешагачскими воротами.

Все эти комплексы построены инженером В. С. Рейнцельманом в 1908 — 1912 гг.

е присущей ему добросовестностью и аккуратностью.

Как известно из предшествующих описаний, планировка города представляет собой пример сочетания двух планировоч-

ных систем: регулярной, основанной на делении жилой застройки взаимоперпендикулярными магистралями на кварталы прямоугольной формы, и радиально-концентрической системы. Причем, это сочетание на практике было произведено очень хорошо и обе системы слились в единую архитектурно-планировочную композицию.

В начертании планировочной схемы города, в разрешении его отдельных узлов очень заметно влияние классицистических основ русского градостроительства. Применение подобной планировочной схемы соответствовало как требованиям обороны города в условиях близкого соседства со старым Ташкентом, так и наилучшим связям центра города с окраинными районами, с находящимися там воинскими частями.

Использование лучших достижений русского градостроительства заметно и в разрешении отдельных композиционных узлов: замыкание перспективы важных магистралей крупным и интересным по архитектурной разработке зданием (Сергиевская церковь, здание театра) фланкирование начала основной магистрали крупными зданиями аналогичной архитектуры, выходящими фасадами на центральную площадь (впоследствии сквер). Однако в Ташкенте выработался и своеобразный прием в городской застройке: размещение

крупных зданий общественного назначения на углах жилого квартала. Такой прием придавал планировочной композиции законченность, создавал этим зданиям оптимальные условия для зрительного восприятия особенностей их архитектуры. Этот прием, а также характерное для Ташкента обильное применение не только в общественных зданиях, но иногда и в жилых прихотливого очертания декоративных куполов придавал городу своеобразный облик.

Устранение социальных и архитектурно-санитарных недостатков в градостроительстве Ташкента в те времена было невозможным.

Стирание социальных и архитектурных границ между центром города и рабочими окраинами, между «старым» и «новым» городом; увеличение размеров и высоты зданий, в том числе и жилых; улучшение системы благоустройства, включая водопровод и канализацию; создание лучших условий жизни путем строительства домов с более комфортабельными квартирами для широких слоев народа, а также создание архитектурными средствами лучших условий работы, отдыха, обслуживания, — все это стало возможно только после Великого Октября, с внедрением новых принципов социалистического расселения.

Самарканд

Самарканд с XVI столетия постоянно находился под властью бухарских правителей, что не способствовало его развитию. Только в середине XVII столетия, во время правления наместника Ялангтуш Бахадур-бия, по-существу независимого правителя самаркандского вилоята, город вновь украсился несколькими крупными архитектурными сооружениями.

Во второй половине XVIII в. Самарканд пережил колоссальную экономическую разруху и политический упадок, когда в результате феодальных смут и раздоров жизнь в городе чуть ли не полностью прекратилась и он длительное время лежал в развалинах.

Во второй половине XIX века Самарканд успел «вновь возникнуть из пепла», но его изумительные памятники, сохранившиеся от прошлых столетий, были в очень плохом состоянии. У медресе Улугбека были снесены весь второй этаж и угловые купола. В медресе Шир-Дор загоняли на ночь караваны верблюдов. Все пришло в ветхость и быстро разрушалось.

Однако жилищная застройка Самарканда и его планировка были полностью восстановлены. Город на плане имел вид неправильного прямоугольника, изломанные грани которого соответствовали оврагам и водным преградам. По внешнему краю города проходила (как и в других старых среднеазиатских городах) крепостная стена, очень ветхая к тому времени. Она была выложена пахсовой кладкой и сырцовым кирпичом, снаружи имела полукруглые выносные башни. В северо-западном углу лежали ворота Пай-кабак (старые Хайрабад или Шейх-заде), на севере — ворота Шах-и Зинда (или Хозрат шейх, старые Аханин), на востоке — ворота Каляндар-

хона (старые Фирюза), на юго-востоке — Сузангаран и Ходжа-Ахрар (старые Крезгох), и на западе — Бухарские и Самаркандские ворота, причем последние и были основным средством связи между цитаделью и городом¹.

В старом Самарканде очень четко выражен планировочный центр города — главная общественно-торговая площадь Регистан с небольшой площадью Чор-су на западе медресе Шир-Дор, где лежит старая торговая купольная постройка, некогда именовавшаяся Токи-кулях-фурушон. Собственно, к этой купольной постройке и сходились восемь основных радиальных дорог, которые вели к городским воротам и отдаленным жилым кварталам. Некоторые из них были достаточно прямыми и широкими, например, дорога между Чор-су и воротами Шах-и Зинда, сохранившая черты старых тимуровских реконструкций, другие были узкими и извилистыми. Все они были связаны между собой сетью поперечных улочек и переулков, образующих в плане города прихотливую паутину кривых и изгибающихся линий. Многочисленные лавки и ремесленные мастерские располагались на улицах, подводящих к центру, и бывших местом активных людских посещений.

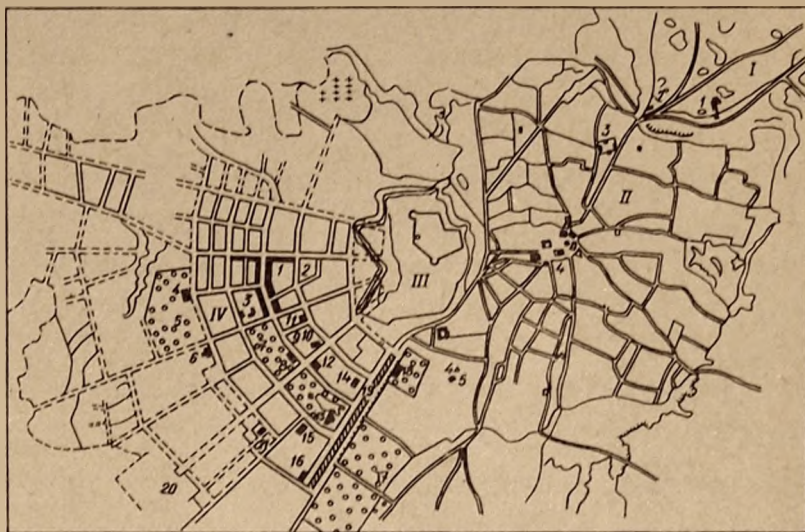
Количество населения, а отсюда и плотность застройки старого Самарканда в канун присоединения его к России установить трудно. Перепись населения, конечно, не проводили, а сведения путешественников, которые были получены из устных источников, очень неточны и противоречивы. На основе анализа литературных и архивных сведений количество городских жителей определяется, примерно, в 20—25 тысяч, но не больше 30 тысяч².

С востока, юга и юго-запада к городу примыкали сады и пашни самаркандской сельской округи, простиравшиеся вплоть до Даргома. Замечательные плоды и фрукты, произраставшие здесь, способствовали своеобразной славе Самарканда.

Второй крупной составляющей города была цитадель. Она располагалась на отдельно стоящем холме высотой до десяти метров, на западной стороне города, причем таким образом, что она как бы наполовину вклинивается в городскую застройку и наполовину выступала наружу. Цитадель была окружена самостоятельным кольцом стен, от города ее отделял глубокий овраг, в котором протекал ручей.

Цитадель была крупной, больше, чем в Бухаре. Окружность ее равнялась 3 верстам и 100 саженим, а площадь — 40 000 квадратных сажени или 100 тананам. Как и другие крупные цитадели, она представляла собой городок со своими улицами, переулками и даже со своим кладбищем в юго-западном углу, где еще сохранялся в то время мавзолей тимуровских времен Кутби-Чахар-духум. Крупнейшей постройкой цитадели был дворец самаркандского бека, располагавшийся на месте старого тимуровского дворца Кок-сарай и даже сохранивший старое название Кок-таш³. Кроме того, здесь были сарбазский двор (воинские казармы), мечети, медресе и лавки купцов.

Эта цитадель в 1868 г. стала первым в Самарканде местом пребывания русских войск и новой административной власти. Для размещения войск и военных учреждений были использованы все постройки внутри цитадели и часть домов в близлежащих кварталах города. В бывшем дворце разместился лазарет, в мечети — жилые

апартаменты и канцелярия начальника округа; медресе Али переделывали под тюрьму; а близлежащее медресе Юсуфбая — под бесплатную больницу для местных жителей, что свидетельствует о желании новых властей снискать популярность у народа.

На сохранившихся в Туркестанском альбоме А. Л. Куна фотографиях постройки тех лет мало похожи на здания военного городка. Это обычные сырцовые одноэтажные жилые дома с плоскими крышами. Но на фотографиях заметны и неко-

60.

Схема планировки Самарканда по материалам 1875 и 1882 гг. (пунктиром показана застройка начала XX в.): I — Городище Афрасиаб; II — «Старый» Самарканд: 1. Шах и Зинда, 2. мечеть Хазрат Хыдр, 3. мечеть Биби Ханым, 4. Регистан, 5. Гур Эмир; III — Старая городская крепость; IV — «Новый» город: 1. магазин, 2. рынок, 3. дом Калантарова, 4. дом Филатова, 5. Ивановский парк, 6. библиотека читальня, 7. старый парк, 8. здание Офицерского собрания, 9. площадь, 10. Георгиевская церковь, 11. типография Демурова, 12. здание Общественного собрания, 13. дом военного губернатора, 14. Русско-китайский банк, 15. Алексеевская церковь, 16. здание штаба, 17. лесопитомник, 18. женская гимназия, 19. Абрамовский бульвар, 20. госпиталь, 21. костел.

61.

Улицы старого Самарканда.

торые элементы европейской модернизации: вновь пробитые окна с окрашенными известью откосами, совершенно не свойственными местной архитектуре; дымовые трубы, свидетельствующие о появлении печей, пришедших на смену старым сандалам.

Не ограничиваясь использованием старых построек, военные власти начинали вскоре строить новые здания внутри цитадели. Появились новые казармы из сырцового кирпича с глиносаманными крыша-

ми, гостиница для приезжих чиновников и офицеров. Русские купцы выстроили торговые лавки.

Наиболее крупное здание в крепости — церковь св. Георгия, построенная в конце 1868 г. Она была однозальная, с плоской крышей. С западной стороны к ней примыкала квадратная в плане двухъярусная колокольня, тоже с плоской крышей. Колокольня и здание церкви по северному и южному фасадам имели фигурные фронтоны с крестами — единственные декора-

тивные элементы на этой довольно простой постройке. Несмотря на небольшие размеры и простоту архитектурного решения, церковь была самым значительным и красочным сооружением крепости.

Вскоре после занятия Самарканда начались и планировочные работы вокруг крепости. Под руководством полковника Л. Серова была спланирована территория вокруг крепости, и появилось достаточно большое пространство, удобное для обозрения из крепости. Пробита широкая дорога к Регистану и еще одна дорога — через старый город северо-западнее Регистана. Обе дороги были радиально направлены к центру цитадели.

Действия царской администрации, совпадающие с интересами русских торгово-промышленных кругов, преследовали одну цель — постепенную и постоянную руссификацию края. Поэтому, вскоре после решения об окончательном вхождении долины Зеравшана, включая Самарканд, в состав Туркестанского генерал-губернаторства, встал и вопрос о строительстве нового Самарканда.

В 1870 г. Туркестанский генерал-губернатор Кауфман утвердил план будущего города. Было разрешено приобрести у местного населения земельные участки в пределах будущего города. Особые участки и на особых условиях выделялись оставшимся солдатам. В 1871 г. такие участки начали выделять на юго-западе от цитадели, за Бухарскими воротами вдоль Каттакурганской дороги: здесь начала возникать Солдатская слобода. А в 1872 г. топограф И. Г. Цеханович произвел детальную съемку местности и разбивку улиц будущего города. Строительство нового города велось очень быстро и к 1875 году

город в тех границах, которые были установлены проектом, был построен, хотя его внутренняя застройка была еще разрозненной. Уже к этому времени появились все основные составляющие, характеризующие планировочную композицию нового Самарканда.

Генеральный план Самарканда на 1 января 1875 г. показывает нам характерный среднеазиатский город, расчлененный на две резко отличные части — Старый город и Новый город, имеющие разные облики, различную степень благоустройства и разный этнический состав населения⁴.

Центром планировочной композиции всего городского организма была цитадель, площадью 31,2 га, сохранившая к 1875 г. свои старые оборонительные стены, но внутри уже появилось много новых построек. Цитадель окружена широким кольцом свободных от застройки земель. Стены по западному краю старого Самарканда уже снесены, хотя на северной, восточной и южной сторонах старые стены еще сохранились. Судя по плану города, крепость стала в фортификационном отношении значительно сильнее, а отсутствие противолежащей крепостной стены приводило старый город к полной фортификационной зависимости от крепости. Военно-фортификационный характер планировки нового города в литературных трудах известен⁵. Новый город располагался на юго-запад от цитадели и имел секторное пятно плана площадью 121 га, распланированного по радиально-кольцевой системе.

Основной радиус — Абрамовский бульвар — отделял на юго-западе новый город от старгородской застройки и был основной магистралью, связывавшей эти

две части Самарканда. Остальные три радиуса — улицы Ургутская (Узбекистанская), Ташкентская (Фрунзе) и Каттакурганская (Карла Маркса) членили городскую застройку на равные части и были направлены строго в середину цитадели. Четыре основные кольцевые магистрали связывали радиальные улицы, причем Черняевская (Энгельса) ограничивала город на западе, а Александровская (Коммунистическая) была крайней с восточной стороны. Две магистрали — Кауфманская (Ленина) и Николаевская (Советская), проходя посередине города (особенно Кауфманская), были как бы главными улицами, на которых начали воздвигать наиболее значительные общественные и торговые здания.

Другие небольшие улочки — Челекская, Джамская (Воровского), Петровская (Республиканская), Зерабулакская (Войкова), Каршинская (Шаумяна), Пушкинская — членили городскую застройку на более мелкие кварталы (до 1,2 га), присущие основному усадебному методу застройки города домами частных владельцев⁶. Судя по планировке и номенклатуре зданий, город строили как военный и административный центр Зеравшанского округа (впоследствии Самаркандской области). Новых промышленных сооружений было еще мало: винный и пивной завод Д. Л. Филатова, мельница Д. А. Лямина на Сиабе были незначительны, рассчитаны только на сбыт продукции внутри Самарканда, расположенные за пределами нового города, они совершенно не участвовали в формировании последнего. Основными видами построек были, прежде всего, частные дома, присутственные здания, торговые лавки и воинские строения. Архитектурный

облик их был очень прост. Это обычно одноэтажные, в основном сырцовые здания, с применением местных способов возведения зданий.

Воинские части, как уже сказано выше, сначала целиком располагались на территории крепости. С развитием города некоторые перемещались на новое место. К 1883 г. появились массивы в начале и конце Абрамовского бульвара, занятые воинскими постройками, а на продолжении Ургутской улицы, за пределами города, появились два квартала, занятые лечебными корпусами и домами обслуживающего персонала Самаркандского военного госпиталя. Площадь нового города увеличилась до 270,5 га.

Надо отметить определенную прогрессивность планировки нового Самарканда. Появились широкие прямые улицы, вдоль которых, ограничивая тротуары от проезжей части дороги, проведены арыки для поливки улиц и зеленых насаждений. Наиболее широкой была Николаевская (Советская) улица. Главный центральный Абрамовский бульвар имел ширину 60 сажень (128 м), длину 490 сажень (1044 м)⁷. Очень большое внимание уделялось озеленению. Все улицы были обсажены вдоль арыков ширококронными деревьями, а на Абрамовском бульваре, вдоль домов и тротуаров, тянулись по три ряда деревьев, посередине проходила широкая зеленая полоса, вдоль аллей располагалось пять рядов деревьев. Помимо Абрамовского бульвара, в городе были и другие зеленые массивы — большой сад (6,5 га) с прудами при доме Самаркандского губернатора, располагавшийся между Николаевской и Кауфманской улицами и простиравшийся от Абрамовского бульвара

62.
Георгиевская церковь.

63.
Здание областного губернатора.

до Ургутской улицы. За ним, вплоть до Ташкентской улицы, тянулся Центральный или Старый парк, часть которого в конце столетия, после постройки в нем здания Военного собрания, была присоединена к этому зданию. Возле этого парка — главная городская площадь для парадов; она была организована церковью св. Георгия, зданием Общественного собрания, Военного собрания.

В это же время за Черняевской улицей, примыкая к оврагам, появился еще один живописный Ивановский парк.

Правда, общественное благоустройство города налаживалось с трудом. 29 сентября 1895 г. было издано специальное предписание губернатора об устройстве в русской части города тротуаров из кирпичного щебня с песком, а осуществлено оно было только в 1899 г.⁸

Далеко не все улицы были шоссеваны. До революции в городе не было канализации и водопровода, воду для питьевых нужд доставляли водовозы в бочках из Филатовских ключей⁹.

И все же город был несравненно более благоустроенным, чем старый город, возникший много столетий назад.

Город продолжал активно развиваться. Появились новые кварталы жилых домов и новые массивы воинских строений, постройки тюрьмы в западной стороне города, вдоль Каттакурганской дороги, превратившейся позднее в Решетниковскую улицу (Некрасова).

Строительство еще более активизировалось с подходом к Самарканду в 1888 г. Закаспийской железной дороги. Вокзал, железнодорожные мастерские, депо, складские постройки, привокзальная рабочая слободка были связаны с городом дорогой,

что и способствовало ее постепенной застройке. С конца XIX в. здесь предполагалось строительство городской железной дороги¹⁰.

Существенные изменения происходят в крепости. Внутри ее к 1880 г. возникает новая крепость площадью около 8 га¹¹. Крепость имела уже более прочные стены с двумя выносными округлыми бастионами, направленными на северо-запад и на юг таким образом, что бастионы брали под обстрел подходы к новому городу с севера и юго-востока. Внутри крепости были сосредоточены новые крепостные постройки. Старые постройки местного типа, оказавшиеся за пределами новых крепостных стен, были снесены и создана очень широкая эспланада, усиливающая крепостные качества новой цитадели. Тогда же, в 1883 г. был разобран мавзолей Кутби-Чахар-духум¹². Некоторые воинские части были переведены в город, который за счет их увеличивает свою территорию в сторону крепости. Появляется новая, Эспланадная улица¹³.

64.

6. Офицерское собрание.

В 1903 г. была разбита на участки небольшая территория к северу от нового города. Сюда были продлены улицы Петровская, Николаевская, Кауфманская и вновь пробита Кладбищенская. В 1906 г., осуществляя наметки плана 1883 г., но с корректировкой согласно топографии местности, Г. О. Нелле проводит разбивку кварталов за Черняевским проспектом в сторону госпиталя. Сюда были продолжены улицы Ростовцева (Нариманова), Карпинская (Шаумяна) и Верещагинская (Фрунзе), пробиты Базарная, Некрасовская, Новогоспитальная. Однако застройка этой части города осуществлялась только в предреволюционные годы.

По сведениям Самаркандского статистического управления в 1893 г. в русской части города насчитывалось 10128 жителей, 4828 из них — военнослужащие срочной службы. Город сохранял значение военного и административного центра¹⁴. Город был небольшой: в начале века площадь русской части равнялась 229 десятинам, в то время как площадь старого города — 4629 десятинам.

В это время в жизни города все большее значение придается перерабатывающей промышленности и торговле. Однако это не повлияло на облик города: Самарканд оставался очень зеленым, уютным и в достаточной степени благоустроенным.

Среди самаркандских инженеров и архитекторов, работавших в первые годы существования города и внесших существенный вклад в его застройку, в первую очередь надо назвать военного инженера А. Н. Черневского. Будучи топографом, ирригатором и хорошим организатором, он принимал участие во многих крупных работах. Ему принадлежит строительство

дороги к Шах-и Зинда, шоссе, строительство других дорог и строительство мостов. Он руководил топографическими работами и составлением первой карты Зеравшанского округа, с 1873 по 1875 гг. — строительством дома для начальника округа и парка при нем, в 1874 г. — дорог, арыков и озеленением основной артерии Самарканд — Абрамовского бульвара, распланировкой и насаждением городского сада.

Оставили след в застройке Самарканд военный инженер Н. А. Непокунный, которому принадлежат проекты дома начальника Зеравшанского округа и Военного собрания, и младший архитектор И. А. Лемке — строитель новой церкви св. Георгия¹⁵. Здание не сохранило первоначального облика: позднейшие достройки и перестройки совершенно исказили и его планировку, и облик. Единственный элемент старого дома, сохранившийся до настоящего времени, — входной портик своеобразной и прихотливой архитектуры. Четыре массивных, прямоугольных и далеко отстоящих от фасадной стены столба поддерживают небольшой раскрепованный фронтон и угловые прямоугольные башенки. Неглубокая орнаментальная нарезка по белой ганчевой поверхности дополняет облик этого, несколько массивного, но оригинального портика.

Георгиевская церковь была построена в 1882 г. и представляла собой в то время одно из самых примечательных сооружений нового Самарканд. Если сравнивать с аналогичными постройками других городов, в частности, Ташкента, большей ее не назовешь. Планировка, как и других церквей, очень проста. Центральное вытянутое помещение (17,35×8,9 м), как и положено, имеет на западной стороне ал-

тариую апсиду. Вход в виде крытой напёрти подчеркнут трехчастным портиком. За ним расположен внутренний притвор с двумя боковыми комнатками служебного назначения. По бокам основного помещения лежат два боковых придела с такими же квадратными комнатками в восточной части церкви. Таким образом, план всей церкви имеет вид равноконечного греческого креста. Во всех внутренних помещениях плоские потолки, над которыми скатные железные крыши. Объемная композиция церкви своеобразна и интересна. Сосредоточенные в передней части объемы придают композиции напряженность и динамичность, которые подчеркнуты возвышенной шатровой колокольней. Декоративные луковичные главки по бокам колокольни придают церкви очень декоративный вид. Декоративность увеличена за счет окраски в голубой цвет общего фона, на котором четко воспринимаются белые активные архитектурные детали. Мотив двучастных арок с гирьками повторяется в наружной обработке боковых приделов, что подчеркивает единство применяемых в здании деталей.

Выполненная в принятых для всего церковного строительства России второй половины XIX в. формах псевдорусской архитектуры, эта церковь, благодаря необычной композиции, оригинальна и интересна, имела запоминающийся образ.

Вторым основным объектом, формирующим площадь, было расположенное напротив церкви здание Военного собрания (ныне Дом офицеров), построенное в 1882 г. За почти сто лет существования оно подвергалось существенным внутренним перестройкам, но до сих пор сохранило свой первоначальный архитектурный об-

лик¹⁶. По объему здание уступает таškентскому Офицерскому собранию, но имело все необходимые помещения для проведения вечеров, раутов, балов и интимных встреч офицеров самаркандского гарнизона.

Планировочная композиция здания проста. Через небольшой квадратный вестибюль вход вел в прямоугольный зал шириной в 12,5 м, лежащий в центре здания. По продольной оси зал был фланкирован помещениями столовой и гостиной, причем последняя связана с залом широким незакрываемым проемом так, что пространство их сливается. К столовой примыкают буфетная, библиотека, карточная и бильярдная комнаты. На противоположной стороне от входа — выход на широкую террасу, откуда можно было спуститься в сад.

Одноэтажный объем здания перекрыт скатной крышей, причем объем центрального зала несколько возвышается над крышей окружающих помещений. Архитектура фасадов решается за счет применения форм неоклассицизма в некоторой провинциальной трактовке. Ритмический ряд удлиненных окон с полукруглыми завершениями, оконтуренных рельефными архивольтами на импостных пилястрах, а также классического типа карнизы пластически обогащают фасад, контрастно выстукая на цветном фоне. Весьма характерен для местной архитектуры объем привходного открытого сооружения на кирпичных столбах, которое создает большую тень при входе, организуя подъезд к входу фаэтонов, а также придавая зданию большую пластичность и парадность.

Достаточно высоким уровнем исполнения архитектурных форм, их четкой прорисовкой, хорошо найденной масштаб-

ностью это здание и сейчас производит очень приятное впечатление.

Находившееся на углу Кауфманской и Ургутской улиц здание Общественного собрания по своим техническим и художественным качествам не поднялось выше посредственного провинциального здания. Построенное в 1895 г., оно в 1896 г. было расширено за счет пристройки (по проекту Г. М. Сваричевского) зрительного зала¹⁷, но такой посредственной архитектуры, что узнать здесь почерк этого крупного мастера совершенно невозможно.

К началу восьмидесятых годов относится и строительство первого летнего театра на территории старого парка, на углу улиц Николаевской и Ургутской. Это сооружение было, видимо, очень примитивным, в виде навеса, который в 1891 г. был перестроен инженером Н. П. Петровским. Временный характер, легкость и нестойкость конструкций, естественно, привели к тому, что это сооружение не сохранилось. Но оно предопределило расположение здесь местных зрелищных сооружений¹⁸.

Среди самаркандских построек раннего периода можно отметить и бывшее здание Штаба войск Самаркандской области (ныне небольшая гостиница). Это Г-образное в плане здание — на угловом участке. Но один из его фасадов — главный и выходит на Абрамовский бульвар. Положение на бульваре Штаба войск подчеркивало значение военного аспекта в застройке города.

Здание, как обычно для раннего периода, одноэтажное и выложено из жженого кирпича. Причем, жженный кирпич — и основное средство декоративного решения фасадов. Кирпичная выкладка стен

рустирована и на фоне горизонтального кирпичного руста активно выступают объемные формы паличников окон и дверей, пилястр. Хорошее качество выполнения деталей и чистота их прорисовки делает облик здания заметным и выделяющимся среди прилегающих построек. Внутренняя планировка проста и примечательна только тем, что здесь сочетаются коридорная система части здания, занимавшейся штабом, и связанная с ней более сложная планировка той части, где была квартира начальника штаба. Двучастность планировки отчетливо выражена на фасаде, где два парадных входа определяют его симметричное решение.

Здания общественного назначения, строившиеся в начале XX века, стали, безусловно, крупнее, внушительнее, а с их возведением часто связывали имена столичных архитекторов¹⁹. Таким было здание Общественной библиотеки, построенное по исправленному проекту В. С. Гейнцельмана в 1911 г. на углу Чернышевской и Верещагинской улиц²⁰. Первоначально предполагалось построить здесь Народный дом, включающий зал народного театра, помещения музея и библиотеки-читальни. Но осуществлена была только первая очередь — корпус вдоль Чернышевской улицы. Оставленные в стенах штабы свидетельствуют о том, что в дальнейшем предполагалось строить зрительный зал — в глубине участка, по главной оси здания.

Построенная часть здания представляет собой вытянутый корпус с центральным просторным вестибюлем. По бокам вестибюля симметрично расположены группы из пяти больших и малых помещений, связанных небольшим коридором. Внутренняя отделка интерьеров очень скромная, но внешне здание выглядит очень нарядно.

Внешняя архитектура здания весьма характерна для позднего этапа творчества В. С. Гейнцельмана. Помимо применения характерной для его творчества фактуры шлифованного жженого кирпича, здесь заметно увлечение сталактитовыми карнизами, декоративными венчающими зубцами, башенками с островерхими шатрами. Применение стрельчатых проемов, — очевидно, дань Самарканду с его уникальными памятниками архитектуры, это также подчеркивает как бы «готический» характер архитектуры здания. В архитектурной разбивке фасада применено трехчастное решение. Активно выделена средняя часть, соответствующая центральному вестибюлю. Она подчеркнута повышенным объемом, фланкированным двумя угловыми гранеными башнями, увенчанными пластическими сталактитовыми кирпичными карнизами и стройными изящными пилярами. Пространство между башнями внизу заполнено тремя разновеликими стрельчатыми проемами и двумя круглыми окнами-розами. Вверху — фигурный ступенчатый фронтон.

Боковые крылья членит ритм стрельчатых окон, который остановлен угловыми ризалитами, образовавшимися за счет утолщения в этом месте фасадной стены. Ризалиты заполнены двумя стрельчатыми окнами тех же размеров и увенчаны ступенчатым рельефным фронтоном и стройными декоративными башенками. Но эти элементы здесь значительно скромнее, чем в центре здания. Изящная металлическая решетка, примыкающая к краю библиотеки, окружала земельный участок, где предполагались служебные постройки.

Другим зданием культурно-общественного назначения была женская гимназия, сооруженная на Абрамовском бульваре в

1902—1904 гг.²¹ по проекту Г. М. Сваричевского. Это двухэтажное, довольно крупное в плане, здание включало классные комнаты, актовый зал, кабинеты, церковь, а также несколько квартир для преподавателей.

Актовый зал расположен на втором этаже над входным вестибюлем, что позволило развить и повысить центральный объем здания, сделать его центром всего композиционного решения. Внешняя архитектура кирпичного здания очень проста. Выделяется только центральная часть, где применен выступающий входной портик, и ритм высоких полуциркулярных окон по второму этажу с двумя декоративными ступенчатыми фронтонами по углам. Несмотря на некоторую сухость и схематичность архитектурного облика, это здание в начале века было крупнейшим на Абрамовском бульваре — основной планировочной оси города.

Среди культовых построек этого времени выделяется Алексеевская церковь, построенная в 1912 г. для военного городка на углу ул. Ростовцева и Николаевской, по откорректированному проекту военного инженера Ф. Смирнова²². Церковь зального типа, имеет один нерасчлененный зал размером 24×16 м, с глубоким алтарем, объемно подчеркнут высоким и светлым куполом. По бокам алтаря два вспомогательных помещения, есть две боковые служебные комнаты и по бокам центрального западного входа. В одном из этих помещений находится лестница, ведущая на колокольню. Высокая, восьмигранная вверху, колокольня находится над входом и, возвышаясь над церковью, является основным вертикальным элементом. Увенчанная высоким шатром, она отличается стройностью, хорошими пропорциями.

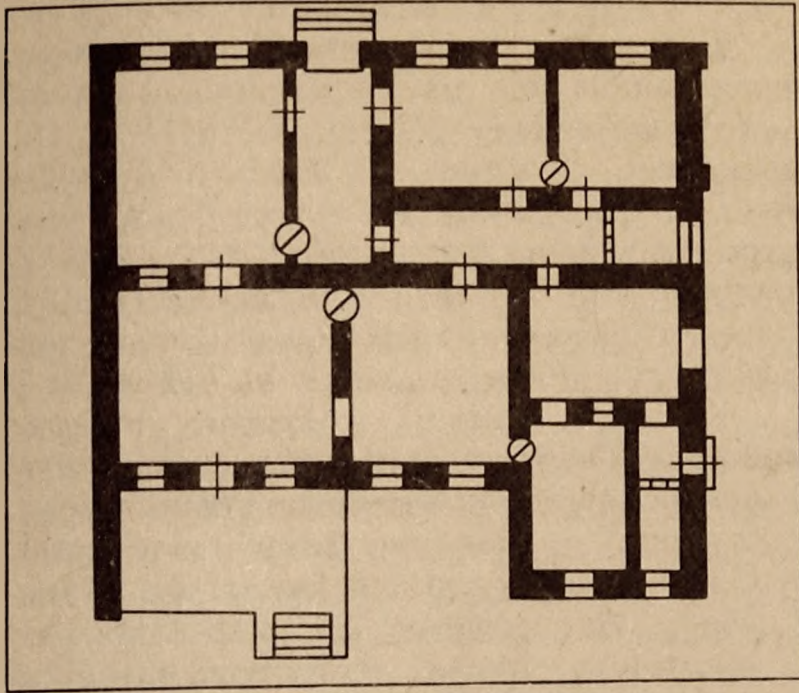
65.
Общественная библиотека.

67.
Русско-китайский банк.

68.
Костел. Колодольня.

66.
Женский гимназии.

69.
Жилой дом инженера М. Туманова, план

Восточный фасад церкви нарочито лаконичен и суров. Гладь стены оживлена только плоскими лопатками, узкими проемами типа амбразур и глухими плоскими арочками. В то же время боковые фасады более нарядны. Сдвоенные арочные окна с килевидными архивольтами объединялись резной декоративной полуколонкой. Их повтор определял обработку стены. Центр бокового фасада был подчеркнут крытыми крыльцами со скатной крышей на круглых приземистых колонках. Резные деревянные полотенца в крыльцах придают последним живой, нарядный характер. Восьмигранный барабан над алтарем был покрыт сомкнутым сводом, обработанным снаружи двумя рядами декоративных кокошников, и имевшим ранее луковичную главку на круглой шейке.

Алексеевская церковь (как и большинство в крае) обработана в формах неорусской архитектуры, но значительно проще. Здесь нет того обилия, той перегруженности формами и деталями, которые встре-

чались в других церквях. Поэтому церковь выглядела цельнее, и четче воспринималась.

В 1916 г. в Самарканде, на Черняевской улице, был построен католический костел. Он находится посередине квартала, в окружении жилой застройки и, исходя из традиционной ориентации по оси запад-восток, оказался обращенным на улицу своим «задним», восточным фасадом²³. Вход в костел внутри участка. Здание небольшое, с единым внутренним пространством в виде освещенного с двух сторон зала и глубокой алтарной апсидой с двумя небольшими вспомогательными помещениями. Выступавшее впереди западного фасада, открытое некогда с трех сторон входное помещение вверху переходит в высокую звонницу, увенчанную развитым сталактитовым карнизом. Кирпичная внешняя фактура, высокие проемы с арочным, ланцетовидным завершением и декоративные островерхие башенки невольно связывали архитектуру этого здания со средневековыми западноевропейскими образцами. В то же время, как и в Алексеевской церкви, интерьер храма был выполнен чрезмерно просто. Судя по характеру архитектурных решений, это здание было построено самаркандским архитектором, возможно, Е. О. Нелле.

С конца XIX в., когда застройку города начинали постепенно определять развивающиеся капиталистические отношения, в связи с развитием торговых и финансовых операций появились банки.

Наиболее представительное здание имел Русско-китайский банк. Он был построен после 1896 г.²⁴ на Абрамовском бульваре и представлял собой довольно крупное белое двухэтажное здание, прямоугольное в плане. Двухъярусный глубокий пор-

тик подчеркивал вход в здание и являлся центром симметричной обработки главного фасада. Плоские пилястры членили поверхность стен и раскреповывали карнизы. Классические принципы заметны и в прорисовке наличников окон. В общем, здание имело довольно приятный силуэт, однако излишнее обилие лепных украшений и деталей, довольно грубо исполненных, снижало архитектурное качество постройки.

Другим привлекающим внимание было здание Самаркандского отделения Государственного банка, построенное на углу Каршинской и Черняевской улиц Б. Н. Кастальским после 1908 г.²⁵ Решая здание в формах псевдорусской архитектуры, строитель создал сложную, многообъемную композицию, угловой входной объем которой был увенчан высокой шатровой крышей.

Анализируя расположение крупных зданий общественного назначения в плане города, можно отметить, что Самарканд не имел планировочно выявленного общественного и культурного центра. Замыслив первоначально Самарканд как город-крепость, здесь создали такую планировку города, что цитадель стала центром планировочного решения. Остальная селитебная зона была разбита на кварталы трапециевидной формы и разных размеров, без выявления других планировочных узлов. Площадь Георгиевской церкви заняла место обычного квартала, и хотя к ней тяготели здания общественного назначения — Офицерское и Общественное собрания, — но построенные на раннем этапе существования города небольшими по размерам, эти здания не образовали архитектурно выраженного центра.

Торговая деятельность в основном сосредоточивалась на Кауфманской улице, в отрезке между Каттакурганской и Верещагинской улицами. Здесь находились частные магазины, аптека и пр. Все здания были одноэтажными, небольшими и, несмотря на большую популярность этого места у самаркандцев, архитектурно выраженного делового центра не получилось.

Крупные здания культового, общественно делового и культурного характера оказались разбросанными по всему городу. В лучшем случае они закрепляли угловой перекресток жилых кварталов (Баня, Госбанк, Алексеевская церковь и др.), но в некоторых случаях их положение было просто случайно (костел).

Жилая застройка Самарканда довольно проста и ординарна. Здесь нет образцов высокой архитектуры. Как правило, это одноэтажные дома, построенные из сырцового кирпича, с простенькими карнизами и пилястрами, обработанными разнообразными штукатурными профилями. Сырцовые стены, как правило, имеют значительную толщину (до 70 см) и практически не прогреваемы. Большая высота помещений, террасы, активное проветривание — факторы, вызванные специфическими климатическими условиями.

С начала XX в. широкое распространение начинают получать приемы облицовки всего уличного фасада дома жженом кирпичом с более насыщенной обработкой архивольтов арочных окон, пилястр и фризových полос. Дома выглядят более прочными и монументальными. В это же время появляются жилые дома, целиком выложенные из жженого кирпича. Украшению фасадов, в определенной мере, способствовало устройство над парадным вхо-

дом легких козырьков на ажурных металлических разнообразного рисунка крошечных.

В жилой застройке — несколько типов домов. Наиболее распространенные небольшие особнячки чиновников и других служилых людей. Характерен дом самаркандского областного инженера М. А. Туманова, построенный на Ургутской улице в 1912 г. На фасаде жженым кирпичом выложены декоративные наличники, рустированные пилястры, зубчатый карниз, которые активно выделялись на фоне белых сырцовых стен. В плане дома заметно деление на две группы помещений — гостиной, столовой, кабинета, тяготеющих к прихожей; и интимных, связанных с первыми внутренним коридором, — спальни, запасной комнаты, клозета, а также кухни с комнатой для прислуги и небольшой кладовки. В озелененный двор выходила просторная терраса.

Значительно крупнее были особнячки купцов и промышленников. Среди них выделялся особняк винооторговца Д. Л. Филатова. Это большое одноэтажное здание с объемно подчеркнутым входом и большим количеством различных довольно близких деталей на фасаде. Здание имело развитый полуподвальный этаж хозяйственного назначения, где находилась и домашняя коллекция вин. Большая остекленная веранда выходила в сад широко раскрывавшейся лестницей.

В доме купца Калантарова сочетались традиционные местные принципы планировки и внутреннего декора с новым техническим осуществлением. Его построил в 1911—1916 гг. инженер Г. О. Пелле в глубине усадьбы, и выглядел он внешне, как вполне современное, европейское по архитектуре, здание. В то же время,

располагаясь по двум сторонам озелененного двора, все комнаты традиционно вытягивались в ряд. Наиболее крупное и парадное помещение имело еще и отделенное колоннами пространство типа алькова. Это шах-нишин — характерный элемент основного помещения традиционного бухарского дома. Во внутренней отделке сочетались новые веяния в виде печей, выложенных глазурованной плиткой заводского изготовления, кафельных полов, шпательного тисненого картона для обивки стен, с местными видами резьбы по ганчу и дереву.

Наиболее украшена михманхона с шах-нишином. Здесь все стены сплошь покрыты различными панно, заполненными орнаментальными композициями с включением растительных мотивов, выполненные в резном ганче в сочетании с росписями. Эту работу выполнял большой коллектив местных мастеров-декораторов, которые, очевидно, отвечая кунеческим вкусам заказчика, перегрузили интерьер обильным декором, плохо сочетавшимся с эклектичными и грубыми формами круглых колонн со сталактитовыми капителями, несущими полуциркульные арки. В общем, в интерьере нет органичности и скромного изящества, которыми отличается декоративная обработка узбекских и таджикских жилых домов²⁶.

Мы уже упоминали здание Штаба округа, где в отдельном отсеке располагалась квартира начальника штаба. Такого сочетания, когда в одном здании располагаются учреждения и квартира управляющего, было много. Но были широко распространены и отдельные казенные жилые дома, иногда заселенные одной семьей, иногда несколькими.

К казенным домам принадлежал и особ-

няк главного врача Военного госпиталя, построенный инженером Павловым в 1891 г. Это был одноэтажный, внешне непритязательный, но весьма удобный и просторный дом. Он имел семь жилых комнат, включая гостиную, кабинет, столовую, спальню, детскую, комнату пани и пр. В отдельный блок были сгруппированы подсобные помещения — кухня, ванная, кладовая и пр. Два входа — парадный, ведущий в жилые комнаты, и черный — в подсобные помещения, — подчеркивали социальное неравенство находившихся здесь людей.

Принцип социального неравенства присутствовал и в других казенных домах. Так в жилом доме, принадлежавшем Самаркандской почтовой конторе, построенном в 1885 г., для почтмейстера была выделена трехкомнатная квартира, для помощника почтмейстера — двухкомнатная, а для семей сортировщиков, почтальона и рассыльного предусматривались только

отдельные комнаты, связанные общей передней.

Казенные дома строили и для офицеров гарнизона. Они имели казарменный облик и довольно простую секционную планировку, где секция соответствовала одной квартире с отдельным входом.

Подобного принципа придерживались и в планировке частных, доходных домов. Самаркандские доходные дома, как и таджикские, были небольшими, одноэтажными и содержали небольшое количество квартир. Так, доходный дом Шорина представлял собой вытянутый объем с отдельными парадными входами в четырех- или трехкомнатные квартиры. Вдоль фасада располагались наиболее крупные комнаты — столовая и гостиная; во двор выходили спальня, кабинет, подсобные помещения, примыкавшие к террасе. Доходный дом Арустамова, построенный в 1916 г., состоял всего из 6 двухкомнатных и 2 четырехкомнатных квартир.

Города Ферганской долины

Коканд

Коканд — один из интереснейших и своеобразных городов Средней Азии. В конце XIX — начале XX вв. это второй (после Ташкента) по величине город, превосходивший по числу жителей все административные областные центры. С конца XIX в. в нем велось активное строительство, причем для европейской части города проектировали дома крупнейшие архитекторы края.

В то же время, в специальной литературе архитектура города освещена очень мало. Здесь обычно краткие и схематические описания монументальных построек культового назначения, воздвигнутых в основном, до присоединения Кокандского ханства к России¹. Постройки, воздвигнутые после этого события, не обратили на себя внимания исследователей. Г. Н. Чабров, специально изучавший строительство в Туркестане колониального периода, ограничивается только сообщением очень кратких сведений градостроительного порядка, упоминая отдельные постройки². Нескольким жилым домам старого Коканда нашлось место в исследованиях народного жилища³. Более подробно исследованы особенности народного строительного производства⁴. Наиболее полно вопросы истории и культурной жизни Коканда освещает С. М. Круковская⁵.

Старый Коканд был типичным среднеазиатским городом, окруженным сырцовою крепостной стеной с двенадцатью воротами, со стихийно сложившейся радиальной системой распланировки внутри. Четыре основные дороги-радиусы подводили к центральной торговой площади, к которой примыкало и несколько культовых монументальных построек, включая крупную соборную мечеть с высоким кир-

ничным минаретом. В то же время эти улицы делили город на четыре части — «даха».

Старый Коканд имел и типичную для Ферганской долины жилую застройку, состоящую в основном из одноэтажных домов, в которых вытянутые в ряд жилые комнаты и летние помещения располагаются обычно внутри озелененных усадеб, отграниченных с улицы высоким глинобитным забором. Поэтому вид старых кокандских улиц был довольно унылым. Но над жилой застройкой возвышались монументальные культовые здания с их пештаками и минаретами, оживлявшими городской силуэт.

К середине XIX в. Коканд был столицей крупнейшего среднеазиатского ханства, и средства, полученные ханами из подчиненных присырдарьинских земель и городов, позволили Худояр-хану продолжить строительство новой ставки — урды. Этот дворцовый комплекс расположился в северо-западной части города, среди пригородных земель и представлял собой сложный, но хорошо функционально и планировочно организованный организм.

В отличие от дворцов других среднеазиатских правителей, в объемно-планировочной композиции и методах декоративной отделки чувствовался единый замысел и твердая рука крупного мастера. Строили дворцовый комплекс с 1863 по 1870 гг. под руководством мастера Мир Убайдуллы, а декоративную отделку дворца вели до 1873 г., при участии известных керамистов-отделочников — усто Абдуллы и усто Джамиля из Риштана, усто Закира из Пскента. Красочные росписи потолков и резной алебастровый декор в парадных покоях дворца выполнили усто

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
الْحَمْدُ لِلَّهِ الَّذِي هَدانا لهذا
والكلام اليوم في الأول وقتنا

Фазыл-ходжа, усто Мамасадык и Юлдаш Наджар-баши.

Комплексе представлял собой систему дворов и построек, вытянувшихся по оси запад-восток и состоявший вначале из ряда проходных дворов, где проходные ворота Дарваза-хона были панизаны на одну ось. Здесь находилась охрана, приезжие люди оставляли лошадей.

Дворец, лежащий на той же оси, занимал крайнее западное положение. Он был приподнят на высокой платформе, на которую ведет длинный и пологий пандус. Главный фасад дворца очень парадный и представительный. Он состоит из яруса платформы, выложенной жженым кирпичом и обработанной мотивом чередующихся больших и малых стрельчатых арок, забранных в прямоугольные обрамления.

Мотив глухих стрельчатых арок подчеркнут и в обработке фасадной стены дворца. Большая центральная арка, вписанная в повышенный объем центрального пещтака, подчеркивала парадность входа на территорию дворца. Повышенный пещтак и весь фасад дворца фланкируются угловыми декоративными башенками с изящными фонариками, покрытыми глазурированными куполами. Вся фасадная поверхность стен дворца и угловых башенок сплошь покрыта резной наборной мозаикой, образующей разнообразные по рисунку панно и орнаментально-эпиграфические пояса. И если в других среднеазиатских городах мозаика XIX в. не свидетельствует о развитии этого вида декора, то во дворце Худояр-хана она при некоторой нестроте отличается яркостью цветового решения и глубиной тона. Поверху фасад был украшен рядом фигурных декоративных зубцов (кумгра).

В плане дворец — вытянутый прямоугольник, разделенный на три части, которые были заполнены внутренними дворами, окруженными примерно ста двадцатью помещениями, большей частью небольших размеров. В передней части двора находился большой парадный двор с колонной галереей, примыкавшей к двум залам больших и малых аудиенций, перед которыми находились небольшие ожидающие комнаты.

В северной половине этого двора находился второй двор с мечетью, казначейством и диванами (правительственные канцелярии). В средней части находились помещения хана с самостоятельной хозяйственной группой помещений, а наиболее крупную заднюю часть занимали три двора с двухэтажной обстройкой. Это был гарем.

С севера к дворцу примыкали комплексы конюшен, сарбазский двор и другие сооружения, связанные с обслуживанием дворца. На юге и западе находились дворцовые сады, сохранившие частично традиционную четырехчастную систему парковой планировки (чор-баг). Здесь же располагались декоративные водоемы (хаузы).

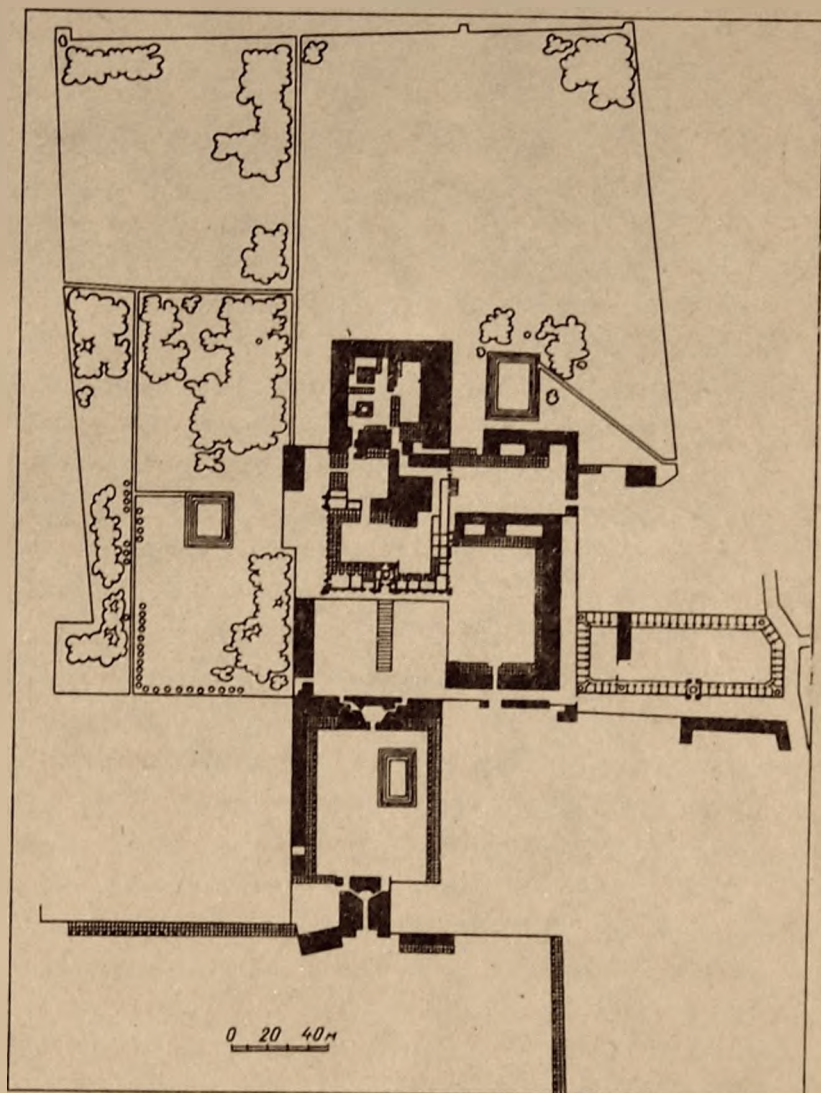
Ханская урда и была тем местом, где расположились в 1875 г. русские войска и новая администрация. Тогда же начали перестраивать и приспособлять старые постройки для новых нужд⁶. В итоге реконструкции вместо проходных дворов появились укрепленные казармы. Для военных нужд были приспособлены и постройки севернее дворца. Во дворце разместились офицерские квартиры, администрация, казначейство, а большой тронный зал был переоборудован под церковь.

Так урда — место пребывания последнего Кокандского хана — превратилась в

военную крепость — оплот царизма в завоеванном городе. Вблизи крепости, на территории старых ханских садов получила начало новая городская застройка. Она располагалась с юга и запада за пределами окружавшей крепость неширокой эспланады. Здесь расположились жилые дома, Военное собрание, некоторые казенные учреждения, а в юго-западном углу в 1908 г. была построена в традиционных псевдорусских формах новая церковь.

После завоевания Коканд потерял свое столичное значение; он стал обычным уездным городом, а потому средств на новое строительство имел немного. Это сказалось на характере городской рас планировки, она отличалась от принятой в других городах прямоугольной или радиально-кольцевой. В Коканде невольно возникла линейная система планировки, основанная на развитии двух улиц — Розенбаховского проспекта, проходившего на запад вдоль южного фасада дворца, и отходящего от него (с 1891 г.) Скобелевского проспекта в сторону вокзала вновь сооружаемой железной дороги. Только в месте пересечения этих улиц и возле дворца городская застройка получила небольшое пространственное развитие. В других местах это была новая застройка вдоль улицы, в окружении земель и построек старого Коканда. Четкого планировочного разграничения на «новый» и «старый» город, как в других городах, в Коканде не было.

Не являясь административным центром, Коканд с конца XIX в. начал быстро превращаться в центр новой, капиталистической деятельности, внутренней и транзитной торговли. Здесь обосновалось много местных и иностранных торговых фирм, занимавшихся посреднической торговлей, особенно хлопком, шелком, а также фи-

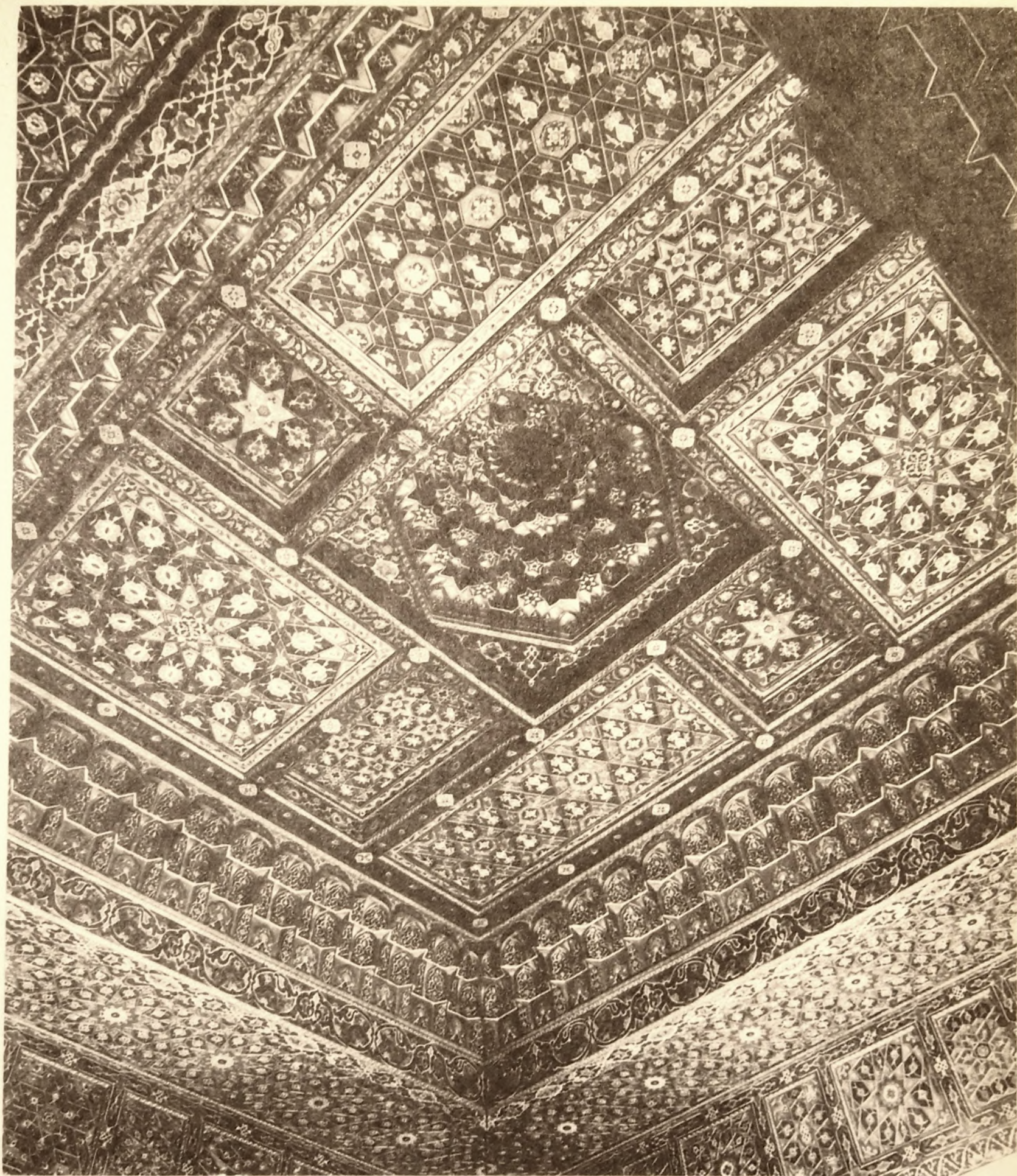
нансовой деятельностью. Поэтому, в отличие от других среднеазиатских городов, архитектурный облик нового города Коканда определяли банки, конторы и жилые особняки частных предпринимателей. Торговая часть города располагалась к юго-востоку от цитадели, где выделялся псев-

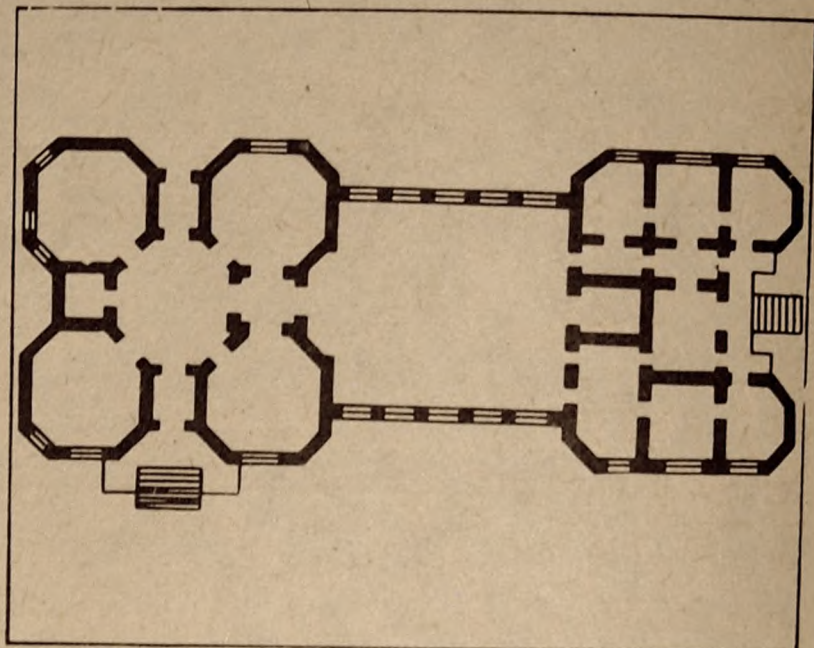
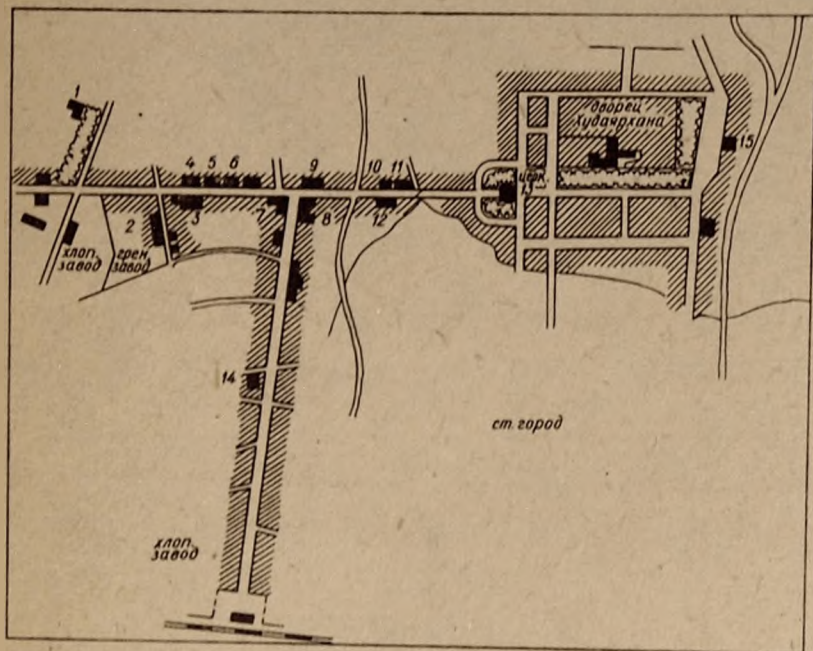
70.

Урди Худойр хана. План комплекса.

71.

Урди Худойр хана. Потолок.

дорусскими формами шатра, наличников окон магазина общества «Треугольник», и на Розенбаховском проспекте, в промежутке между углом Скобелевского проспекта и церковью, магазин Альперовича, галантерейный магазин Галама, аптека Вильде, двухэтажная гостиница с рестораном Булье делали этот отрезок улицы очень оживленным.

В 1910 г. в Коканде было семь банков⁷. Не считая Государственного банка, свои отделения имели Волжско-Камский, Русско-Китайский, Русский для внешней торговли, Московский учетный, Сибирский торговый и Соединенный. Наиболее примечательна архитектура зданий Государственного и Русско-Китайского банков.

Здание Государственного банка было построено в 1893 г. в конце Розенбаховского проспекта по проекту архитектора В. И. Повикова. Одноэтажное, вытянутое вдоль фасада, оно было соединено с квартирой управляющего. Планировка была очень проста: за рядом служебных помещений лежал большой (33×11 м) операционный зал, куда выходили двери вестибюля, всех служебных и вспомогательных помещений. Зал был декорирован просто, но с большим вкусом. Особенное внимание привлекал его подвесной потолок.

Архитектура фасада проста и солидна, без явно выраженных форм принадлежности к какому-либо стилю. Плоская раскреповка, соответствующая его внутрен-

72. Схема планировки русской части Коканда. 1. дом Кинабе, 2. дом братьев Миндалика, 3. госбанк, 4. Коммерческое училище, 5. дом братьев Крафт, 6. дом Зигели, 7. дом Погодинова, 8. дом братьев Вадьяевых, 9. Русско-азиатский банк, 10. аптека, 11. гостиница, 12. гастрономический магазин, 13. церковь, 14. мечеть Гингели, 15. дом А. О. Треугольник.

73. Русско-азиатский банк. План.

74. Русско-азиатский банк.

ней структуре, способствовала его пластичности, которая усиливалась за счет применения кессонированных оконных проемов. Венчал здание довольно распространенный в архитектуре колониального Туркестана плоский карниз с большим выносом, на двояных фигурных кронштейнах⁸.

Русско-Азиатский банк, расположенный на пересечении Розенбаховского проспекта со Скобелевским, где в начале XX в. начал складываться планировочный и деловой центр города, выглядел значительно наряднее и импозантнее⁹. Он был построен в 1910 г. по проекту И. А. Маркевича и представлял собой явный образец неоклассицизма с некоторыми декоративными деталями модерна. Композиционно он построен на асимметричном сочетании большого восьмиугольного в плане вестибюля, перекрытого высоким и нарядным куполом примкнувшего к нему высокого и обильно декорированного операционного зала. Однако своеобразное решение торцевой стены, заложенные в ней проемы указывают, что была построена только часть здания. Все здание должно было быть симметричным и купольный объем — находиться в центре композиции.

Во внутреннем пространственном и декоративном решении интерьера большого и двусветного зала активную роль играют прямоугольные и круглые окна со сложными переплетами, декоративные рельефные вставки, гирлянды, бронзовые накладки. Полы выложены мозаичными плитками, и богатый деревянный, кессонированный потолок завершает его убранство.

Обильное применение во внешнем декоре орнаментально-растительных рисунков и деталей классической архитектуры,

а также металлических решеток и декоративных мраморных ваз и других деталей, присущих модерну, свидетельствует о некоторой перегруженности декора здания, что, видимо, связано с его частно-предпринимательским характером.

Особняков частных предпринимателей в Коканде было много, и несли они черты всех стилевых направлений, отмеченных в России в начале XX в.: и неорусской архитектуры, и модерна, и псевдобарокко, и классицизма. Причем, все они были построены примерно в одно время. Большинство из них было сосредоточено вблизи банков и перекрестка проспектов. На углу, друг против друга, находились особняки наиболее богатых торговцев хлопком Н. Х. Вадьяева и Р. Т. Патиляхова¹⁰. За ними, по Скобелевскому проспекту, друг против друга, расположились еще два дома братьев-купцов — дом Малая Симхаева и протяженный на целый квартал дом Лбо Симхаева¹¹. В архитектурном отношении оба малоинтересны.

Более примечательны на этой улице Общественное собрание и Управление Наманганской ж.-д. ветки. Последнее — солидное сооружение с полуциркулярными окнами — было построено инженером-путейцем А. Н. Ковалевским¹².

Значительно интереснее особняки в конце Розенбаховского проспекта. Первая в ряду этих построек — контора чаеразвсочной фабрики бр. Высоцких¹³, затем особняки А. И. Зигеля и бр. Крафт, построенные в 1903 г. архитектором В. С. Гейнцельманом, и здание Коммерческого училища, построенное в 1907 г. И. А. Маркевичем¹⁴.

На соседней озелененной Банковской улице (ныне К. Либкнехта) среди домов

мелкой буржуазии сохранились очень интересные особняки бр. Мандалака, а за Романовским (ныне им. Набиева) сквером располагался немецкий квартал, где выделялся особняк С. А. Кнабе (архитектор И. А. Маркевич).

Жилой дом бр. Вадьяевых — наиболее крупное среди особняков здание. Построенное в 1907 г. на углу Скобелевского и Розенбаховского проспектов по проекту Г. М. Сваричевского, оно имело и своеобразную планировку и композицию¹⁵. В плане здание П-образной формы, внутри проходной коридор, связывавший все многочисленные большие и мелкие помещения, включая и два вестибюля. По трем сторонам дворового пространства проходила колонная галерея, превращаясь посередине в широкую и просторную террасу с двумя лестницами, ведущими во двор. Планировка дома несколько суховата и безразлична; очевидно, для жилья он оказался не очень удобным и потому вскоре был сдан в аренду Московско-учетному и Сибирско-торговому банкам.

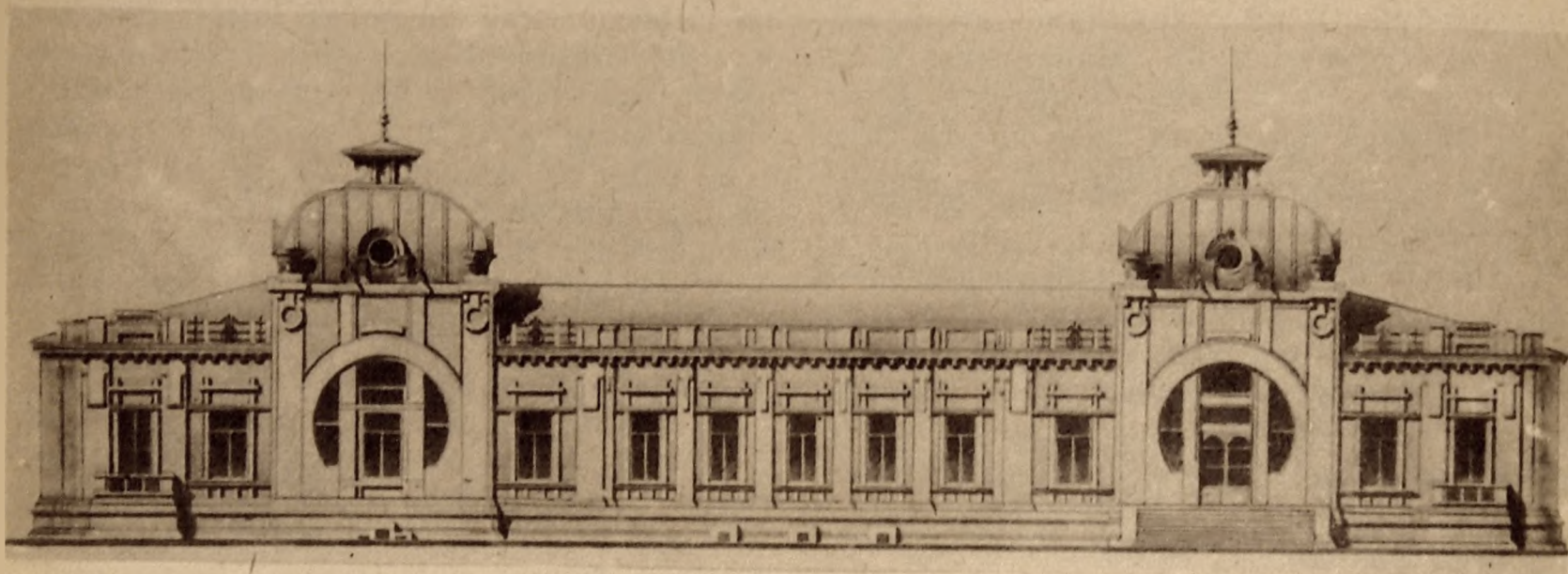
Оба фасада здания решены симметрично. По Розенбаховскому проспекту центр подчеркнут возвышенным объемом с металлическим куполом сложного профиля и декоративными окнами-люкарнами по осям. Фасадная плоскость купольного объема подчеркнута круглым окном с вписанной в него дверью. Боковые крылья заполнены ритмом вытянутых окон в приятных наличниках, а по краям закреплены плоскими, но более усложненными по рисунку ризалитами. Верх боковых крыльев венчает решетчатый парапет, заполненный кованными металлическими решетками простого, но приятного рисунка.

Более протяженный фасад, выходящий

на Скобелевский проспект, имеет два таких же повышенных объема с декоративными куполами и большими проемами, вписанными в круг на фасаде. Причем, если один из этих объемов функционально оправдан, так как здесь находится входной вестибюль, то другой имеет только значение элемента, уравнивающего общую объемную композицию.

Здание дома Н. Х. Вадьяева наглядно показывает своеобразное отношение его автора Г. М. Сваричевского к архитектуре начала XX в. Он применяет жженный кирпич, как основной материал внешнего убранства здания, декоративные купола прихотливого очертания, и большие круглой формы проемы. Это можно найти во многих постройках Г. М. Сваричевского в Ташкенте, в том числе и железнодорожных. Но особенно наглядно проявилось увлечение Г. М. Сваричевского в начале века модерном, что сказалось во всех элементах декора этого здания и, особенно рисунка металлической решетки, окружавшей фасад здания. Тонкая, очень изящная решетка с красивым рисунком деталей и изгибающихся элементов приятно воспринимается на контрастном фоне несколько сухой архитектуры здания.

Из построек В. С. Гейнцельмана наиболее интересен особняк бр. Крафт. Он состоит из двух идентичных по планировке и внешней архитектуре частей, расположенных одна относительно другой в зеркальном отображении. Широкий проход между этими частями решен в виде большого портала с прямолинейным завершением и фланкированного двумя крупными и пластическими по формам башнями. Портал объединяет обе части дома в единую цельную композицию. Применение

декоративных башенок и овальной формы декоративных фронтонов довольно типично для В. С. Рейнцельмана. В то же время, используя во внешнем декоре штукатурные отливки (в творчестве В. С. Рейнцельмана это встречается впервые), автор показал себя большим мастером тонкой, красивой формы.

Находившийся рядом дом А. И. Зигеля значительно скромнее по размерам и отделке. Над прямоугольным объемом первого этажа расположена мансарда, в которой люкарны прорезают наклонные поверхности крыши из металлической черепицы. Этот прием устройства мансардного этажа, довольно широко распространенный в городах Прибалтики, в среднеазиатском жилом доме встречается впервые.

Особняк С. А. Кнабе характерен применением очень тонких и изящных классических форм. Композиция здесь строится на применении четырехколонных портиков, акцентирующих расположенные под углом друг к другу фасады и расположение между ними круглой ротонды, не-

рекрытой куполом. Отдельные рельефные вставки, розетки, гирлянды, декоративная скульптура типа кариатид, изящные наличники окон очень способствуют обогащению этого интересного здания.

Формы классицизма в наиболее чистом виде проявились в ансамбле двух зданий бр. Мадалака, построенных в 1904 г. Каждое имело в основном схожую с четкой дифференциацией помещений планировку. Направо от входа была расположена группа парадно-приемных комнат: большая гостиная с альковом, столовая и обширная веранда сложного очертания. Слева — кабинет и группа спальных комнат. Длинный коридор связывал эти помещения с

75.

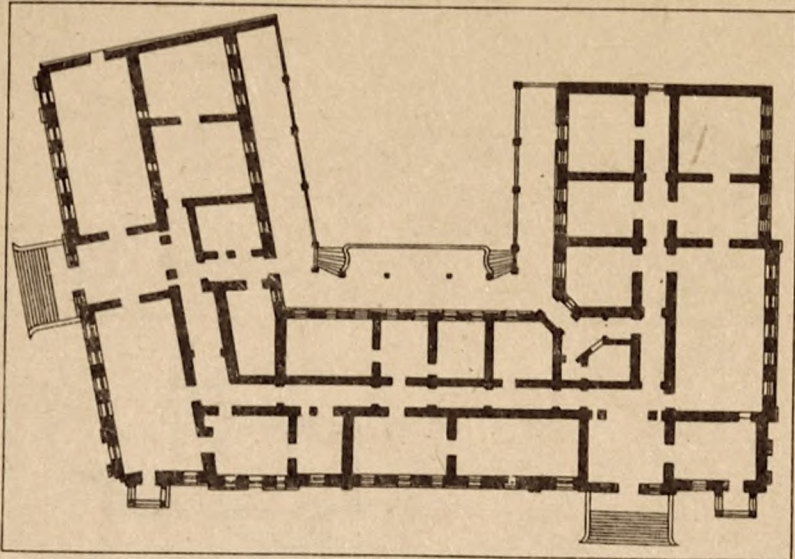
Жилой дом братьев Вадьяевых. Фасад.

76.

Жилой дом Вадьяевых. План.

77.

Жилой дом Вадьяевых. Фрагмент.

группой хозяйственных — кухней, ванной, туалетом, кладовой и комнатой прислуги. Из этого коридора узкая лестница вела в возвышавшуюся над домом беседку. На фасаде два антовых портика равных размеров (один из которых входной) связаны рядом дорических колонн очень приятных пропорций. На углу башня с упомянутой беседкой, решенной в ионическом ордере. Зооморфные барельефы, акротерии, розетки, вазы и другие элементы декора заимствованы из атрибуции греческих храмов, и придают всему комплексу определенную стилистическую цельность.

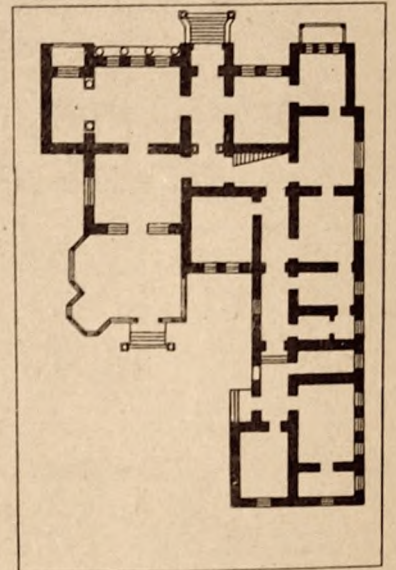
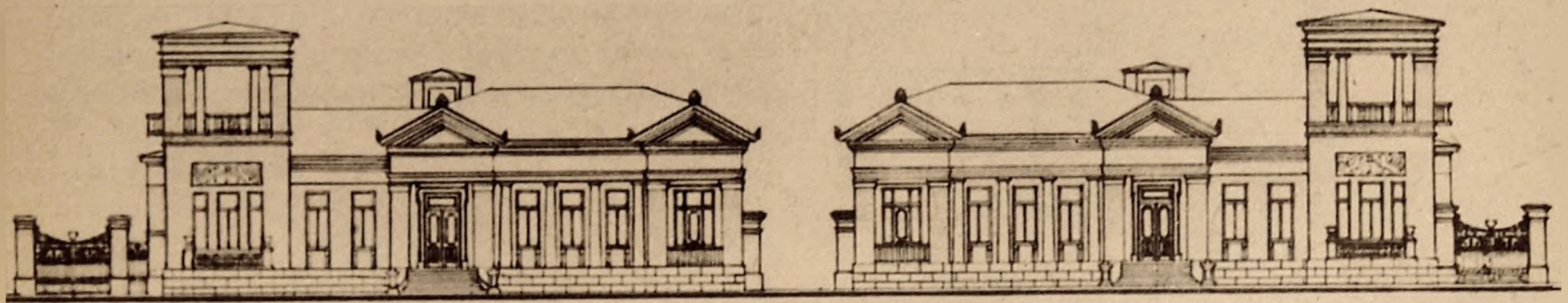
Характерно для колониальной архитектуры Коканда — она хорошо сохранилась и сегодня. Даже внутреннее пространство построек мало затронули ремонты и реконструкции.

И хотя рядовая жилая застройка очень уплотнена и стилистически не поднимается выше обычных провинциальных решений, в ней часто можно найти много очень интересных деталей. Хорошее озеленение и ирригация улиц, высокое качество строительных работ, образцы высокой архитектуры в отдельных зданиях делали город по своему красивым и уютным. В этом, очевидно, немалая заслуга городских архитекторов М. Ф. Мауэра и К. А. Хачатурова.

Новый Маргелан

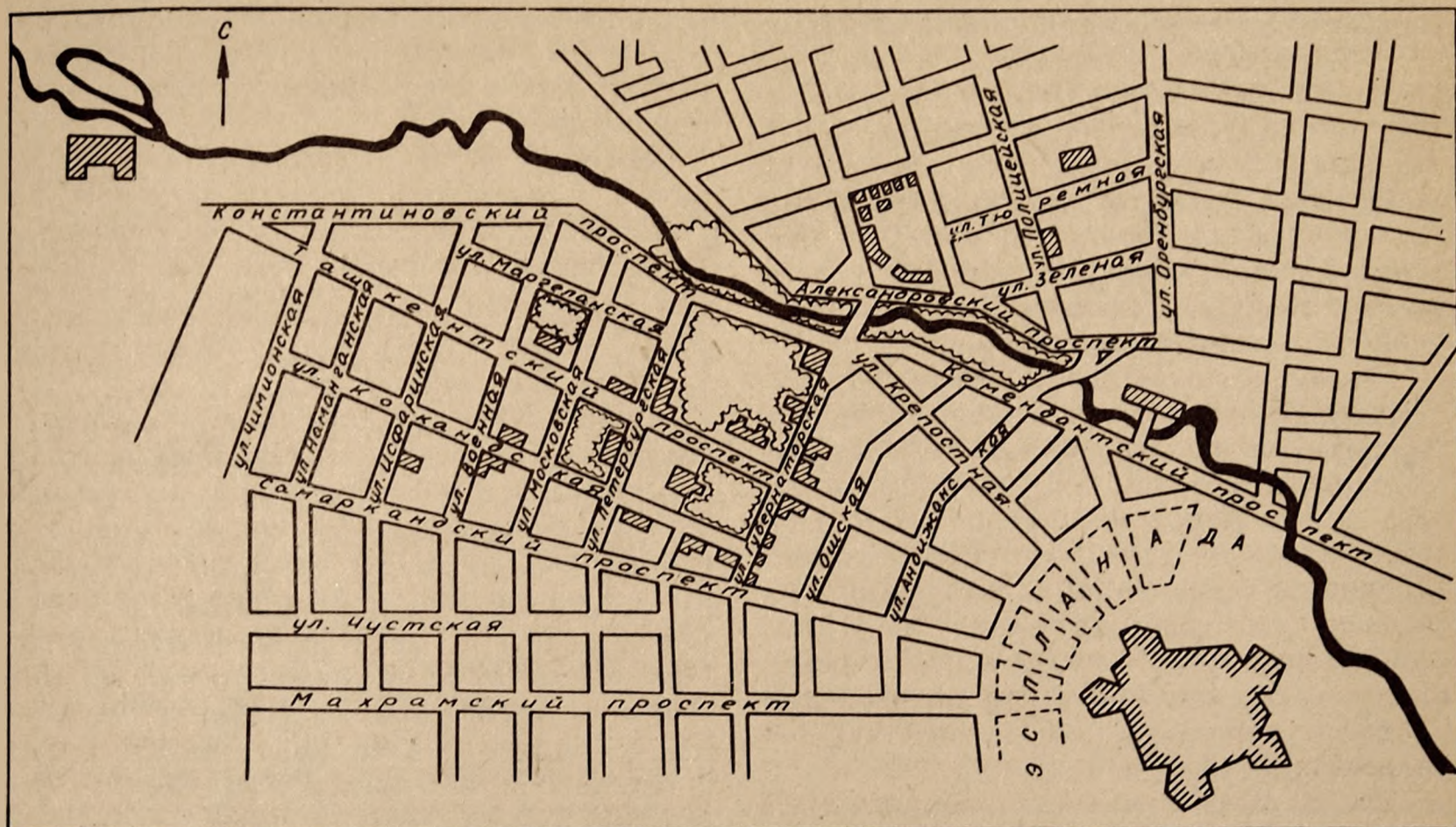
В 1876 г. восстание, руководимое претендентом на кокандский престол Пулатханом, закончилось ликвидацией Кокандского ханства и образованием Ферганской области, вошедшей в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

В фондах Государственного историчес-

кого архива Узбекистана сохранилось собственноручное письмо командующего русским экспедиционным отрядом и первого военного губернатора вновь образованной области М. Д. Скобелева главному начальнику края Кауфману, в котором, среди различных сведений военного порядка, высказывались соображения об организации нового областного центра. Отмечая, что бывшая столица ханства Коканд — город большой, плотно застроенный и в то же время очень ветреный и пыльный, и что проведенные здесь лабораторные анализы

воды и воздуха дали неблагоприятные результаты, предлагалось разместить новое крупное поселение в другом, более подходящем месте. Предположительно указывались для этой цели¹⁶ окрестности Ассак или Маргелан. Очевидно, эти соображения были приняты во внимание, и вскоре началось строительство Нового Маргелана,¹⁷ куда уже 27 апреля 1877 г. были официально переведены из Коканда областные учреждения. Коканд превратился в уездный город, постоянно имевший достаточно сильный гарнизон, чтобы обеспечить

господство новой власти в этом очаге концентрации реакционных мусульманских и феодальных сил.

Новый город разместился на значительном расстоянии от старого Маргелана, выше по руслу речки Маргелан-сай, которая и была основным источником его водоснабжения. Новый Маргелан разместился на относительно свободных землях в окружении кишлаков Ок-арык, Шакир, Янги-сай, Биш-бала, Чим, Яр-мазар, Шура, но близкое соседство с этими кишлаками несколько не повлияло на структуру города и его распланировку. Город был построен на той же планировочной структуре, что и другие новые города, возникшие на окраине старых и ранее завоеван-

ных. Здесь принята та же веерная радиально-кольцевая система, что и в Самарканде. И если в непосредственной близости с Новым Маргеланом не было завоеванного города, учитывалось, что город строится во вновь завоеванной стране, и функции обороны были основным градоформирующим условием. Так же, как в других городах, центром планировочной структуры города была крепость, от которой веером расходились улицы¹⁸.

Крепость находилась на южной окраине, на самом возвышенном месте, и от

города была отделена широкой эспланадой. Обнесенная крепостными стенами, она имела в плане форму неправильного пятигранника с пятью выносными бастионами. Причем, три бастиона находились на юго-востоке крепости и были направлены в сторону подходящих дорог, и два бастиона располагались на северо-западной стороне, беря под защиту своей артиллерией находящийся здесь город.

По направлению к этим бастионам были разбиты основные радиальные проспекты. Правильность радиально-кольцевой планировки несколько нарушал проходивший почти через весь город Маргеланский. Но в то же время это способствовало обильному озеленению поймы реки. На север от цитадели, на краю города возникла дача военного губернатора, а затем, вниз по саю, длинной узкой полосой разместился городской сад общественного пользования.

Новый Маргелан, безусловно, имел все недостатки, присущие другим городам Средней Азии. В нем до революции не было водопровода и канализации. На первых порах были недостаточно благоустроены улицы. Только в 1909 г. городская хозяйственная управа приняла решение о засыпке шагалом* основных улиц и базаров города¹⁹, а до этого времени на основной территории города не было улиц с твердым покрытием.

На облик города влияло и то, что он был расположен в стороне от основной железной дороги и не стал центром торговой и промышленной деятельности, уступив эту роль Коканду. Небольшая желез-

нодорожная ветка, подходившая к окраине города от станции Горчаково, заканчивалась только станционными и складскими помещениями.

В городе не было развитой капиталистической промышленности, а следовательно, и сопутствующих ей рабочих окраин. Предприятия, которые уже действовали (пивоваренный завод, грень-завод и др.), были невелики и абсолютно не влияли на характер застройки города.

Новый Маргелан был военно-административным центром области. Военный характер города подчеркивался не только крепостью и подчиненной ей системой планировки, но и наличием военных частей и учреждений в структуре жилой застройки. Военный госпиталь и отдельные воинские части располагались по Махрамскому проспекту, вдоль всей южной границы города. На востоке располагались летние постройки для пехотных частей. Размещение военных частей на границах города усиливало его фортификационные свойства. Следует, однако, отметить, что здесь постепенно сложился город, отличавшийся от других своим простором, большой шириной улиц и проспектов, великоленным озеленением бульваров. И даже в центральных кварталах город не имел такой скученности жилой застройки, как в Ташкенте, Самарканде и других городах. Занимая достаточно большую площадь, Новый Маргелан имел значительно меньшее население, чем другие города Ферганской долины. По данным переписи 1897 г., в старом Маргелане было 36592 человека, Андижане — 46680, Коканде — 82054, Намангане — 61906, Оше — 36474, в то время, как в столице области всего 8977 человек²⁰. К 1912 г. количество жителей достигло только 12000 человек²¹. Даже теперь,

* Шагал — местное название естественной смеси песка и гравия.

когда население значительно выросло и застройка города стала плотнее, в центральных кварталах часто встречаются особняки, к которым примыкают обширные участки и которые соединены друг с другом забором.

Утвержденные в 1879 г. «Правила об устройстве областного города Ферганской области», обращали внимание на внешний облик и конструктивную прочность зданий. Так, в правилах указывается, что «по выбору участка проситель представляет в двух экземплярах план и фасад предполагаемой постройки. Выбор фасадов представляется каждому желающему строиться с тем, чтобы фасады соответствовали условиям архитектурной правильности и благоустройства, а также прочности и безопасности. Лучшие из участков предоставляются тем обывателям, которые действительно предполагают построить на них значительные здания»²². Очевидно, последний пункт был вызван чисто социальными моментами и способствовал сосредоточению в центре города наиболее зажиточных людей. Однако это привело к тому, что жилищная застройка в кварталах, тяготеющих к крепости, приобрела достаточно приятный облик и организованный характер. Господствовала здесь и усадебная застройка небольшими одноэтажными особняками.

Внешняя архитектура этих домов довольно скромна: очень редко встретишь, чтобы стремление к пышности во внешней отделке зданий сочеталось с провинциальной примитивностью в выполнении и прорисовке деталей, орнаментов. Обычно детали домов — карнизы, наличники, пилястры, фронтоны — прорисованы аккуратно, со вкусом, и по стилю близки многим более крупным зданиям общественного на-

значения. Это придает облику жилой застройки улиц города определенную стилевую цельность, чему способствовала штукатурка домов с традиционным выявлением активных элементов — белых пилястр, наличников, карнизов на цветном фоне стены.

В Новом Маргелане почти нет жилых домов с фасадными поверхностями, облицованными жженым кирпичом. Вообще зданий, выполненных в «кирпичном стиле», очень мало — это мужская гимназия, грек-завод и церковь Александра Невского. В то время как в других городах очень часто фасады жилых зданий (даже сырцовых) были облицованы и орнаментированы жженым кирпичом, а в жилой застройке Новой Бухары (Кагана) жженный кирпич, как декоративный материал, был обязательным для всех более или менее порядочных жилых домов.

Другая характерная особенность структуры города, отличающая его от Ташкента или Самарканда, — достаточно четкое выделение его общественного и административного центра. И если центр недостаточно выявлен системой планировки, он наглядно подчеркнут концентрацией основных и наиболее крупных сооружений в центре жилой застройки. Этот центр фиксируется пересечением центрального Абрамовского проспекта (ныне улица Карла Маркса) и Губернаторской улицы (ныне улица Ленина). Он складывался постепенно, поэтому постройки, составляющие его, разнообразны — рядом со старыми одноэтажными зданиями (Областного правления, Штаба войск, Инженерной дистанции, Поллицейского управления, торговых зданий, Уездного управления, дома помощника военного губернатора) находились и более монументальные (собора, мужской гимна-

зии, губернаторского дома и несколько в стороне, на Абрамовском проспекте — Военного собрания).

Здание Военного собрания — одно из наиболее старых в городе. Проект его был составлен поручиком-сапером Синклером в 1877 г.²³ Судя по имеющимся на фасаде датам, оно построено в 1878 — 1879 гг. Появление новых функций, присущих нашему времени, вызывало и внутренние перестройки (кинозал) и пристройки снаружи. К левому крылу была пристроена двухэтажная часть, выполненная в тех же формах и деталях, что и первоначальное здание и потому не смотрится как нечто чуждое. Но она искажила первоначальную архитектурную композицию, построенную на принципах строгой симметрии.

Центр композиции здания — одноэтажный, несколько повышенный за счет аттика объем с выступающей вперед граненой полуротондой, где ранее были парадные входы в здание. В этой части здания сосредоточены наиболее крупные и парадные помещения.

Как отмечали в свое время очевидцы, «Ново-Маргеланское Военное собрание помещается в великолепном обширном здании, построенном в 1878 г. специально для этих целей. В нем танцевальные и столовые залы в два света таких размеров, что свободно могут поместить в себе все маргеланское общество»²⁴. К центральному объему примыкали более низкие крылья, фланкированные двухэтажными элементами с треугольными фронтонами. Находящиеся здесь входы в служебные помещения были раньше подчеркнуты козырьками на тонких металлических колонках.

Решенное в довольно приятных по рисунку формам, к тому же выполненных

очень тщательно, здание еще и сейчас производит хорошее впечатление. Этому способствует и его удачное расположение в стороне от тротуара, на фоне деревьев парка.

Другое еще более примечательное — здание б. Военного губернатора области. Оно в самом центре города, напротив церковной площади; располагалось в стороне от тротуара, за металлической решеткой. К нему примыкал большой и красивый парк с аллеями, обсаженными декоративными деревьями, с водоемом и интересными входными воротами.

Здание Военного губернатора Ферганской области ныне приспособлено для нужд областного драматического театра; снаружи оно полностью сохранило старый облик. В свое время это было самое представительное здание из построек подобного назначения в Туркестане. Его начали строить в 1879 г. и закончили только в девяностых годах²⁵. Это двухэтажное строение симметричной композиции, с двумя парадными подъездами по бокам главного корпуса. На первом этаже располагались парадные приемные помещения, на втором — жилые интимные комнаты. Левый вход вел в группу больших парадных помещений, предназначенных для больших приемов. Удлиненный аван-зал связывал между собой зимний сад, библиотеку, бильярдную с большим двусветным банкетным залом с большой столовой и оркестром. В правой стороне дома находились помещения для частных и деловых встреч — кабинет, гостиная, малая столовая, буфет и проч. Причем, помещения обеих групп были связаны между собой, а помещения, лежащие вдоль главного фасада, были соединены в единую парадную анфиладу.

Архитектура фасада, безусловно, эклек-

тична и перенасыщена разнообразными и несколько чуждыми друг другу формами. Но хорошее качество выполнения и единство цветового решения сообщают этому зданию нарядность и живописность. Особенно запоминается в архитектуре фасада мотив белой аркады, опирающейся на пристенные устои своеобразного рисунка. Стрельчатая форма аркады и окон второго этажа, как основной прием выявления центрального объема здания в новой архитектуре XIX в., — прием редкий, и является, очевидно, попыткой автора связать новое здание, несущее черты русского стиля, с традиционными формами местной монументальной архитектуры.

Документальные свидетельства называют строителем этого здания И. А. Леханова²⁶ — опытного и талантливого архитектора, построившего здание Контрольной палаты в Ташкенте, запроектировавшего очень интересное здание каравансарая на Ташкентской ярмарке и дом Военного губернатора Сырдарьинской области. Проекты эти, однако, не были осуществлены в связи с переходом И. А. Леханова в 1878 г. на должность Ферганского областного инженера²⁷, где до 1897 г. он возглавлял строительство нового города. Судя по стилистическим особенностям, И. А. Леханов построил дом губернатора Ферганской области по своему проекту, и не исключено, что этот проект предполагался ранее для Ташкента. Вполне возможно, что этот талантливый инженер, по примеру других себе подобных, не ограничивался административной деятельностью, и многие здания восьмидесятых годов возводились при его участии. Очевидно, это и было причиной стилистического единства, характерного для застройки

Нового Маргелана, о которой говорилось выше.

Общественно-административный центр города был акцентирован находящимся на обширной площади зданием собора Александра Невского, заложенным в 1890 г. по проекту архитектора И. С. Китнера²⁸. Это массивное здание было выполнено в традиционных для той эпохи псевдовизантийских формах и построено очень прочно. Центральный объем был перекрыт полукруглым куполом на приземистом барабане, прорезанным арочными окнами. Снизу подкупольный квадрат фланкировали четыре полубарабана с полукуполами. Алтарная абсида была перекрыта небольшим сводиком. В общем композиция собора строго центрична и фланкирующие центральный купол объемы как снаружи собора, так и внутри подчеркивали ведущее значение главного купола. Колокольня впереди здания была так же приземиста и выполнена в тех же формах. Узкие арочные окна, плоские сферические купола, сдвоенные приземистые полуколонны с кубическими капителями и другие детали внешней отделки обычны и характерны для этого стиливого направления в архитектуре крупных церковных зданий второй половины XIX в.

В 1908 г. в сквере, примыкавшем к церковной площади, был поставлен монумент основателю города М. Д. Скобелеву. Памятник работы скульптора А. А. Обера представлял собой мраморную триумфальную колонну римско-дорического ордера хороших пропорций с тонко выполненными деталями, увенчанную бронзовым бюстом. Колонна была установлена на трехступенчатом пьедестале, где была вмонтирована и доска с соответствующей надписью.

Против соборной площади, как бы замыкая ее с западной стороны, в это же время было построено монументальное здание мужской гимназии. Здание было специально запроектировано для этих целей Г. М. Сваричевским в 1900 г. 28 апреля 1902 г. состоялась закладка здания²⁹, и в том же году проект был повторен для нужд женской гимназии в Самарканде, а затем в Чарджоу.

Здание, которое до сих пор сохранило близкое по функциям назначение и старый облик, выглядит как солидное и очень прочное³⁰. Некогда в нем, помимо учебных помещений, располагались пансион и квартира директора. Строго симметричное здание, возвышенный центр подчеркивался на фасаде полуциркулярными ок-

нами. Во внешнем облике наглядно видна присущая Г. М. Сваричевскому любовь к модерну в его «кирпичном варианте», причем здесь, очевидно, для придания большей представительности, архитектура несколько схематична, его формы укрупнены. Так же несколько схематична и металлическая решетка, окружающая некогда большую территорию внутреннего двора.

Несмотря на эти характерные стилистические черты, здание выделяется в старой городской застройке как одно из лучших в городе. В солидности и монументальности другие здания учебного назначения значительно ему проигрывают, в том числе бывшая прогимназия на б. Кокандской улице.

Первоначально это было здание цен-

82.

Военное собрание.

83.

Здание ферганского областного губернатора.

84.

Мужская гимназия.

85.

Старый кинотеатр

тральной осевой композиции, в котором центр был выявлен выступающим граненым объемом с большим оконным проемом посередине. Но архитектурные акценты были на боковых ризалитах, где размещались входы в здание. Глубокие входные ниши фланкировались прихотливыми колонками и антами, поддерживавшими, в свою очередь, треугольный фронтон. Вестибюли за входами снаружи были выявлены декоративными куполами (ныне не сохранившимися). Пристроенный позднее двухсветный гимназический зал, хотя снаружи и выполненный в общих по стилю архитектурных формах, все же (как и в случае с домом Военного собрания) нарушил симметричность композиции.

Здание женской гимназии значительно меньше здания Военного собрания, но они построены по одному композиционному замыслу и в близких архитектурных формах. То есть, определяются черты стилистической близости, которая так характерна для этого города. Особенно это заметно на зданиях, построенных в одно время. Так, одноэтажное здание женского Мариинского училища (построенное до 1890 г.) очень близко по прорисовке карнизных элементов, наличников окон и других деталей губернаторскому дому.

Это большое в плане здание, лежащее на углу двух улиц. Главный фасад в центре акцентирован трехарочным портиком с большим фронтоном. Боковой фасад оформлен метрическим рядом окон, обрамленных приятными по пропорциям и рисунку наличниками с сандриками.

Здания торгового назначения были очень простыми и одноэтажными. Они располагались вдоль Губернаторской улицы, занимая небольшой отрезок напротив губернаторского сада. Наиболее крупные сре-

ди них — универсальный магазин С. А. Гордона. Он располагался на углу двух улиц и представлял собой систему сомкнутых торговых залов, в которые вели большие круглые остекленные входы с вкомпонованными в них прямоугольными дверями. В ряду торговых сооружений находился и интересный по архитектуре, но несколько примитивный в техническом отношении кинотеатр. Стремление выразить на фасаде необычность, сказочность, которые усматривались в этом новом тогда виде искусства, привело к введению двух угловых башен, увенчанных высокими островерхими шатрами. Причудливые обрамления проемов и декоративные рельефные панно сообщали этому единственному дошедшему до наших дней кинотеатру, построенному в начале века, необычный и запоминающийся облик.

Другой очень интересный памятник торговых сооружений конца XIX в. — комплексе навильонов Воскресенского рынка. Построенный в девяностых годах прошлого века, он — единственное старое рыночное сооружение, дошедшее до нас, да и то с большими искажениями.

Изменение характера торговли и развитие ее привели к появлению на территории рынка новых навильонов, а некоторые старые были существенно перестроены. Однако сохранившиеся постройки и старые фотографии свидетельствуют о том, что в свое время здесь был очень интересный и своеобразный ансамбль.

Вход на рыночную площадь фланкировался двумя изломанными в плане корпусами. Они были приподняты на высоких платформах, снаружи выложенных тремя рядами светло-желтого известняка, обработанного под руст. Средний возвышенный объем был окружен по периметру

деревянными галереями. Сдвоенные стойки из круглых стволов, сохранявших свою деревянную фактуру, и прикрепленные к ним подкосы несли плоское деревянное покрытие. Эти галереи защищали находящихся здесь людей от непогоды, а проемы лавок — от прямых лучей солнца.

Для своего времени эти навильоны были, очевидно, функционально удобны. Их внутреннее пространство было разбито на отдельные просторные проходные отсеки, хорошо проветриваемые через верхние окна. Галерея служила хорошим средством связи между отдельными отсеками-лавками.

В глубине рыночной площади располагалась система квадратных и прямоугольных в плане, отдельно стоящих навильонов на невысоких цоколях и состоящих из одного или двух просторных помещений-лавок. Эти навильоны имели во все стороны очень большие выносные деревянные карнизы, несущие скатную кровлю. Подшитые снизу досками и поддерживаемые по всем сторонам круглыми в сечении подкосами, карнизы сообщали всей системе навильонов совершенно необычный вид. Ничего подобного нельзя встретить ни в архитектуре России, ни в местной традиционной архитектуре. Вся архитектура Воскресенского рынка, с его открытыми деревянными карнизами и галереями, с системой навильонной застройки, неслла черты Восточного Туркестана. Очевидно, восточное влияние, которое характерно для жилой традиционной застройки Ферганской долины, в данном случае проявились и в новой застройке европейского типа.

Наманган

Наманган в конце XIX — начале XX вв. — небольшой по значению уездный город. Но до присоединения и позднее старый Наманган — это второй по количеству населения город Ферганской долины. Все это определило и структуру города, особенность его застройки и внешний архитектурный облик.

Новая часть города, относительно старого, была небольшим поселением. Оно возникло на северной стороне старого города, как бы подключившись к его центральной торговой части. Как стало типичным при строительстве нового города в непосредственном соседстве со старым, их разделяла крепость. От нее веером расходилось пять радиальных улиц, связанных четырьмя кольцевыми проездами. В северо-восточном углу нового города, за пределами его селитьбы, возникли больница и тюрьма. Первоначально они были на свободных землях, но в начале XX в. их окружили жилые дома: с приходом в Наманган железной дороги эта часть города стала развиваться, появилось несколько жилых кварталов.

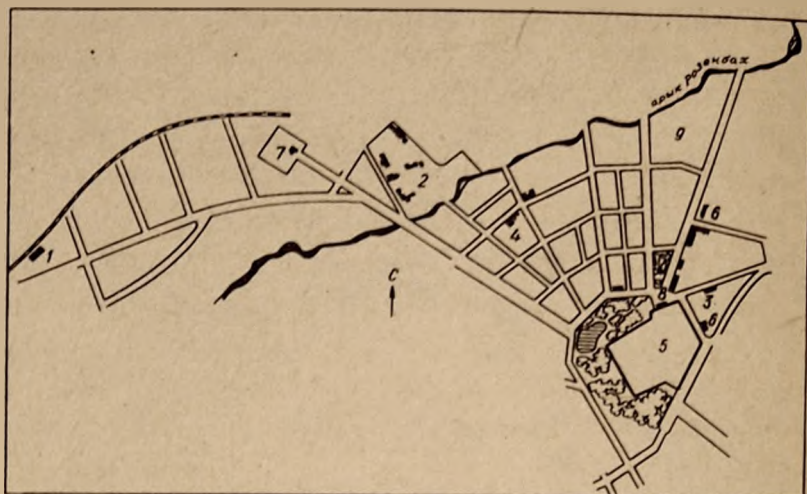
Жилая застройка нового Намангана была довольно проста и безлика: по существу здесь нет жилых домов, которые могли бы обратить на себя внимание.

Определенная особенность планировочной структуры города, отличная от других городов, — единый центр, где сосредоточены все основные функции центров нового города — военные, административные, культовые, торговые и даже развлекательные. Так, крепостная эспланада вскоре была превращена в городской сад с искусственным озером, около которого стали возникать летние ресторанчики, карусели и пр.

Против северо-восточного угла цитадели, на небольшой площади, среди чинар, находилась церковь, вблизи которой располагались помещения штаба гарнизона, уездного управления. На восточной окраине, примыкая к торговой части старого города, стали строить магазины и здания коммерческих банков. Хотя архитектура некоторых зданий и претендовала на оригинальность, они все же несли черты явного провинциализма и примитивности. Среди них может быть отмечено только здание Русско-Азиатского банка, где сделана попытка включить в архитектуру современного здания, построенного с применением каркаса, металла и железобетона, элементы традиционной местной архитектуры: декоративные куполки, стрельчатые арки и пр.

На фоне довольно серой европейской архитектуры Намангана очень хорошее впечатление производили некоторые культовые постройки старого города, воздвигнутые в начале XX в. Это — мечеть Раджаббая, медресе Мулло-Кыргыз и др. Все они выполнены в близких друг другу формах из жженого кирпича европейского формата, очень аккуратно и прочно. Большие пролеты куполов, основанные на традиционной конструкции арочных парусов, хороших пропорций здания и их частей, общие закономерности композиционного решения — все здесь свидетельствует о больших способностях и навыке мастера — автора этих построек.

Особенно интересно медресе Мулло-Кыргыз. Мастер, создавший его, отошел от каноничной симметрии и создал новое, асимметричное здание, в котором живописно соединяются в единую композицию разновеликие и разные по формам объе-

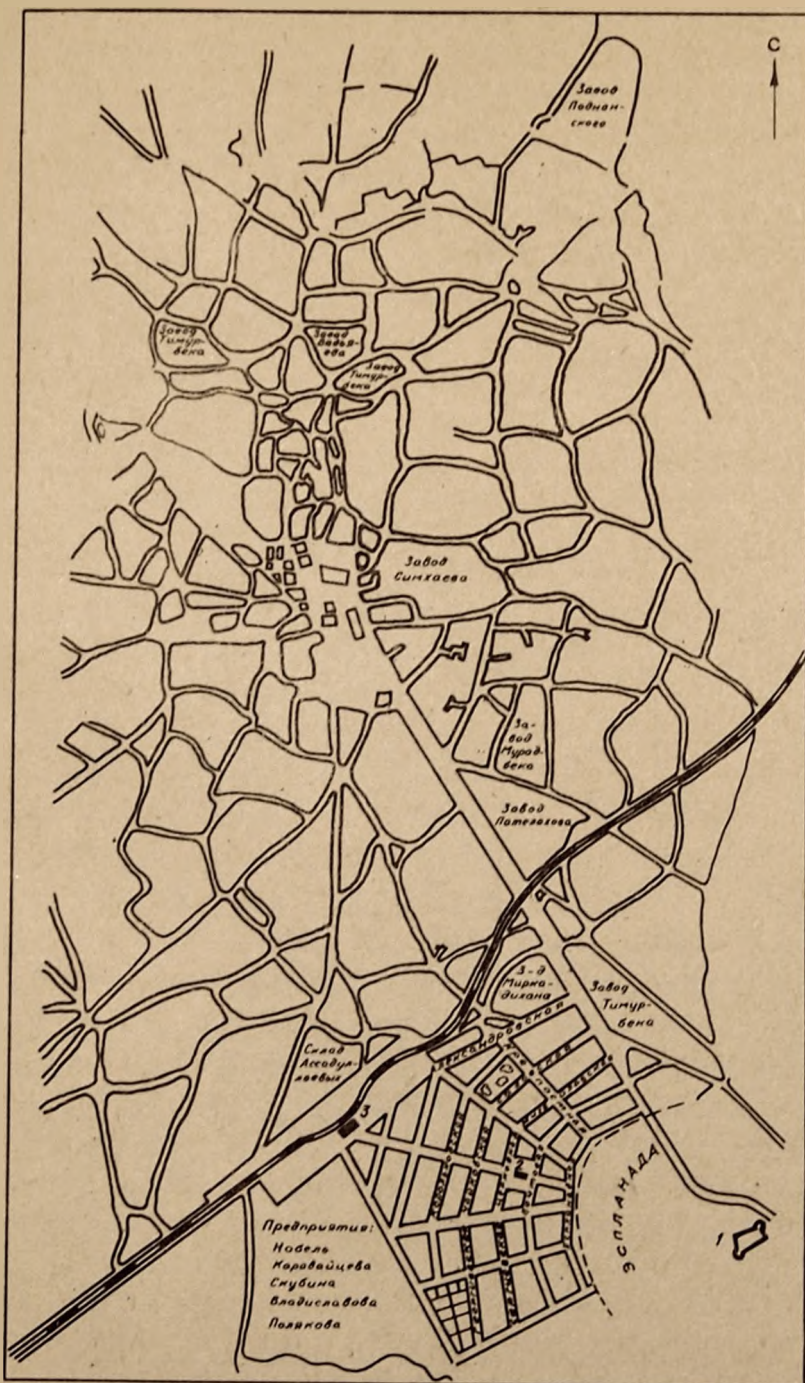

мы — входной портал с проходным помещением, центричное помещение с высоким куполом, объемы, образующиеся сомкнутыми комнатами для студентов (худжрами). И при всем том, в здании применены большие светлые окна в обычных переплетах, филенчатые двери и другие детали, свидетельствующие об активном внедрении в традиционную архитектуру новых, европейских приемов и форм.

Андижан

Андижан — наиболее крупный населенный пункт восточной Ферганы. В XV в. был столицей небольшого государства и связан с именем последнего тимуридского правителя Захираддина Бабура. В XIX в. Андижан входил в состав Кокандского ханства и был вторым после столицы городом Ферганской долины.

После ликвидации Кокандского ханства в 1877 г. здесь также начало воз-

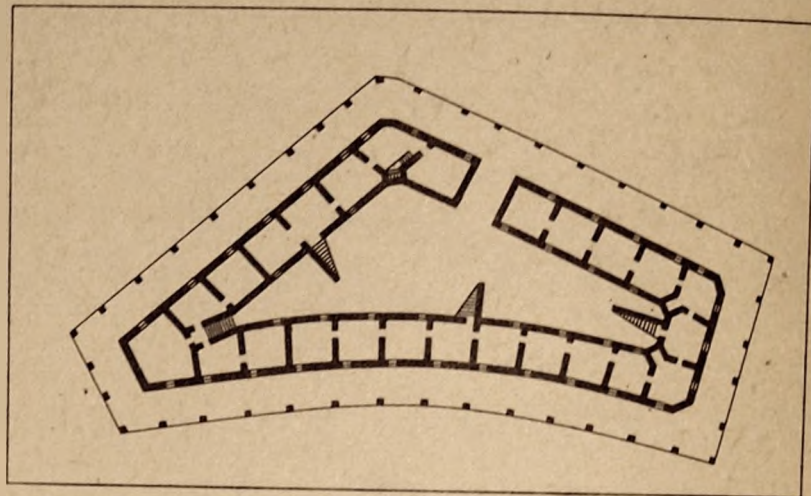

87.
Схема планировки Андиджана: 1. крепость, 2. церковь, 3. вокзал.

никать русское поселение. В 1902 г. город был сильно разрушен землетрясением, поэтому большинство построек, оставшихся от дореволюционного времени, относятся к началу XX века. В это время Андиджан начинает становиться важным пунктом капиталистической промышленности, особенно хлопкоперерабатывающей. Все это сказывалось на архитектурном облике как новой, так и старой частей города. Новая часть возникла на южной окраине старого за пределами бывшей крепостной стены и по территории была значительно меньшей. Большая и широкая улица, идущая из центра старого города на юго-восток, подходила к новой военной крепости. Эта крепость (также, как в Намангане, Новом Маргелане) была центром радиально-кольцевой планировочной композиции нового города. Новая селитебная территория разместилась на запад от крепости, примыкая к упомянутой магистрали.

Семь радиальных проспектов и шесть кольцевых магистралей организовали застройку города, образуя разновеликие жилые кварталы³¹ трапециевидной формы. На первых порах жилищная застройка из чисто фортификационных соображений была отделена от крепости незастроенным пространством широкой эспланады, где все же позже начали возникать различные постройки.

Андиджан принадлежал к тем редким в практике местного строительства городам, где уже в проекте был заложен планировочный и общественно-деловой центр, и в процессе застройки города этот центр был четко выявлен. Он совпадал с центральным радиусом, имеющим направление восток-запад и четко делящим всю городскую территорию на две равные части. Эта магистраль начиналась от небольшой при-

вокзальной площади³² и направлялась на восток в сторону крепости. Она доходила до Эспланадной улицы, но в верхней части расширялась, образуя небольшую озелененную площадь, где по оси располагалась городская церковь. На основном отрезке улицы от вокзала до церкви располагались торговые и банковские постройки. Это было основным и наиболее популярным местом посещения андижанцев.

В южной части Андижана была еще одна церковь, к которой примыкал небольшой сквер. В этом же квартале находилось и городское училище — крупное одноэтажное здание с большими светлыми классами, но довольно безликой архитектуры.

Из объектов общественного назначения, имеющих своеобразное градостроительное значение, можно назвать городской сад с небольшим зданием общественного собрания и городской библиотеки, а так же комплекс одноэтажных зданий городской больницы. Все это занимает два соседних квартала в северной части города.

Приход в Андижан железной дороги привел к активизации капиталистической промышленности и торговли. Вокруг по-

вого города начинали возникать капиталистические предприятия, в основном хлопкоочистительные заводы, а вдоль железной дороги склады различных торговых фирм³³. Здания частных фирм появляются и в глубине старого города. Из зданий торгового и банковского назначения можно назвать два двухэтажных, находившихся на углу улицы Мациевского и центрального Скобелевского проспекта (ныне ул. Ленина). Оба здания угловой композиции и выполнены в близких формах (разница была заметна только в деталях)³⁴. На первом этаже располагались крупные торговые помещения, имевшие как самостоятельные входы, так и связанные с главным входом на углах. Углы у зданий были подчеркнуты возвышающимися декоративными куполками, а также срезами с двухколонными портиками, один из которых имеет колонны в форме дыньки.

Расположение на углах квартала друг

88.

Гостиница в Андижане

89.

Гостиница в Андижане

напротив друга двух довольно крупных зданий, выполненных в близких архитектурных формах, имело градостроительное значение. Эти здания были как бы пропилеями, оформляющими со стороны вокзальной площади центральный проспект. Вместе с просматривавшейся между ними церковью они создавали единый пространственный ансамбль центра города.

Из торговых зданий Андижана привлекает внимание здание в виде гостиного двора, построенное в предреволюционные годы на центральной торговой площади старого города. Сюда со всех сторон сходились радиальные улицы этого исторически возникшего и стихийно развивавшегося города.

Здание было одноэтажным и в плане имело форму неправильной трапеции. Внутри находился узкий и удлиненный двор, откуда три лестницы в разных местах спускались в глубокий подвал — место хранения товаров.

Торговые помещения по периметру были окружены галереей трехметровой ширины. Коробовые арки галереи покоились на тонких прямоугольных столбах и имели непостоянный пролет (мах — 4 м). Это придавало облику пассажа определенную живописность, которую усиливали расположенные на углах декоративные чешуйчатые куполки.

Купола имели в плане восьмигранную форму и были увенчаны навершиями в виде шара со шпильями. Такие же навершия, но несколько меньших размеров, находились над овальной формы декоративными окошками, оживлявшими округлые поверхности куполов. Применение необычной формы арочных галерей и декоративных куполов со своеобразными навершиями явно подчеркивает ипоземные веяния.

В искусствоведческой литературе подмечены в росписях потолков и карнизов мечетей Ферганы элементы живописного декора, характерного для искусства мусульманских городов Восточного Туркестана — Кашгара, Яркенда и пр. Изогнутые лестницы и ярусные крыши в несохранившемся караван-сарая в Андижане, а также широко распространенный прием трансформируемых летних помещений жилого дома (кашгарча) указывает на достаточно широкое проникновение восточно-туркестанских мотивов в ферганское народное зодчество. Однако наличие подобных форм в новой по содержанию и конструкциям архитектуре свидетельствует о новых включениях в распространенный в то время стиль эклектики в городах Восточной Ферганы.

Очень близок по стилю упомянутому гостиному двору один из капиталистических особняков, построенный в 1913 г.³⁵ Их роднят высокие чешуйчатые крыши и фигурные чердачные окна овальной формы. Есть здесь и декоративные фигурные фронтоны, подчеркивающие вход в здание или центр фасадной композиции и широко встречающиеся в архитектуре андижанского жилья.

Одноэтажная жилая застройка Андижана довольно проста и ординарна. Она несколько лучше по качеству, чем в Намангане, но здесь нет таких интересных особняков, как в Коканде. Жилая застройка менее плотная, чем в Ташкенте и Самарканде, но и нет такого простора, как в Новом Маргелане.

Нам кажется, что в Андижане, в основном застраивавшемся в начале XX века, наиболее наглядно видны попытки местных строителей создавать жилые дома,

устойчивые в зоне разрушительных землетрясений.

На первых порах это привело к строительству сборных брусчатых домов, доставлявшихся в разобранном виде из России. Оштукатуренные снаружи, с резными деревянными наличниками и карнизами, они появлялись довольно активно. Строили в городе и более прочные дома из жженого кирпича. В Андижане таких домов значительно больше, чем в любом другом городе этого региона. Из жженого кирпича строили не только маленькие особняки, но и небольшие доходные дома на несколько квартир.

На углу улиц Красноармейской (б. Эспланадной) и Ленина (б. Скобелевской) есть интересный дом, построенный из брусчатого каркаса с заполнением жженым кир-

пичом, фахверковая основа его была обнажена и воспринималась как активное декоративное средство. И хотя композиция дома, его архитектурные формы свидетельствуют о применении приемов индивидуального жилого строительства, характерного для северо-западных районов Европы, обращение к фахверку, как архитектурно-конструктивной основе жилого строительства, было явлением прогрессивным, перекликающимся с принципами конструирования традиционного узбекского городского жилища.

Таким образом, в относительно небольшом уездном городе Андижане, так же как и в других городах Ферганской долины, несмотря на их провинциальность, ясно видно стремление к учету различных природно-климатических факторов.

Каган, Бухара

В период, который мы затрагиваем в этой книге, существовали три самостоятельные топографические понятия:

Бухара — древний город, центр средневековой культуры, столица вассального от Российской империи эмирата;

Каган — старое бухарское поселение в шести верстах от Бухары, возле которого в 1887 г. прошла Закаспийская железная дорога и возникла одноименная крупная железнодорожная станция (ныне станция Бухара);

Новая Бухара (ныне Каган) — небольшой русский городок, возникший по другую сторону железной дороги, как пристанционный жилой поселок и как место нахождения Политического агентства, на которое были возложены функции представительства при эмире бухарском и надзора за соблюдением эмиром обязательств русскому правительству.

Железная дорога предопределила планировочную структуру Новой Бухары, где две вытянутые улицы членились поперечными и образовали регулярную прямоугольную систему, напоминающую планировку присырдарьинских городов.

Городок был застроен одноэтажными жилыми домиками, фасады которых часто выкладывались жженым кирпичом, фигурной кладкой, с развитыми наличниками и прихотливыми карнизами. Иногда дом был сырцовым, а отдельные элементы его подчеркивали фигурными фронтонами и парапетами из жженого кирпича.

Характерная особенность этих домов состояла в том, что у них не было скатных крыш — применялись плоские совмещенные покрытия местного типа. Очевидно, небольшое количество атмосферных осадков и хорошие теплоизоляционные качества таких крыш, их непрогреваемость

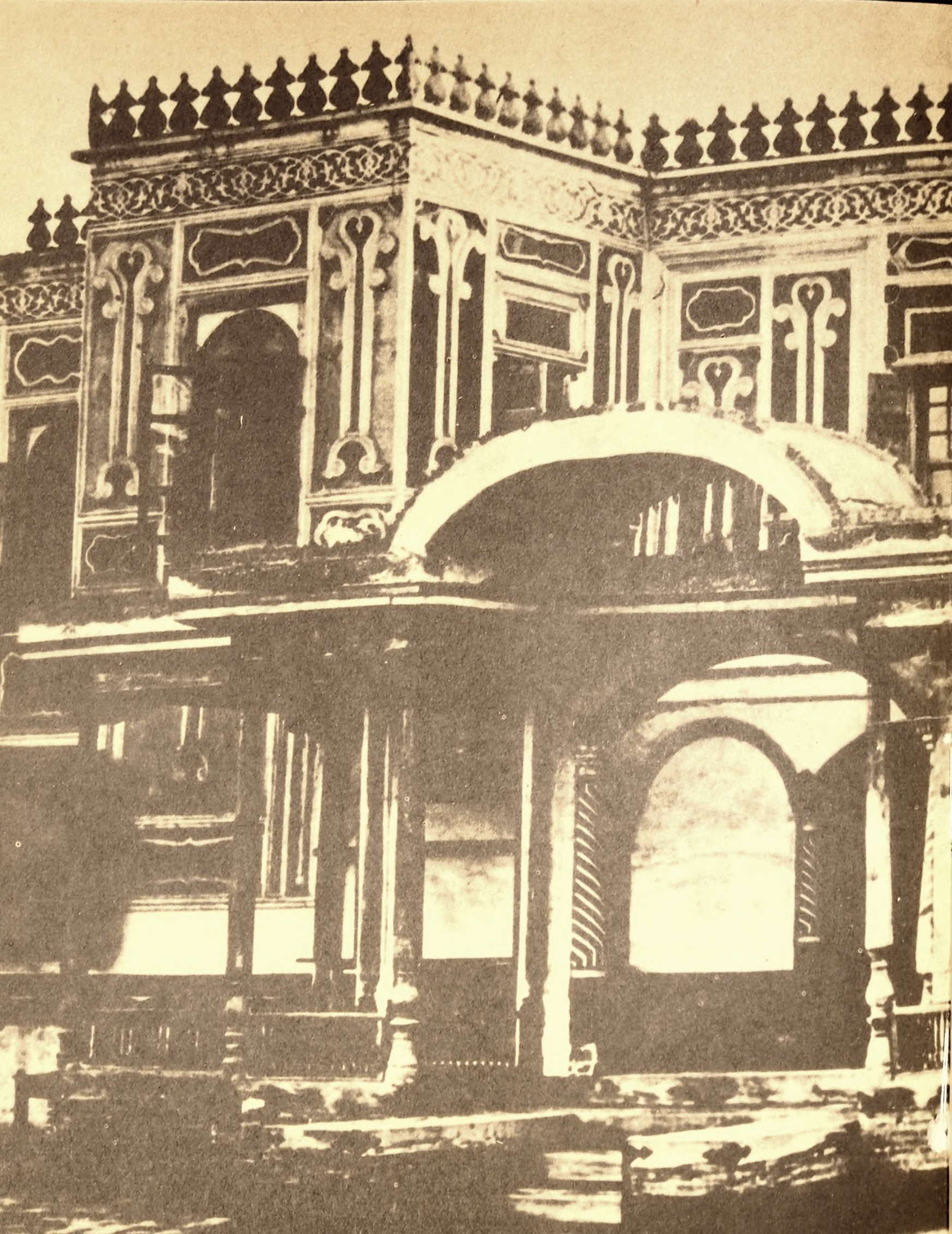
летом и определили отказ от чердачных крыш европейского типа, создающих летом своеобразный «тепловой мешок», ухудшающий тепловой режим жилых помещений в вечернее время. Перекрытия такого типа на первых порах получили широкое распространение и в постройках станционных, военных и прочих.

Из отдельных зданий общественного назначения следует отметить довольно крупное одноэтажное здание магазина в восточной части города, где начинал складываться торгово-капиталистический центр.

Здания административно-общественного назначения находились в более зеленой и просторной западной части. Здесь выделяется здание Ново-Бухарской почтово-телеграфной конторы (1916 г.), сохранившей свои основные функции до сегодняшних дней. Это — продолговатое, одноэтажное, белое здание с подчеркнутым центром в виде характерного для Туркестанского края небольшого декоративного купола. Не будучи монументальным, это здание привлекает внимание хорошо найденными пропорциями проемов и деталями приятного, простого рисунка и хорошим качеством исполнения.

В тех же формах и приемах построено и другое близлежащее здание, ныне занимаемое врачебным диспансером: также одноэтажное, но выглядит крупнее, солиднее. Видно, что эти здания строили по проектам и под руководством одних и тех же инженеров и не плохих.

Безусловно, все постройки не велики и весьма провинциальны. Это относится и к построенному в 1892 г.¹ зданию б. Политического агентства — одноэтажному белому зданию, находившемуся в довольно

большом парке и выходящему к улице глухим фасадом, который посередине расчленяла рустированная полуротонда с арочными окнами. Посередине дворового фасада находилась терраса с рустированными колоннами.

По характеру применяемых приемов композиции, по рисунку отдельных деталей, здание чрезвычайно близко дому Ахадхана в комплексе Ситора-и Мохи-Хоса, и невольно возникают предположения о постройке этих домов одним и тем же автором.

Крупнейшая и наиболее примечательная постройка — дворец эмира в Кагане. Значение ее выходит за пределы региона, ее можно считать одним из наиболее заметных явлений для всей Средней Азии.

Это здание имеет сложную планировку и композицию, построенную по принципу равенства зрительного восприятия со всех сторон. Поэтому всем сторонам здания уделено равное внимание в степени объемных членений и декоративной обработки. Его объемно-пространственная композиция строится на сочетании пониженных и более высоких объемов, самой различной формы и конфигурации в плане. Здесь и одноэтажные кубические объемы, увенчанные четырехгранными чешуйчатыми куполами, и граненые ротонды с плоским шатром, и изящные по формам террасы, где тонкие колонки несут круговые подковообразные арки, и пр.

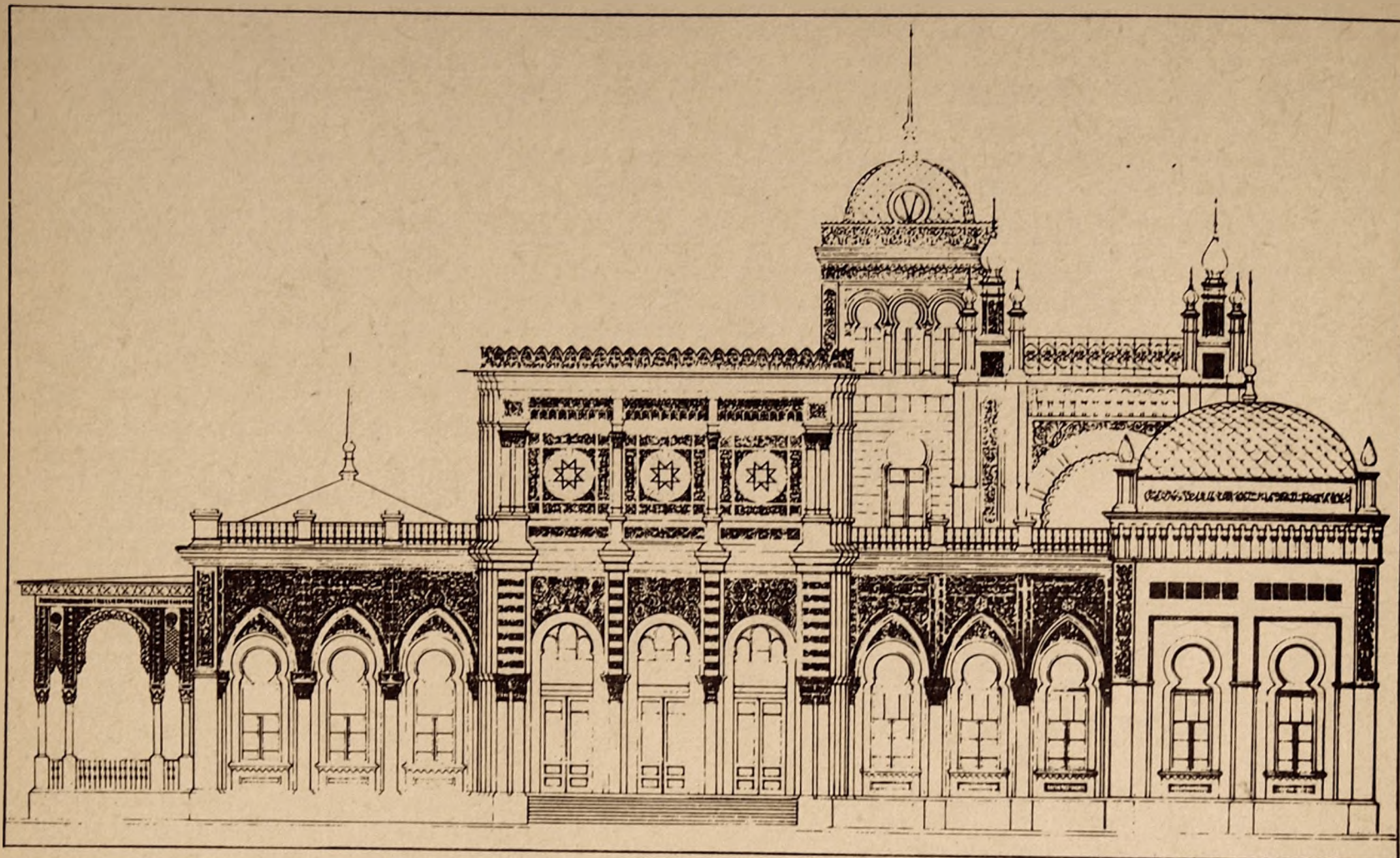
Основу планировки составляют вытянутые по продольной оси большие парадные помещения, среди которых выделяется просторный двусветный зал, предназначенный для особо торжественных приемов. С этими помещениями функционально связана и вторая анфилада больших

одноэтажных помещений, вытянувшихся по западному фасаду здания.

Основной парадный вход — на южном асимметричном фасаде, где особенно четко воспринимается острая композиция разновысотных и разнохарактерных частей. Но основной фасад здания все же — восточный, обращенный к дороге, связывающей Каган с Бухарой. Здесь композиция здания воспринимается строго симметрично. Главный вход ведет через одноэтажную открытую аркаду, за которой расположен объем второго этажа и венчающий всю композицию легкий арочный навильон с характерным декоративным куполом и флагштоком.

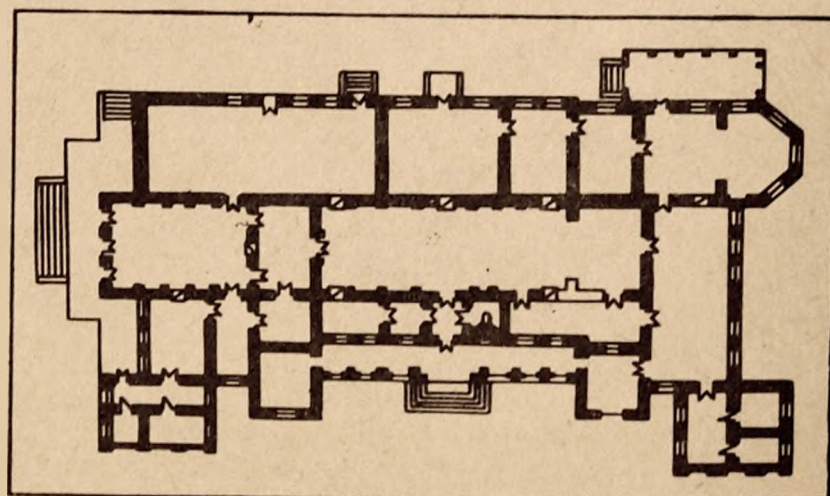
Аркаду главного входа фланкируют двухэтажные, раскрытые в верхней части наружу объемы, по углам имеющие по пять тонких главков, напоминающих по формам декоративные главки русских церквей XVII в. И даже странно, что эти главки не выглядят чужими на фоне псевдомавританских форм, которые обильно покрывают внешние поверхности здания.

По углам главного фасада выступают вперед упомянутые кубические объемы с гранеными куполами. И здесь по углам есть аналогичные декоративные главки. Архитектурные формы и декор — разнообразны, проемы, как правило, арочные — полуциркулярные, подковообразные, фестоноччатые. Часто подковообразная арка проема вписывается в стрельчатый орнаментированный архивольт, опирающийся на приставные пилястры или полуколонны. И обилие орнаментики. Резные рельефные орнаменты заполняют плоскость тимпанов, стен, парапетов, частично покрывают поверхности пилястр. Много их и в интерьерах, где они покрывают пилястры, балки и даже стволы колонн. Рельефы

обрамляют панно на стенах и в виде сложных по рисунку розеток, размещаются в разных местах. В этой орнаментике видна попытка использовать местные мотивы, в том числе и включение арабской эпиграфики с отдельными кораническими изречениями. Но все равно этот декор по стилю оказался таким же чужеродным, как и архитектура здания. В орнаментике чувствуются черты готического или даже римского декора, но совершенно нет традиционных построений. Безусловно, декор имел явный модернистский характер, и вызывает удивление, что в окрестностях Бухары, где так сильны были строительные традиции, местные мастера-резчики могли создать нечто необычное, совершенно новое.

Как известно, после подчинения Бухары царская администрация не вмешивалась во внутреннюю жизнь эмирата, где продолжали господствовать старые феодальные нормы жизни. Поэтому и облик столицы ханства Бухары внешне мало изменился.

Город продолжал жить за старыми высокими сырцовыми стенами. Каждое утро открывались его одиннадцать ворот и на улицы города вступали арбы и караваны верблюдов, привозившие провизию и това-

90.

Дворец эмира в Кагане.

91.

Дворец эмира в Кагане.

92.

План старой Бухары начала XX в.

93.

Арк в Бухаре. Резиденция эмира.

ры из различных стран и из кочевой степи. Прижимаясь к стенам домов, двигались прохожие; в кожаных бурдюках разносили воду машкобы. С крыш и айванов многочисленных мечетей раздавались громкие

призывы на молитву. Шумели базары, стучали молотки в ремесленных мастерских, где тут же продавали различную и часто очень красочную продукцию. По базарам и пыльным улицам проезжала следящая

за порядком стража. У мечетей и базаров, на улицах сидели и именем аллаха требовали милостыню многочисленные нищие. Казалось, ничего не изменилось, и жизнь шла старым, много веков назад заведенным порядком.

Но новое все же активно вторгалось и в старую «священную Бухару». Причем вторгалось оно через Каганские (или Каршинские, как их называли раньше) ворота. Недалеко от ворот было построено новое белое здание вокзала, связанного железнодорожной веткой с Каганом. Здесь же, рядом с караван-сараями, кузницами и мастерскими по ремонту арб начали возникать склады и конторы торговых фирм. И место это у городских ворот становилось весьма оживленным.

Здания нового, не типичного для Бухары назначения начали возникать и внутри города. Были построены две больницы в виде комплексов одноэтажных кирпичных зданий довольно безликой казенной архитектуры, но очень прочных, озелененных, что в условиях Бухары уже было фактом примечательным.

В городе появились здания, принадлежавшие магазинам и конторам частных предпринимательских фирм, отделениям Государственного и Коммерческих банков². В основном они группировались около Ляби-хауза и купола Сарафон на улицах, ведущих в сторону ворот Каршинских и Салля-хона. Здесь же открылась первая в истории Бухары аптека и почтово-телеграфная контора. Исходя из специфичных условий функционирования капиталистических учреждений в Бухаре и градостроительных условий, новые постройки возникали в непосредственном соседстве со старыми сооружениями и часто в них кооперировалось несколько учреждений — бан-

ков, контор, магазинов. По внешнему виду они были чисто европейскими постройками, выполненными в холодных казенных формах, где только большие магазинные окна подчеркивали их назначение.

Одна из таких построек на дороге к воротам Салля-хона — двухэтажное здание с внутренним двориком удлиненных пропорций — была центром планировочной композиции. С главного фасада, по бокам широкого проезда во двор, лестница вела на второй этаж и в торговые помещения магазинов. Остальное пространство вокруг двора занимали помещения складского и торгового назначения. На втором этаже просторные торговые помещения анфиладой обходили вокруг двора. Легкая галерея на металлических стойках и консолях способствовала проходу посетителей из лестничной клетки в глубину двора. Здание построено из жженого кирпича прочно и аккуратно, но внешний облик его сухой и напоминает многие торговые постройки такого рода в других городах Средней Азии.

Значительно большее значение в жизни города и застройке центра Бухары имело большое двухэтажное здание возле медресе Алям и мечети Ходжа. Это здание состояло как бы из двух самостоятельных частей, разделенных широким сквозным проходом³, перекрытым по второму этажу в местах, примыкавших к фасадам отдельными объемами. Поэтому внешне это здание выглядит как единое целое.

В восточной части, на первом этаже расцоглагались торговые помещения, выходящие на фасад широкими витринными окнами; склады и конторы находились за торговыми, группируясь вокруг глухого дворика. Второй этаж этой части здания занимал банк с изолированным входом

и своей парадной лестницей, с операционным залом, сейфом и служебными помещениями. В западной части банк занимал как первый, так и второй этажи, но сюда, очевидно, входили и жилые комнаты управляющего⁴. Рядом с этим домом находилось кирпичное здание Московско-учетного банка довольно безликой архитектуры⁵.

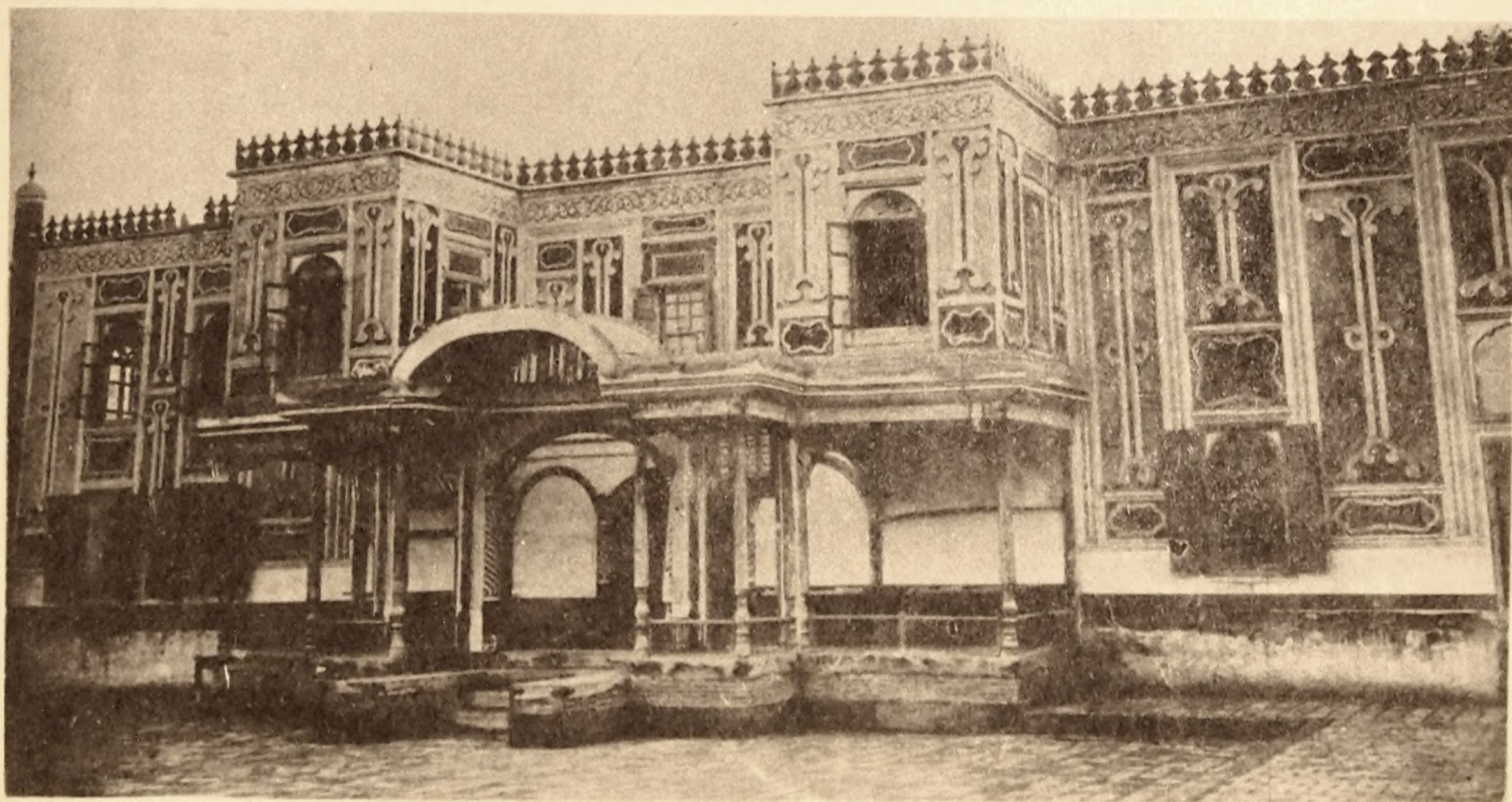
Другое, более крупное здание, в котором размещалось несколько разнородных учреждений, разделенных внутренними проходами, было построено возле купола Сафарон и примыкало к его углу.

Судя по архитектурным формам, особенностям объемно-планировочной композиции, эти здания построены почти в одно время и одним инженером. Постройки лишены декора в них обильно применены конструкции из европейского кирпича, металла, большие витринные окна. Но в то же время в этих постройках, как нигде, чувствуется стремление связать их по характеру со старгородской бухарской застройкой: узкие, высокие улицы-переходы, перекрываемые отдельными нависающими объемами, создают активное движение воздуха, прохладу, защиту пешеходов от прямых лучей солнца. Здесь мы видим отказ от стремления связать новые постройки с традиционным обилием декора, выполняемого местными мастерами, и использование традиционных градостроительных приемов, что приводило к активной связи новых построек со старой жилой застройкой города.

Новые социально-политические и экономические условия повлияли и на жилую застройку города. Установление определенной политической стабильности и прекращение характерных ранее военных

смут способствовало расширению местного жилищного строительства. Но старые феодальные основы жизни города привели к тому, что дома продолжали сохранять традиционное деление на две половины — внутреннюю, интимную, и внешнюю, приемную, гостевую, а так же характерные, типичные для Бухары приемы композиции (где сказывался трезвый учет природно-климатических условий). Дома по-прежнему строили из местных материалов и в местных конструктивных приемах местные мастера-строители и декораторы. При этом стойко сохранились черты местной бухарской школы архитектуры.

Только в архитектуру нескольких домов, принадлежавших ранее особенно зажиточным лицам, связанным с царской администрацией, и посещаемых русскими чиновниками и купцами, начинали вводить новые приемы конструктивного осуществления. Среди них — дом Абдуллабека, некогда стоявший у ворот Салляхона. В отличие от обычных бухарских домов, он делился не на две части, а на четыре, что, конечно, связано с большими материальными возможностями владельца. Одну часть дома занимала отдельно стоящая мечеть с минаретом и расположенные в два яруса худжры караван-сарая. Наиболее примечателен в этом доме следующий двор с помещением михмонхоны (гостиной). Он примыкает к упомянутым комнатам караван-сарая и связан с ним единым фасадом, выложенным из жженого кирпича европейского формата. В этом же материале выполнены и все части двора михмонхоны, в том числе и основное помещение. Оно по традиции просторно, ориентировано проемами на север и поэтому прохладно. Но здесь нет земляных полов, высоких дверей-окон, закрываемых став-

94.

Медресе Амир Алим хана в Бухаре.

95.

Торговое здание в Бухаре.

142

96.

Дворец в Ширбудуне. Салим хона

97.

Дворец в Ширбудуне.

ниями (дарча), стен, декорированных росписями и резным алебастром. Все это есть в интимных помещениях дома, а здесь — створчатые остекленные окна в наличниках, деревянные полы, «голландские» печи, встроенные шкафы.

Довольно активно велось традиционное культовое строительство. Однако уже без тех масштабов и той импозантности, которые были присущи постройкам времени развитого средневековья. В городе строили гузарные (приходские) мечети и небольшие медресе. Причем территория, которая примыкала к мечетям, обычно озеленялась, устраивали хауз с водой — и вместе с благоустроенной территорией они становились активным акцентом в жилой городской застройке.

Мечети — просторные, поднятые на облицованной камнем платформе помещения, имевшие купола или плоское балочное покрытие. К мечети (хонако) с двух или трех сторон примыкал высокий колон-

ный айван. Внешняя отделка мечетей довольно скромна — ведь строили их на средства жителей того квартала (гузара), где мечеть находилась.

Немного монументальных культовых зданий было построено и на средства эмирской казны. Наиболее значительные — мечеть Боло хауз (1912—1914 гг.) и медресе Амир Алим-хана (начало XX в.). В мечети Боло хауз был пристроен к старому купольному зданию громадный портик из высоких деревянных колонн. В медресе Амир-Алим-хана постепенно сложился новый тип медресе, состоящий из отдельного двора, окруженного двухэтажными помещениями общежития, переднего двора с купольными помещениями для занятий, и отдельным объемом мечети.

Применение кирпича европейского формата, элементов несколько упрощенного живописного декора, арок полуциркульного очертания и других не свойственных традиционному средневековому среднеазиатскому строительству форм и деталей,

небольшое количество, культовых построек, возникших в это время, привели исследователей к выводу, что конец XIX—начало XX вв. для Бухары — время определенного культурного и архитектурного упадка.

Очевидно, такой вывод преждевремен, он основан на формальном сравнении памятников этого времени с выдающимися сооружениями периода расцвета феодальной архитектуры. Нам кажется, правильнее считать, что оба эти памятника свидетельствуют о поисках новых композиций, функционально более логичных, приходящих на смену старым каноническим приемам. То есть, после кризиса архитектурного строительства в XVIII — начале XIX вв. начался новый этап поисков.

Малое количество культовых построек, сооруженных за счет казны, свидетельствует об изменении направленности строительства и интересов у правящей верхушки. Если в классические времена средневековья среднеазиатские правители стремились завоевать популярность у духовенства и оставить о себе память строительством крупных культовых построек, большей частью на средства, полученные в грабительских походах (постройки Тимура, Абдуллы-хана в Бухаре или Ялантуш-Бохадур-бия в Самарканде), то теперь такое вложение средств стало минимальным. Бухарский эмир был попрежнему одним из наиболее зажиточных людей того времени, но деньги он вкладывал в строительство сооружений, которые показывали его лояльность к новой власти (железнодорожный мост через Амударью или Реальное училище в Ташкенте).

Помимо того, стремление к большей представительности и комфорту повлекло за собой строительство новых дворцов в

Кермине, Кагане, Ялте, дома в Петербурге, пригородных дворцовых комплексов в Ширбудуне и Ситора-и Мохи-Хоса.

Из архитектурных памятников конца XIX—начала XX вв., в которых проявилось слияние творческих навыков местных мастеров и приглашенных европейцев, наиболее известен комплекс летних дворцов последних бухарских эмиров — так называемый Ситора-и Мохи-Хоса, расположенный в четырех километрах к северу от границ старой Бухары.

Этот памятник занимал очень большую и хорошо озелененную территорию и состоял из двух частей — Старого и Нового дворца, разделенных проходящей между ними основной дорогой. Старый дворец был построен при эмире Абул-Ахад-хане. Он представлял собой сложную комбинацию самых разнообразных построек европейской и местной традиционной архитектуры, располагавшихся по периметру большого замкнутого дворца квадратной формы. По литературным источникам, этот дворец был построен местными мастерами под руководством усто Ходжи Гафиза, предварительно, специально для ознакомления с опытом русского строительства, выезжавшего в Петербург и Ялту⁶.

Сейчас трудно охарактеризовать архитектуру большинства построек этого дворца: они частично разрушены, частично перестроены для новых нужд. Судя по плану 1937 г., большинство построек возведено в двух- и однорядном каркасе, что давало возможность устраивать в стенах ниши, чередующиеся с рядами проемов, ориентированных в большинстве случаев на север. Здесь заметны помещения весьма крупных размеров, примыкавшие к внутренним дворикам, то есть эта часть Старого дворца имела все черты типичного бухар-

ского строительства. В то же время, в этом комплексе сохранилось здание чисто европейской архитектуры, со всеми вытекающими отсюда закономерностями композиционного и конструктивного порядка. Оно представляет собой здание с симметрично решенным фасадом, на котором две граненые башенки с восьмигранным внутренним пространством фланкируются портиками и круглыми классическими колоннами, на стволы которых наизаны блоки прямоугольного руста. Подобный же портик находится на оси здания, подчеркивая парадный вход, ведущий в центральное обширное помещение. Расположенные по бокам центрального зала прямоугольные помещения, явно жилого назначения, свидетельствуют, что это здание было центральным для всего дворцового комплекса. Ни в архитектуре, ни в отделке нет восточных элементов, что свидетельствует о том, что здание полностью построили пришлые мастера. Ему присущи некоторая грубость и провинциальность в прорисовке отдельных элементов и деталей, в пропорциях.

К дворцу примыкал обширный сад регулярной распланировки. Прямые аллеи, направленные с севера на юг и с запада на восток, в местах пересечения имели квадратные площадки, заполненные цветником или прямоугольным водным бассейном (хаузом). В планировке сада сохранялись черты, присущие в более развитом виде средневековому среднеазиатскому парковому строительству под названием «чор-баг».

Стремление к объединению принципов местного строительства и декора с элементами европейской архитектуры в большей степени заметно в комплексе Нового дворца, воздвигнутого в начале двадцатого века

при последнем эмире Сейид-Алим-хане. И если постройки Старого дворца компактно группировались в один сомкнутый комплекс, то Новый дворец разбросан отдельными павильонами на обширной парковой территории. Вход во дворец — через традиционные ворота в виде развитой Дарваза-хона, обильно украшенной снаружи декоративными выкладками из глазурованных кирпичиков разных цветов. Имея традиционную форму в виде возвышенного портала (пештака) с угловыми тонкими минаретами, ряд резных фигурных зубцов (кумгра) поверху, массивные деревянные ворота, покрытые геометрическим орнаментом резьбы, это сооружение в то же время несло печать стилистического упадка и эклектики. Последнее видно в характере арок овальной формы, в декоративных плитках, покрытых глазурью красного и зеленого цветов, и даже в имитации в штукатурке, нанесенной на деревянную подоснову декоративных кирпичных выкладок.

Вход вел в обширный передний двор, обрамленный по периметру деревянными галереями, предназначенными для лошадей приехавших во дворец гостей. Здесь же располагались мастера-ремесленники, изготовлявшие художественные изделия. В углу дворца располагались складские помещения с внутренним двориком. Здесь хранили одежду эмирской семьи, постельные принадлежности. Здесь же хранилась казна.

Из переднего двора закрываемый резными воротами коленчатый в плане проход выводил во двор главного парадного корпуса, построенного в 1912—1914 гг. Он раскрывался во двор порталом с фигурным, покрытым резным алебастром фронтоном. Постройки дворца окружали парад-

ный двор с трех сторон. Причем, одну сторону занимала высокая деревянная галерея, ведущая в основные и наиболее парадные помещения дворца.

Мы склонны рассматривать эту галерею как один из наиболее удачных примеров сочетания новых и старых, традиционных форм и композиционных приемов. Тонкие и изящные колонки с односторонним резными подбалками несли легкое перекрытие, состоявшее из чередующихся плоских и полуциркульных элементов. Применение деревянных несущих конструкций и железной кровли и привело к появлению такого оригинального решения пещ-айвана. Резьба и росписи на стволах колонн и на задней стене, где они вкомпоновываются в удлиненные панно, заполненные геометрическим орнаментом, делают галерею красочной и жизнерадостной.

Основные помещения дворца расположены под углом друг к другу и занимают две другие стороны. Внешний обзор дворца свидетельствует: он не был запроектирован как единое сооружение, а складывался постепенно, потому и нет цельности в его архитектурном решении. Очень заметно, что дворец возводили под руководством русских инженеров — по структуре металлических крыш, разбивке и облике оконных проемов, характеру внешнего архитектурного декора.

Планировочно дворец делится как бы на две половины, объединенных в месте их примыкания друг к другу блоком туалетов, комнатой приготовления чая и другими небольшими хозяйственными помещениями. На западной границе двора располагались помещения, предназначенные для парадных аудиенций. Здесь были помещение эмира, большой светлый, так на-

зываемый «Белый зал» — место торжественных приемов, и две комнаты для ожидания. Все это связано в единую анфиладу.

Такая же анфилада и на южной стороне двора, но она предназначена для частных аудиенций: здесь эмир принимал ближайших сановников. В этой половине дворца располагались его кабинет, затем помещение приемов — михмонхона, и две ожидальни, одна из которых также была предназначена для чаепития. Чрезвычайно своеобразно пространственное и конструктивное решение михмонхоны, где скатное перекрытие покоится на открытых в интерьер деревянных арках, между которыми располагаются оконные проемы и декоративные панно. Такое решение, совершенно неизвестное в старой среднеазиатской архитектуре, сообщало интерьеру легкость, и как бы увеличивало внутреннее пространство. Во дворце обильно применены хрустальные бронзированные люстры, багет, кафельные печи, деревянные полы, оконные переплеты, филенчатые двери и другие элементы, свойственные европейской культуре. И в то же время, весь внутренний декор, резьба и роспись стен, потолков, панелей выполнены местными мастерами-отделочниками и в большинстве случаев этот декор — произведение сохранившегося большого искусства.

Среди других помещений выделяется декоративной отделкой Белый зал. Отделку его два года вела группа мастеров под руководством лучшего мастера первой половины XX в. — усто Ширина Мурадова. В отличие от принятой полихромии в отделке других дворцовых помещений, Белый зал сверкает белизной стен, потолка, блеском мерцающих зеркал, хрусталем и золотом люстр. Изысканность форм и цветового решения сочетаются с традицион-

ным членением стен, характером орнаментальных панно. Стены традиционно разбиты на нижнюю панель, поле стены, где чередуются высокие и несколько менее высокие ниши с картушами над ними, и фризную полосу, занимаемую рядом полуциркульных арочек на приземистых колоннах. Полуциркульные завершения арочных ниш и декоративных панно (вместо ранее единственных — стрельчатых) заняли прочное место в архитектурно-декоративном решении дворца. Ниши, как это принято в архитектуре бухарских жилищ, увенчаны сложными системами сталактитов.

Но особенно привлекательны в этом зале декоративные резные ганчевые панно, на которых отдельные элементы орнаментальной композиции занимают элементы ганчевой резьбы, наложенные на зеркало. Этот прием, впервые примененный в этом зале, привел к великолепному зрительному эффекту. Он как бы создал иллюзию прозрачности стен, легкости и большой пространственности.

Полихромия в наиболее насыщенном виде и наиболее качественная нашла применение в одном из эмирских апартаментов, примыкающем к Белому залу. Он был выполнен мастером художественных росписей — наккошем Хасан-джаном. Пластически стены этого помещения решены тем же приемом, что и в Белом зале, за небольшим исключением в виде невысоких нишек и живописных панно, лежащих в основании высоких ниш. Но, в отличие от резных одноцветных панно Белого зала, здесь везде росписи. Основной мотив росписей — стилизованные букеты цветов в кувшинах различной формы. Причем, букеты разнообразны по величине и рисунку: от многометровых, заполня-

ющих панно на высоту всего поля стены, до миниатюрных букетиков в верхней части отдельных панно над сталактитовым венчанием ниш. Разнообразны букеты по рисунку и цветовому решению. Нигде нет трафаретного повторения, разве только в орнаментальных коймах, образующих ниши и панно. Надо отметить теплую жизнерадостную гамму цветового решения этого интерьера, поражающего тонкостью рисунка и яркостью цвета. В строительстве и декоре дворца принимали участие и мастера Абду-Рахим Хаятов и Абдул Гафар.

Еще более европейский внешний облик имеет столовый навильон — «Восьмигранник» — (хона-и хашт), названный так по восьмигранной форме центрального столового помещения. Это небольшое одноэтажное здание увенчано декоративным куполом, покрытым металлической черепицей. Стены его прорезаны арочными окнами в наличниках с треугольными сандриками. Здание внешне не производит впечатления построенного в Бухаре с ее древними традициями. Только глубокая входная ниша, украшенная расписными букетами цветов, контрастно воспринимается на фоне белых стен. Большие, вытянутые вверх букеты с достаточно реалистично прописанными цветами украшают интерьер столовой комнаты (ханхона). В отличие от этого помещения, соседний прямолинейный зал (хона-и колон) расписан более мелкими и более полихромными букетами. Здесь особое внимание привлекают живописные панно, разбитые на небольшие прямоугольники, заполненные небольшими букетиками, очень тонкими по рисунку и яркими. Вполне очевидно, что эти росписи принадлежат оригинальному и самобытному художнику, создавшему весьма нарядный интерьер, они невольно напоми-

пают гротескную живопись рафаэлевских Лоджий. Ну, а в общей оценке архитектуры этого павильона можно отметить (так же, как и помещений дворца) эклектическую смесь новых по стилю и технике выполнения построек с традиционным и достаточно высоким по уровню декором интерьера.

Следующая парковая постройка дворца — двухэтажный жилой корпус, построенный в 1912 г. Это интимная часть дворца — место личной жизни эмира, когда он бывал в Ситора-и Мохи-Хоса. Его асимметричная композиция строилась на примыкании друг к другу разновеликих и разновысотных объемов, увенчанных оригинальными крышами, и декорированных отличными формами. Передний, наиболее крупный объем содержал систему спальных комнат (хона-и хуб), связанных коридором и металлической лестницей. Снаружи он обработан фризовой полосой, заполненной мотивом стрельчатой аркатуры на маленьких приземистых колоннах. Углы объема закреплены вертикальной лентой граненого руста. Аналогичный мотив применен в обрамлении килевидных окон. К этому объему примыкает одноэтажная спальная комната с отдельным входом, покрытая шлемовидным декоративным куполом. Очевидно, эта комната принадлежала эмиру.

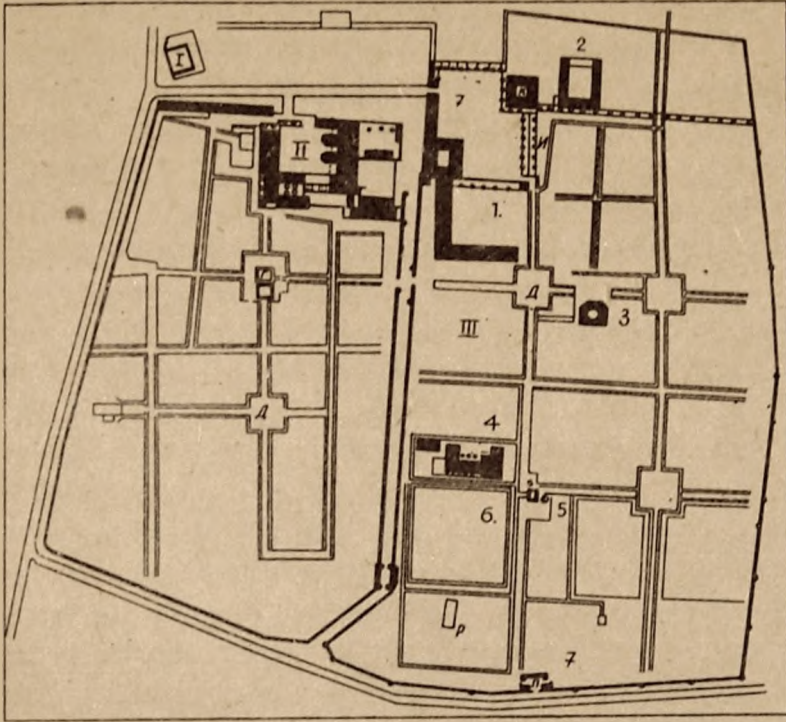
Второй объем, имевший по фасаду двухъярусную галерею, содержал столовую, кухню, небольшую баню. Галерея образована аркадами с арками килевидной формы, причем на втором этаже арки имели в два раза меньший шаг и меньшие размеры. К этому объему, в свою очередь, примыкала одноэтажная галерея и отдельно стоявшая небольшая мечеть. Присутствие в комплексе этого дворца мечети

подчеркивалось возвышавшимся легким фонарем минарета со сфероконическим куполом. Вход в здание подчеркивал легкий декоративный павильончик на тонких изящных колонках.

Интерьеры спального корпуса обычны, в них не было элементов традиционного декора, они очень похожи внутренне на зажиточный жилой дом России. В композиционном построении жилого корпуса и его внешнем облике нет местных традиционных черт. Так же как и здание дворца эмира в Кагане, он невольно ассоциируется с проявлением свободных вариаций европейского архитектора на тему «Восток», причем архитектора, который еще мало был знаком с конкретными традиционными приемами и формами, спецификой местного эстетического восприятия. Тему «Восток» он раскрывал, применяя переработанные экзотичные формы, заимствованные из различных «мусульманских» архитектур, включая Поволжье и Крым, но не Средней Азии.

Однако, несмотря на явные черты провинциализма и эклектики, облик здания довольно экзотичен, оно эффектно отражается в воде примыкающего к нему бассейна. Бассейн (хауз) — один из самых крупных в Средней Азии (53×46 м), он выложен блоками местного желтоватого камня — известняка, удачно сочетается с жилым корпусом и другими павильонами парка, и служит хорошим источником свежести в летнюю жару.

Из парковых павильонов декоративного характера выделялась двухъярусная беседка (шийпанг) с отдельно стоящим минаретом. Внутри шестигранного в плане минарета вилась вверх винтовая лестница, которая выводила в верхний фонарь, образованный тонкими колоннами, несущи-

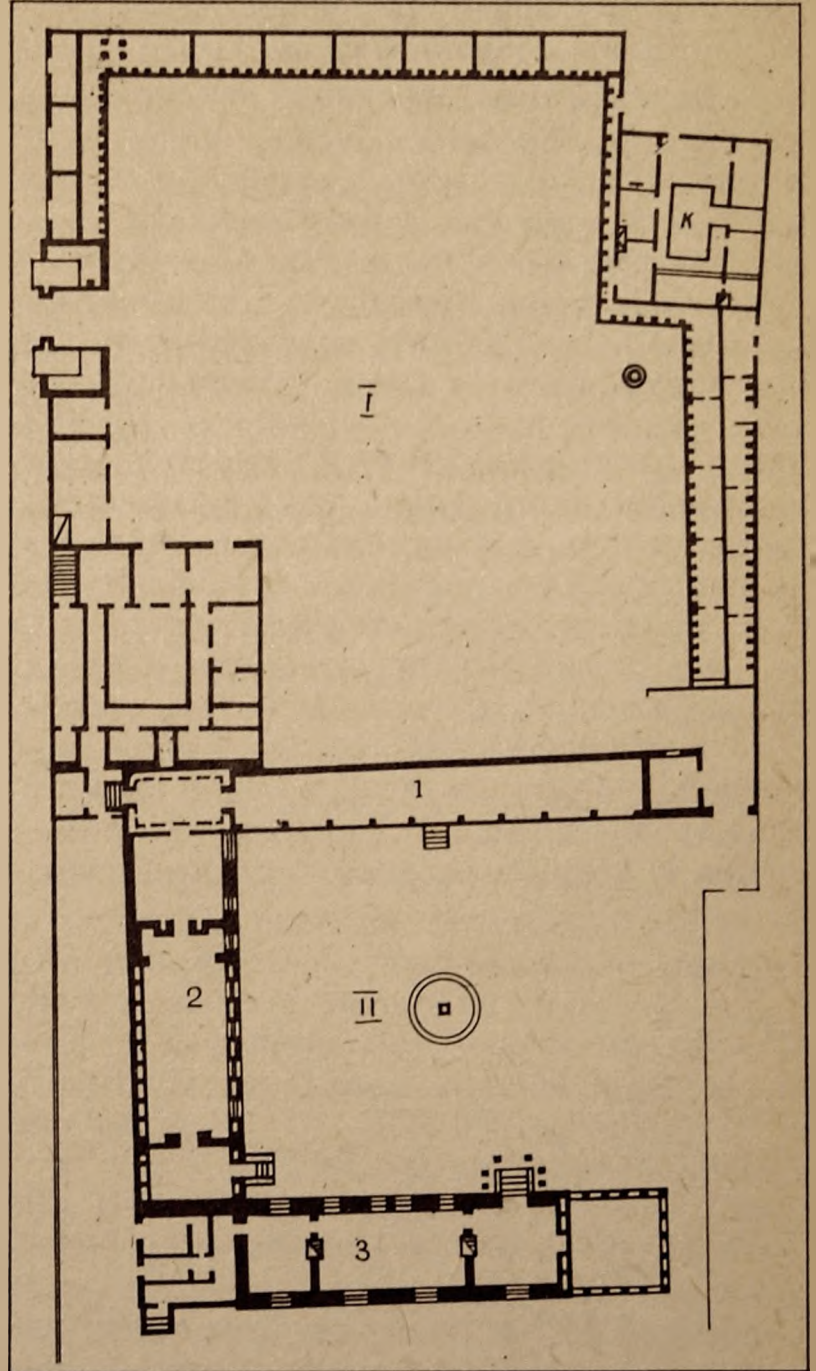

98.

Ситора-и Мохи-Хоса. План комплекса: I. мечеть, II. старый дворец Ахадана, III. новый дворец: 1. дворцовый комплекс, 2. гарем, 3. восьмигранник, 4. жилой корпус, 5. шийпанг, 6. бассейн, 7. вьезда

99.

Ситора-и Мохи-Хоса. План дворцовых помещений: I. передний двор, II. дворцовый двор: 1. айван, 2. белый зал, 3. зал частных аудиенций.

ми граненый купол. Из этого фанаря перекидной легкий мостик вел на верхний ярус шийпанга. Основное пространство шийпанга было приподнято довольно высоко над уровнем земли, и туда вела своя и довольно крутая лестница. Эта беседка была построена из дерева в очень легких формах и стилистически близка дворцовым помещениям. Кроме функционального назначения шийпанга, как приподнятой и защищенной от солнца площадки, открытой прохладным ветрам, и отдельно стоящего минарета — в этой постройке нет

ничего традиционного, местного. Все формы, в которые эта постройка облачена, особенно мотив двух сомкнутых полуциркульных арок с гирькой посередине, с головой выдают их русского автора.

В заключение нашего беглого знакомства с дворцовым комплексом Ситора-и

Мохи-Хоса⁷, можно остановиться на вторых, объемно-решенных, въездных воротах (Дарваза-хона) на южной границе парка. Они в основном носили чисто служебный, хозяйственный характер. Функционально связывали интимные постройки комплекса с внешним миром. Построены они были из жженого кирпича, к ним примыкали массивные пахсовые стены с приставными башенками, венчающиеся зубцами. На первый взгляд, постройка очень традиционна. В плане она представляла собой прямоугольник, в котором по бокам от центрального въезда находились две небольшие каморки для стражи. Въезд имел коленчатый вид, так как задняя стена перегораживала пространство входа и препятствовала проникновению нескромного постороннего взгляда во внутрь интимной территории дворца. Над въездом находилось небольшое сторожевое помещение с закрывающимся ставнями окон-

ным проемом⁸. Однако это здание, как и все предыдущие, так же выполнено в формах европейской архитектуры. Это — полуциркулярная форма въездной арки, это — декоративные наличники на боковых крыльях, это — совершенно чуждая для Бухары форма венчающих зубцов и пр.

Таков загородный эмирский комплекс, где эклектика нашла благоприятную почву, где постройки создавались постепенно и в тесном творческом содружестве русских и местных мастеров, и с разной долей участия тех и других в различных постройках. В то же время здесь был создан интересный парковый ансамбль с постройками, разбросанными в тенистом саду, с регулярной системой планировки, с цветниками в местах пересечения, крытых виноградными лозами, аллей, где с тех времен и до сего дня гуляют по парку навлины.

Хива

Хива — относительно молодой город, хотя его возникновение относится к X в. Долгое время Хива была заштатным городом Хорезма, претерпевая с последним все перипетии политической жизни, кратковременные подъемы и долгие экономические кризисы, которые со временем становились все затяжнее и глубже. В середине XVII в., при ханах Асфендияре (1623—1643) и Абдул-Гази (1643—1663), Хива становится столицей Хорезма в его новой интерпретации — Хивинского ханства.

Однако превращение в столицу на первых порах не способствовало подъему ее экономической и культурной жизни. Кризис все еще продолжался. Постоянные распри, соперничество Бухары и Ирана за владычество над Хивой привело к тому, что в XVIII в. Хива теряет политическую независимость и становится провинцией Ирана. Город очень пострадал, его стены и многие постройки лежали в развалинах.

Распри и борьба за власть приводили к частой смене правителей, к обезличиванию ханов, к сосредоточению власти в руках инаков — феодальных вождей узбекского племени кунграт.

В начале XIX в. инак Ильтузар, свергнув очередного хана-марионетку, стал родоначальником новой династии, занимавшей Хивинский престол до 1920 г.

С конца XVIII в. начинается новый, более существенный и более продолжительный подъем. Он объясняется агрессивной внешней политикой ханов, грабежом земель южного Туркменистана и районов Аральского моря. В результате у правителей Хивы сосредоточиваются значительные людские резервы и материальные средства, используемые для монументального строительства.

Архитектура полностью взяла на себя мемориальные функции, и хивинские ханы, чтобы возвеличить свое имя, возводят медресе, мечети, тимы (крытые рынки), караван-сарай и прочие постройки, присваивая им имена правителей Хивы. По темпу и качеству нового монументального строительства Хива значительно опередила столицы двух других среднеазиатских ханств — Коканд и Бухару. И если в XIX в. иные крупные среднеазиатские города — Самарканд, Ташкент и другие — еще несли явные следы предшествующей разрухи, и крупнейшие постройки в этих городах относились к более ранним временам, то Хива, в основном, — это позднефеодальный город. В XIX в. окончательно слагается структура его застройки и стиль своеобразной архитектуры.

Хива — город из двух частей: внешний город — Душан-кала, внутренний — Ичан-кала. Каждая часть была окружена своими крепостными стенами. В Душан-кала стены с десятью воротами описывали обширную территорию, застроенную жилыми домами с озелененными участками. Здесь же располагались базары и обширные ханские сады.

В середине Душан-калы располагалась Ичан-кала — наиболее старая и наиболее укрепленная часть города. Она имеет форму неправильного прямоугольника, вытянувшегося с севера на юг, и окруженного мощными стенами с четырьмя воротами. Проходившие через ворота узкие улицы делили жилую застройку как бы на четыре части и подводили к центру, где сосредоточены наиболее ответственные в те годы постройки. Основные постройки как бы нанизаны между западными (Атадарваза) и восточными (Палван-дарваза) воротами.

Ичан-кала — средоточие многих культовых и дворцовых построек, зажатых сплошными кварталами жилых домов. Это основная часть города, средоточие политической и духовной власти. Долгое смутное время, когда ханы никогда не чувствовали себя в безопасности среди угнетаемого ими народа, а вожди населяющих низовья Амударьи узбекских, туркменских, каракалпакских племен постоянно стремились к захвату власти, сказывалось и на характере архитектуры. Везде превалируют крепостные формы. В загородном жилье — это замкнутая композиция с высокими глухими стенами и башнями. Внешний вид города также характерен мощными стенами и крепостными башнями, и внутри его постройки имеют мощные глухие стены с зубчатыми завершениями. Конечно, с XIX в. такие элементы, как башни, зубцы и прочие, потеряли крепостные функции, но способствовали приданию постройкам крепостного облика.

В Хиве сложился и своеобразный по планировке тип дворцового здания, в котором сливались формы, присущие монументальным постройкам и жилым зданиям каркасной конструкции, в частности, ориентированные на север высокие одноколонные айваны. Здесь же широко применяли поливную майолику, присущую обычно монументальным культовым постройкам и не встречающуюся в жилых зданиях. Эта майолика своеобразна по цвету: постоянный белый узор по однотонно синему фону, с отдельными редкими вкраплениями элементов бирюзового цвета. Своеобразна она и по характеру применения; целиком покрывает стеновые плоскости, разбиваясь на большие, коврового рисунка панно, вертикальные и горизонтальные полосы, узкие тяги.

Характерна архитектура Хивы широким применением резьбы по дереву: мелкий разнообразный узор в виде отдельных полос покрывает основные части изящной колонны, или комбинируясь в отдельные орнаментальные филенки, или иногда в виде цельного панно с крупным орнаментальным медальоном покрывает створки деревянных дверей.

Оригинальны и присущи только Хиве принципы сплошной орнаментальной резьбы своеобразных каменных баз колонн с несколько утяжеленной кубовидной нижней частью.

Своеобразна монументальная архитектура Хивы применением крытых торговых подходов к крепостным воротам, обилием высоких минаретов и майоликового декора, формой входных порталов — пиштаков с венчающими сталактитовыми карнизами на порталах, в многочисленных мечетях и медресе.

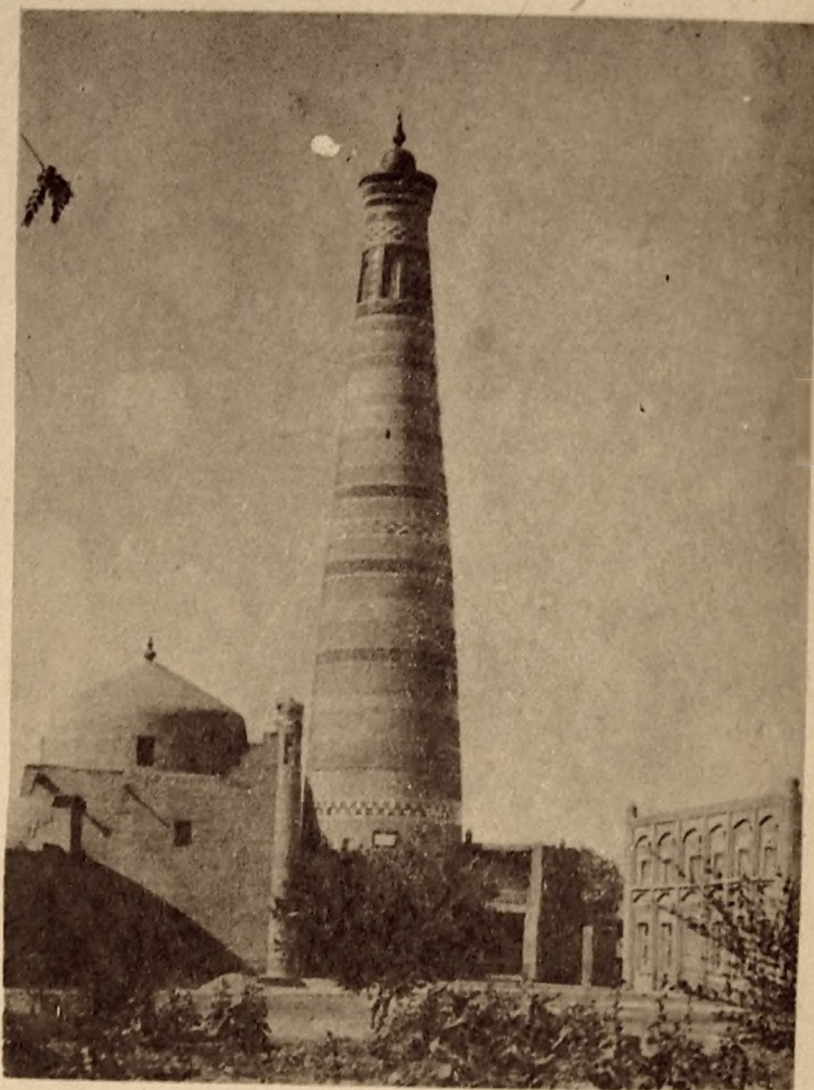
К монументу завоевания царской Россией (1873) Хива и ее архитектура вступили в полосу наивысшего расцвета. Царская администрация не вмешивалась во внутренние дела ханства, но лишила ханов самостоятельности в военных и дипломатических делах. Прекратились феодальные распри и военные походы на соседние области. Мирная жизнь приносила свои плоды, и строительная деятельность в Хиве продолжала развиваться.

В конце XIX в. по указу Мухамед-Рахим-хана II продолжается усовершенствование основной святыни Хивы — мавзолея Пахлавана Махмуда: в 1893—1894 гг. мастер Надир Мухамед покрыл прекрасной резьбой деревянные полотнища дверей, ведущих во внутренний двор и в ханнаку; в 1913 г. по указу Асфендияр-хана мастер Курбан-Нияз построил во дворике

мавзолея двухэтажное Кори-хона с двусветным залом — ханской фамильной усыпальницей. В большой, покрытой плитками многоцветной майолики, дахме погребены останки матери Асфендияра, было приготовлено и место для хана⁹. Выдающийся по композиции и насыщенности декоративной отделки комплекс Пахлавана Махмуда завершился в юго-восточной части двора глубоким айваном на высоких и стройных колоннах, покрытых мелкой резьбой. Внешние края кладбища, традиционно примыкавшего к святыне, в конце XIX в. были обстроены небольшими медресе и общежитием для слепых нищих (корихона). Выстроившись в ряд и плотно примкнув друг к другу своими симметричными объемами, с центральными небольшими порталами, эти постройки обрамляют узкие улочки, подводящие к мавзолею с севера, со стороны соборной мечети.

Существенные работы были проведены и в Куния-Арке — первоначальном ядре развития города и древней городской цитадели. Боясь народных восстаний и не доверяя реакционному духовенству и племенной знати, последние ханы вернулись в старую резиденцию, где проводили зимние месяцы. Такой возврат был вызван удобным расположением Куния-Арка у крепостной стены, вблизи западных ворот, что, в случае экстренной необходимости, позволяло быстро эвакуироваться. В 1910 г. здесь перестроили гарем: колонны этой части комплекса имеют великолепную резьбу и изящный силуэт.

Характерная особенность строительства в Хиве после 1873 г. — привлечение для монументальных культовых построек средств многих зажиточных горожан и престижных феодалов, а велось оно в целях «богоугодных деяний» и прославления

их имени. Так были построены медресе Дуст-Алама (1882 г.), Мазари-Шериф (1882 г.), Атаджан-тюря (1884 г.), Казы-Каляна Салим-Ахуна (1905 г.), Матпана-бая (1905 г.), Абдурасул-бая (1906 г.), Юсуп Ясаул-баши (1906 г.); Палванпир (1905 г.) на территории Душан-калы и другие.

Все эти постройки сохраняют стилистические черты старой архитектуры и отличаются от построек первой половины XIX в. только меньшими размерами.

101.

Почта в Хиве.

102.

Больница в Хиве.

Своеобразное географическое положение городов Хивинского ханства, в то время связанных с промышленно развитыми и торговыми городами Средней Азии только караванными тропами и маломощными речными судами Амударьи, привело к тому, что внедрение новых прогрессивных строительных материалов промышленного производства в массовое жилое строительство было затруднено. Поэтому, когда в Ташкенте и других городах Туркестанского генерал-губернаторства в жилых домах коренного населения уже широко применяли железо, стекло и другие привозные материалы, в жилых домах Хивы продолжали господствовать местные традиционные архитектурно-конструктивные приемы.

И все же, несмотря на сохранение старых форм общественной жизни и оторванность Хивы от крупных культурных и экономически развитых центров, с начала XX в. начали замечаться перемены. Среди косного реакционного руководства ханством появились люди, понимавшие важность общения с русским народом и государством, важность внедрения новых видов образования, здравоохранения и прочих необходимых учреждений.

Таким был Ислам-ходжа — ханский родственник и правитель государства, с именем которого связано, помимо внутренних политических реформ, строительство ново-методных школ, больниц, почтовой конторы, аптеки и пр. Большое внимание начали уделять новым принципам строительства; рядом с местными мастерами стали работать приглашенные архитекторы, мастера-строители — европейцы из Петро-Александровска (резиденция Российского консула), Ташкента и даже Москвы. Активно участвовали в новом строи-

тельстве мастера из колонистов-немцев, поселившихся в окрестностях Хивы¹⁰. В традиционную хивинскую архитектуру вторгались новые веяния, проявившиеся в новых формах и конструктивных приемах.

В этом плане чрезвычайно знаменательным было строительство в центре Ичанкалы, рядом с основными святынями — мавзолеем Пахлавана Махмуда и Джума-мечетью, комплекса, состоящего из медресе (1908 г.), минарета (1910 г.) и новометодной школы (1912 г.), посвящих имя инициатора этих построек — визиря Ислам-Ходжи. Минарет, построенный мастером Худайберген-Ходжи, — один из самых крупных в Средней Азии: высота — 44,6 м, диаметр основания — 9,5 м¹¹. Он возвышается над всей Хивой и зрительно воспринимается с очень далеких расстояний. Особенно эффектен он вблизи: лежащие у его подножия постройки масштабно подчеркивают его величие. Форма минарета характерна для Хивы: венчающий фонарь как бы продолжает ствол, нет разграничивающего их пояса сталактитов. Вверху минарета, над фонарем расположены трехступенчатый карниз и покрытый глазурью голубой куполок с изящным навершием — кубба. Форма минарета с резким сокращением ширины, но мягким энтазисом подчеркивает его динамичность, устремление вверх. Эту устремленность вверх уравновешивают голубые горизонтальные пояса, где применены орнаментальные выкладки глазурованным кирпичом синего, бирюзового и белого цветов, и тонкие полоски майолики. Орнаментальные полосы разнообразного не повторяющегося рисунка активно воспринимаются на нейтральном терракотовом фоне. Постепенность сокращения расстояний между

полосами усиливает высотную перспективу, а сплошной цветной декор его верха делает минарет очень нарядным и запоминающимся. Минарет Ислам-Ходжи, построенный в начале XX в., — одно из лучших зданий Хивы, заключительный, последний результат долгого пути развития.

Расположенное у подножия минарета медресе — небольшое. Но общий для обоих памятников четкий и лаконичный декор связывает их в единую архитектурную композицию. Его выполнили мастера Болта Ваисов и Мадаминов из кишлака Мадир по рисункам усто Иш-Магомед Худайбергенова.

Фасадная часть медресе двухэтажная. По бокам входного портала расположены двухъярусные арочные лоджии, фланкированные по углам фасада традиционными башенками с изящными, покрытыми глазурованными выкладками фонариками. Майоликовые тимпаны и заполнение входной ниши оживляет внешний облик медресе. Внутри — прямоугольный двор, окруженный одноэтажными худжрами. Второй этаж фасадной части открыт во двор простеньким айваном.

Наиболее крупный элемент медресе — купольная мечеть. Она в углу двора и примыкает к минарету. Возвышавшийся над другими частями медресе и жилыми постройками трехъярусный, приплюснутый купол выступал, как уравнивающий элемент единой высотной композиции минарета.

Расположенное напротив медресе и замыкающее небольшую площадь между ними здание новометодной школы вполне светское по назначению и европейское по архитектуре. Здесь, в отличие от старых мактабов и медресе, где господствовал религиозный догматизм, преподавали свет-

ские дисциплины, более соответствовавшие новому времени. По архитектурно-художественным данным здание новометодной школы значительно уступает находящимся рядом медресе и минарету. Оно значительно проще. Это обычное двухэтажное здание из жженого кирпича. Его главный фасад (остальные — глухие) организован ритмом плоских пилястр и прямоугольных окон в простых кирпичных наличниках. Только тонкие приставные башенки по углам с глазурованными декоративными куполками указывают на принадлежность этого здания Хиве. Резко выделяясь в плотной, традиционной застройке Ичан-калы, это здание по облику и назначению свидетельствовало о начавшемся вторжении новых веяний.

Новые веяния особенно заметны в постройках начала XX в., возведенных за пределами Ичан-калы. Это, в первую очередь, дворец Нурулла-бая, построенный в Душан-кале. Строили его частями, начиная с 1906 г., Мухамад-Рахим-хан II для своего наследника, затем продолжал в 1912 г. новый хан Асфендияр. С этого времени и до установления в Хиве Советской власти он был летней ханской резиденцией. Как и другие дворцы восточных деспотов, это было очень сложное по планировочной композиции сооружение, которому присущи самые различные функции.

Окруженный стеной дворец состоял из нескольких обстроенных по периметру дворов, где были подсобные помещения; отдельно располагались административные помещения и судилище с высоким колонным айваном (арзхона). Группа жилых и интимных помещений, включая гарем, состояла из трех дворов и примыкавшего с северной стороны сада. Она была окружена своей мощной стеной с воротами.

Отдельным объемом располагался зал аудиенций — куринышхона.

В этом сложном комплексе интимные помещения и арзхона выполнены в традиционных приемах планировки хивинского дворцового строительства. Влияние дворца Алла-Кули-хана здесь несомненно. Соблюдена та же система связанных и в то же время изолированных дворов, обстроенных по периметру помещениями различного назначения, расположенных на двух этажах. Использован прием расположения по южному краю двора высоких, одноколонных айванов, ориентированных на север и разделенных объемами двухэтажных помещений. Колонны имеют характерные для Хивы изящные формы ствола, резные подбалки, каменные базы (причем, как стволы, так и базы обильно покрыты мелкой изящной резьбой).

Традиционные и основные конструктивные элементы — перекрытия айванов по открытым снизу балкам, стены из однорядного деревянного каркаса. Традиционен и внешний облик дворца с глухими, высокими кирпичными стенами, оживленными ритмом полукруглых башен, а также входные ворота с прямоугольным проемом в стрельчатой арке, фланкированном массивными башнями (гульдаста), с зарешеченными проемами над въездом и декоративными выкладками из белого, синего и бирюзового глазурованного кирпича.

Но влияние европейской строительной культуры уже заметно: дощатые полы во внутренних помещениях; деревянные лестницы на второй этаж с перилами, где балясины выточены на токарном станке; фигурные металлические решетки по верху одноэтажных колонных галерей; кладка стен из жженого кирпича русского образ-

ца; повсеместное применение оконных деревянных остекленных двойных переплетов, применение дверей с филленчатыми полотнищами на фабричных металлических навесах и пр. Все это — наглядное свидетельство внедрения новых прогрессивных по тем временам черт.

Особенно примечательно построенное в 1912 г. рядом с интимным корпусом здание официальных приемов. Оно совершенно не похоже на старые куринышхона в Куния-Арке или Таш-Хаули. Это — настоящая европейская постройка цельной, объемной композиции, в которой к прямоугольному объему с трех сторон — севера, запада и юга — примыкают глубокие террасы (айваны). Внутри здание заполнено двумя рядами анфиладно связанных залов, освещенных большими европейского типа окнами. Даже в жаркие месяцы внутри здания прохладно и уютно.

В интерьерах заметно стремление к пышности. Здесь великоленные изразцовые печи, набранные из элементов, изготовленных на Императорском фарфоровом заводе, разных по цвету орнаментальных рисунков.

Очевидно, впервые в Хиве применены здесь наборные паркетные полы, правда, очень простые по рисунку. Стены из жженого кирпича европейского формата, в айванах — лучковые арочки, скатная крыша, водоотводящие трубы из оцинкованного железа — все это свидетельствует о том, что здание строили по проекту русского инженера или архитектора приглашенные мастера-строители. Видимо, таковы были и воля заказчика, и желание архитекторов: привнести в здание восточный, хивинский колорит. Поэтому внутри помещений стены покрыты алебастровыми плитами с нанесенным на них восточным, но

несколько модернизированным двухплановым орнаментом. Рисунок отдельных плит сливается в единую орнаментальную композицию, покрывающую все поверхности стен, а подкраска фона и позолота мелких извивающихся растительных побегов орнамента придают декору стен шпалерный характер.

Применение алебастровых отливок — новинка для Хивы. Новый для всей Средней Азии и прием, когда орнаментальная композиция, не прерываясь, покрывает все стены, в отличие от традиционного деления алебастрового декора на отдельные отсеки и панно.

Сложный восточный орнамент, построенный из золоченых реек на строго геометрической системе гирихов, есть в декоре наборных подкрашенных потолков, весьма уместных в интерьерах этого здания. Пышность внутренней декоративной отделки усилена хрустальными люстрами. Таким образом во внутреннем декоре мы видим явный пример слияния новых видов отделки и старых традиционных приемов.

То же заметно и снаружи здания, где применены традиционные хивинские тянутые башенки, декорированные глазурованными кирпичными выкладками, и отдельные пятна сине-белой хивинской майолики.

Безусловно, такое механическое слияние разных стилей в одном сооружении — явный образец эклектики. Но, очевидно, в те времена такая эклектика была закономерна. Таким путем вторгалась новая, русская культура в застойный мир феодального Востока. Эту культуру несли русские архитекторы и мастера-строители из колонистов-немцев. На строительстве дворца Нурулла-бая они работали в тесном содружестве с местными хивинскими мас-

стерами. Имена их история донесла до нашего времени: мастера кирпичной кладки стен Курьяз Бабаджанов, Худайберген Ходжи; мастера резьбы и росписи по дереву Бабаджан Каляндаров, Ота Шахов, Исмаил Абдиниязов; мастера резьбы по ганчу Нурмат и Рузмет Машариповы; рисунки для изразцовых облицовок делал Садыкходжа Маткаримов¹².

Очень близка по характеру отделки и вторая загородная ханская резиденция — Кубла Таза-баг. Она, как и дворец Нурулла-бая, сложилась постепенно и состояла из приемно-хозяйственной и внутренней жилой частей, где традиционно размещены айваны и в два яруса помещения. По южной стороне, вдоль обеих частей дворца, проходила анфилада больших помещений, стены которых декорированы также, как и в ханском дворце Нурулла-бая. Однако простые, дощатые полы и расписные фанерные потолки делали эти помещения значительно проще. Вдоль всей анфилады помещений располагалась глубокая галерея, в которой сочетались кирпичные устои, связанные между собой лучковыми арками, и приставные тонкие башенки, декорированные кирпичиками характерной для Хивы расцветки. Эта часть дворца выходила в третий, обширный двор с большим бассейном в середине. Построен он был в двадцатых годах XX в.¹³

Но наиболее примечательные постройки нового типа — здания больницы и почтово-телеграфного отделения. Построены они были за чертой старого города, за пределами Душан-калы, по сторонам основной дороги, подхлотившей к городу с севера, в одних и тех же архитектурных формах и конструктивных приемах, в одно время (1912 и 1910 гг.) и, очевидно, одними и теми же архитекторами и мастерами.

Оба здания — одноэтажные, но больница значительно больше. Планировка и композиция отлична от старых построек. Здания из жженого кирпича имеют балочное перекрытие и скатную оцинкованную кровлю. Почта в плане прямоугольна и имеет со стороны фасада два симметрично расположенных входа — почты и телеграфа. Здание больницы сложнее по композиции; оно угловое, главный фасад выходит на проезжую дорогу, а вход — на озелененную территорию — за углом, со стороны канала. Снаружи здание больницы имеет замкнутый облик, так как все входы выводят во двор.

Основные внешние формы — плоские ниши стрельчатого очертания, фланкированные полукруглыми башенками с куполками, декорированными глазурованным кирпичом. Сюда вкомпанованы прямоугольные остекленные окна или дверные проемы. Тимпаны над стрельчатыми нишами декорированы хивинской майоликой с растительными, орнаментально изгибающимися побегими. На фасадах так же есть майоликовые орнаментальные полосы и панно эпиграфического характера.¹⁴

Стремление соединить в зданиях прогрессивные функции новых планировок и конструкций с традиционными формами и средствами декора принесло хороший результат. Здания хотя и эклектичны, но выразительны. Проект больницы по поручению Ислам-ходжи исполнил московский архитектор Роп в 1911 г.¹⁵

Дорога между больницей и почтой подходила к Кош-Дарваза — воротам, ведущим в город. В отличие от других подобных, эти ворота построены в том же стиле, что и вышеупомянутые постройки, и тем же способом декорированы.

Форма ворот традиционна: широкий крытый проезд между двумя полукруглыми башнями. Но есть и существенные отличия: ворота сдвоенные, имеют два проезда рядом; они не закрываются. Таким образом ворота потеряли крепостные качества и стали архитектурным элементом, только оформляющим въезд. Повышенная декоративная отделка подчеркивала это.

Ворота Кош-Дарваза — наглядный пример того, что и в Хиве средневековые сдавало свои позиции. Начиналась новая жизнь.

Архитектурные итоги

Возникновение новых и рост старых городов было важнейшим следствием завоевания края и основой его дальнейшего экономического и культурного развития. Новые города возникали как военно-административные центры, но некоторые со временем и с развитием капиталистических отношений превратились в достаточно крупные промышленные и, особенно, торговые города.

Располагались новые города в местах наиболее удобных для несения административных функций в прилегающей округе. Возникали они часто в непосредственном соседстве со старыми городами, а иногда на свободных землях совершенно самостоятельно. Так, г. Верный (ныне Алма-Ата), возникший в 1854 г. и ставший впоследствии центром области и местом пребывания наказного атамана Семиреченского казачьего войска, представлял собой небольшой русский городок — центр переселенческого заселения этих окраинных земель. Также по существу совершенно независимыми городами были Казалинск, Пишпек, Новый Маргелан (Скобелев), Петро-Александровск — центр отторгнутых от Хивинского ханства земель по правому берегу Амударьи Красноводск, Кушка, Новая Бухара (Каган). Соотношение между собой отдельных частей — старого и нового в городах-двойниках также было различно. В некоторых старые поселения были настолько незначительны, что не оказывали существенного влияния на структуру города, бывшего по своему облику чисто европейским. Такими городами были Перовск (1854 г.), возникший

на месте старой крепости Ак-мечеть, Аулие-Ата, Асхабад, Термез. В наиболее крупных городах обе части города — старая и новая — были равноценны и четко разделялись по специфичной структуре города, по планировочной схеме, по характеру жилой застройки. Такими были столица всего Туркестанского края Ташкент, а также Самарканд, Чимкент, Наманган, Андижан — наиболее важные промышленные, торговые и культурные центры края.

Было достаточно много городов, в которых превалировала старая система расселения, а новые части, где сосредоточивалось русское население, были незначительны. Они, в основном, сохраняли старый облик средневекового восточного города: это — Коканд, Ходжент, Джизак, Маргелан, Ура-Тюбе, Узген, Пянджикент, Ош и, на первых порах, Туркестан и Чарджоу. В последних двух городах районы русской застройки начали развиваться после появления железной дороги и превращения их в крупные железнодорожные узлы.

В изданном в 1904 г. под редакцией В. В. Стратонова Туркестанском календаре приведены сведения о населении основных городов Туркестанского края, согласно всероссийской переписи 1897 г. и на начало 1904 г. Эти сведения в промежутке всего в пять лет, и в середине рассматриваемого нами периода, не могут характеризовать специфику роста каждого города. Но эти сведения наглядно показывают значение каждого города относительно других в экономической жизни края и дают примерное представление о темпах роста того или иного города¹.

Население основных городов Туркестанского края в 1897 и 1904 гг.

	1897 г.	1904 г.
Асхабад	19428	21400
Самарканд	54900	60000
Джизак	16041	17600
Ходжент	30037	33000
Ура-Тюбе	20837	23000
Ташкент	156414	172000
Аулие-ата	12006	13200
Петро-Александровск	2758	3000
Новый Маргелан	8977	9000
Старый Маргелан	36592	40000
Андижан	46680	
Коканд	82054	90000
Наманган	61906	68000
Ош	36474	40000
Верный	22982	25000
Джаркент	16372	18000
Лепсинск	3232	3600
Копал	28420	33100
Пишпек	6622	7300
Пржевальск	7987	8800

Просматривая таблицу, можно заметить, что наиболее крупные — города с развитой старой, исторически сложившейся частью. Ташкент, Самарканд, Коканд, Маргелан, Ош, Наманган, Ходжент были значительно крупнее Асхабада, Верного, Пишпека, Нового Маргелана, Пржевальска, бывших только административными центрами. Причем, и по росту населения в процентном отношении старые города (вместе с новой, европейской частью) значительно превосходили новые, чисто административные центры. Отсюда следует, что население городов увеличивалось не только за счет военных, чиновников, купцов, выходцев из европейских губерний России, но, в основном, за счет естественного и очень большого прироста местного населения старых городов и,

возможно, за счет лиц, приехавших в города из сельских районов края в поисках работы.

Ташкент — наиболее крупный город, административный, экономический и культурный центр всего Туркестанского края и Сырдарьинской области. По территории и населению всегда превосходил другие среднеазиатские города. Ко времени завоевания (1865 г.) население Ташкента исчислялось, примерно, в 100000. Правда, эта цифра, возможно, несколько завышена, к тому же, она включала достаточно большие гарнизоны кокандских войск. Первая попытка провести перепись сделана в 1877 г. Тогда жителей в новом Ташкенте было около 4000, а в старом городе около 100000. Город стал активно расти, начиная с восьмидесятых годов XIX в. Уже в 1887 г. в нем было жителей местных национальностей 108649 человек, они сосредоточивались, в основном, на территории старого города; в новом городе, вместе с войсками, было 21655 человек, а всего 130304 человека.

По всеобщей переписи 1897 г. постоянное население Ташкента исчислялось в 154232 чел., из них местных национальностей — 131586. В 1908 г., по сведениям Сырдарьинского областного статистического комитета, в старом городе было уже 141047 человек, а в новом — 50413. Все население Ташкента — 191478 человек.

В 1912 г. население Ташкента возросло до 253281 человек. Город стал крупным промышленным и торговым центром, в котором были сосредоточены административные учреждения, ведавшие управлением края и Сырдарьинской области, штаб военного Туркестанского округа, Управление железной дороги и пр. Ташкент —

единственный город, имевший городское управление, которое ведало всеми вопросами благоустройства и внутренней жизни.

Вторым по величине городом в Туркестанском крае был Коканд. По данным на 1904 г., по количеству жителей Коканд превосходил Новый Маргелан а 10 раз. Причем население города росло очень быстро. Это было связано с тем, что Коканд имел большой и развитый старый город, а в конце XIX в. он очень быстро стал самым крупным центром развивающейся капиталистической промышленности и торговли, связанной с производством, переработкой и транспортировкой на текстильные фабрики центральной России хлопка и шелка.

Меньше по размерам, но близким по условиям развития был другой уездный город — Наманган.

Самарканд — наиболее крупный среди областных центров Туркестанского края и наиболее важный культурный центр. Был взят без боя царскими войсками 2 мая 1868 г. С тех пор он прочно вступил на путь нового политического, экономического и культурного развития. Самарканд давно был известен как бывшая столица крупнейшего в Азии тимуровского государства, где были сосредоточены архитектурные ансамбли величайшей художественной ценности.

Город привлекал путешественников, археологов, художников. В первой группе войск, вступивших в город, был выдающийся русский художник В. В. Верещагин, с большой любовью относившийся к самаркандским памятникам и наделивший их в своих картинах своеобразным содержанием.

После завоевания Самарканд стал ад-

министративным центром области, а затем крупным торговым городом, особенно известным своими чаеразвесочными фабриками и фирмами.

К моменту завоевания в Самарканде было не больше 25 тысяч жителей. По переписи 1897 г. он насчитывал уже 55128 жителей, а к 1914 г. население города возросло до 97550 человек³, то есть увеличилось почти в четыре раза⁴, причем, в основном, за счет роста населения старого города.

Конечно, города в обширном Туркестанском крае имели разные условия развития. Так, большинство городов Семиреченской области и северо-восточные города Сырдарьинской области развивались, в основном, как административные центры примыкавших земель, центры активной русской колонизации, связанной с переселением значительного количества крестьян из центральных районов России и появлением достаточно большого количества новых русских сел. Городов, где главными градообразующими факторами были торговые, немного, это, в основном, Чимкент и Токмак, старые посреднические центры большой торговли скотом между кочевой степью и оседлыми районами Средней Азии.

Сосредоточенные в г. Верном и уездных городах предприятия по переработке продукции сельского хозяйства, рассчитанные на местное потребление, представляли собой мелкие, кустарного типа мастерские, обслуживавшиеся небольшим числом рабочих⁵. Поэтому промышленностью в этих городах не оказывала существенного влияния на их структуру и облик. Как правило, в основу их планировки была положена прямоугольная сетка

улиц, разбивавшая территорию на небольшие кварталы, заполненные одноэтажными жилыми домами усадебного типа с большими земельными участками, занятыми хозяйственными постройками и фруктовыми деревьями. Города эти развивались по планировочным схемам, составленным в начале семидесятых годов, военными топографами и инженерами. Причем, эти генеральные планы, при всей элементарной простоте решения регулярных распланировок, оказали решающее влияние на все последующее развитие южноказахстанских и киргизских городов.

Уже в первых проектах очень четко видно соподчинение планировочных элементов центра города и жилых кварталов. Центральная роль отводится планировочным элементам общественного назначения для размещения зданий городского значения. Причем, здания общественного значения совмещают с озелененными территориями. Так по первому генеральному плану города Пишпека (г. Фрунзе) 1872 г., определившему его дальнейшее развитие, предполагалось строительство центрального осевого бульвара, по обе стороны которого симметрично располагались системы прямоугольных кварталов, объединенных продольными и поперечными проездами. Примерно посередине бульвара, в центре всей городской застройки, предполагалось строительство собора⁷ на площади, обстроенной торговыми и другими общественными зданиями. Аналогичное решение центра было и в г. Верном (Алма-Ата), где площадь (превратившаяся впоследствии в парк) с кафедральным собором, лежавшая в центре жилой застройки, была обстроена по периметру домами

офицерского и общественного собраний, мужской и женскими гимназиями и другими зданиями, также общественного назначения.

Жилые дома во всех городах южного Семиречья и северо-востока Сырдарьинской области — обычно небольшие отдельно стоящие особняки, построенные из дерева (с оштукатуркой фасадных плоскостей) или сырцового кирпича, покрытые тесовой или камышовой крышей.

Города этого района были своеобразны, просторны, хорошо озеленены и плохо благоустроены и во многом отличны от городов центральных районов бывшего Туркестанского края. Но, поскольку нас интересует, в основном, архитектура именно последнего региона, то ограничимся только сведениями о городах Семиречья, у которых было много общего с городами центра края⁸.

Общее было в системе застройки. И те и другие города — одноэтажные. В северной части Туркестана наибольшее распространение получила прямоугольная система планировки: она была наиболее простой и четкой и, очевидно, ее можно связать с первым этапом возникновения городов. Обладая необходимой регулярностью, создавая возможности появления прямоугольных в плане кварталов, четко членящихся на отдельные земельные участки, прямых и широких улиц, эта система не связана органично с крепостными сооружениями города, не определяет общественные центры города. Это, безусловно, не свидетельство несовершенства прямоугольной планировочной системы, она широко использована в XIX в. на всем земном шаре, в частности, в русском градостроительстве на Дальнем Востоке (на-

пример, Порт-Артур). В застройке среднеазиатских городов она часто была единственно приемлемой планировкой, вызывавшейся местными условиями: так, на первом этапе развития нового Ташкента применение этой системы объяснялось оборонительными соображениями, а в планировке Кагана — направлением железнодорожных путей.

Радиально-кольцевую систему начали внедрять в начале семидесятых годов, как систему более совершенную в выявлении центра: общественного — в Ташкенте (сквер), военного — в Самарканде, Новом Маргелане, Намангане и др. Причем, в этих случаях военным центром становилась крепость, и планировка города была наиболее удобной в оборонительном отношении. Заметим, что в процессе развития городов радиально-кольцевая система всегда сочеталась с массивами жилой застройки, распланированными по регулярной прямоугольной схеме, например, в Ташкенте, Самарканде и других городах. Обе эти системы планировки были заложены в первоначальных генеральных планах городов, составленных военными инженерами и топографами. Однако впоследствии, в конце XIX в., как результат развития капиталистической промышленности и торговли и строительства специфичных зданий, в некоторых городах появились застройки линейного характера, сосредоточенные вдоль одной магистрали. Такая линейная застройка связывала в Намангане и Самарканде старую регулярную часть города с железной дорогой, в Коканде часть линейной застройки стала главенствующей, здесь сосредоточены наиболее важные в архитектурном отношении здания.

На окраинах городов, вблизи железной дороги и промышленных предприятий с начала XX в. стали самовольно возникать рабочие слободки и поселения трущобного характера, лишенные элементарного благоустройства. Рабочая окраина была производным явлением капитализма во всем мире, и в среднеазиатских городах, в частности. Причем, чем активнее развивалась в городе промышленность, тем больше было рабочих трущоб. Больше всего их было в Ташкенте.

В первом Положении об управлении краем (1867 г.) не было предусмотрено специальных учреждений, ведавших строительством. Сооружения военного характера и первые гражданские здания строили под наблюдением Военно-инженерного управления при штабе войск. В 1871 г. была образована Строительно-дорожная комиссия, в которую вошли назначенные генерал-губернатором военные инженеры и архитектор И. А. Леханов: ее юрисдикция распространялась на весь Туркестанский край. Комиссия работала до 1877 г., когда функции ее перешли к строительным отделениям областных правлений, действовавших по общим положениям для соответствующих учреждений. Возглавляли строительные отделения областные инженеры.

В 1885 г. был образован Строительный комитет при канцелярии генерал-губернатора под начальством главного инженера, подчиненного непосредственно генерал-губернатору. На Строительный комитет возлагались обязанности контроля за деятельностью областных строительных отделений и рассмотрение всех проектов и смет зданий, стоимость строительства которых превышала 50000 руб. Комитет

просуществовал недолго, его заменил чиновник по особым поручениям по строительной части при канцелярии генерал-губернатора. В обязанности чиновника по особым поручениям входило рассмотрение всех крупных и уникальных казенных зданий. Надзор за частным домостроением входил в компетенцию областных отделений и городских архитекторов. Кроме того, некоторые ведомства (например, управление железной дороги, управление учебными заведениями, переселенческое управление) имели свои строительные отделы и своих архитекторов или инженеров, ведавших проектированием и строительством зданий. Утверждение проектов и смет на отдельные сооружения проходило также через Инженерный комитет главного инженерного управления военного министерства. Центральной консультирующей инстанцией по художественным вопросам отдельных памятников и церквей была Академия художеств.

Должность городского архитектора официально появилась в конце XIX в. в Ташкенте, а позже и в других, относительно крупных городах края⁹. В положении Государственного совета предусматривалось семь городских архитекторов — для 1) Казалинска и Перовска, 2) Аулиеата, Чимкента и Туркестана, 3) Намангана и Чуста, 4) Коканда, 5) Андижана и Оша, 6) Старого и Нового Маргелана, 7) Самарканда. Архитекторы были обязаны составлять проекты и сметы на постройку и сооружение городских церквей, мечетей, больниц, скотобоен, общественных отхожих мест, дорог, улиц, мостов, ирригационных и других сооружений и контролировать производство работ. На административных должностях мы встречаем почти всех архитекторов и гражданских инже-

неров, которые занимались практикой архитектуры: так, чиновником по особым поручениям с 1887 г. был В. С. Гейнцельман, которого в 1908 г. сменил Г. М. Сваричевский — два наиболее активных, талантливых и авторитетных инженера и архитектора. Должность Ташкентского городского архитектора последовательно занимали А. В. Макаров, Н. Ф. Ульянов, Е. П. Дубровин, Г. М. Сваричевский, Г. Б. Эппель, К. М. Тильтин, И. А. Маркевич. В строительном отделении Сырдарьинской области на разных должностях работали: Д. К. Зацепин, Ф. Базилевский, И. А. Леханов, А. Л. Бенуа, В. В. Есаков, И. М. Погосский, Н. М. Габбин, В. И. Новиков, Р. И. Зарако-Зараковский, И. А. Маркевич; в строительном отделении Самаркандской области М. Ижицкий-Герман, А. Л. Бенуа, И. П. Петровский, Е. П. Дубровин, И. П. Лебедев, М. А. Туманов, А. А. Сухарев, техники Н. Л. Зладостанов, В. С. Волков и другие; в строительном отделении Ферганской области: И. А. Леханов, И. Р. Сакович, В. И. Новиков, И. А. Бот, Э. Г. Брун Бардовский, В. К. Красовский, К. М. Тильтин.

Велика была роль городских архитекторов А. П. Зенкова — в застройке центра г. Верного, К. А. Хачатуряна — в застройке Намангана и Коканда, М. Ф. Мауэра — в организации застройки Коканда, Ф. В. Земана — в Аулие-ата и Чимкенте.

Очень много сделали в разбивке жилых кварталов, определении профилей улиц, в устройстве городской ирригации и озеленении городов областные ирригаторы и землемеры. Большая заслуга в обводнении и озеленении Ташкента принадлежит ирригатору Н. Ф. Ульянову, Самарканда — А. Н. Черневскому, Нового Маргелана — И. Р. Саковичу и Синклеру.

Анализируя застройку отдельных городов, мы уже отмечали, что социальное и имущественное неравенство откладывало на нее очень большой отпечаток. В руках отдельных предприимчивых людей сосредоточивалось много участков, которые становились предметом откровенной спекуляции.

Этому немало способствовали правила и местные постановления об устройстве городов. Так, по решению городского комитета по застройке нового города Ташкента, в 1868 г. за норму отводимого участка принималась площадь в 12,5 сажень длины и ширины. Причем, все места были разделены на три разряда с оплатой в 30, 20 и 10 рублей, в зависимости от местоположения участка⁹.

Правила застройки Нового Маргелана в 1879 г. предусматривали плату за участки по 10 копеек за квадратную сажень, одинаковую для всех кварталов города. Но те же правила предусматривали выделение участков в центральных кварталах тем обывателям, которые намерены были построить более крупные дома¹⁰. В результате в центре города возникали постройки, принадлежавшие государственным учреждениям и частным лицам из зажиточной верхушки. На окраинах городов, в слободках, эти же правила предусматривали выделение безвозмездно небольших участков земли семьям солдат и ушедшим в запас нижним чинам.

Положение еще более обострилось в начале XX в., когда выделяли участки под застройку только на аукционном торге¹¹, что привело к сосредоточению городских земельных владений в руках очень богатых людей. Бедный люд о приобретении участка мог только мечтать.

Все местные решения и правила рассматривали и порядок застройки частных владений. Они обязывали владельцев в течение года обнести участки забором, устроить тротуары (не меньше двух аршин ширины) и арыки с мостиками и посадить вдоль них деревья. Правила предлагали также выравнивать проезжую часть дорог и запрещали устраивать на месте ямы для замеса глины, изготовления кирпича и т. п. По истечении года предлагалось приступить к строительству дома и закончить его в течение двух (или трех) лет. Строить разрешалось из сырцового кирпича, обязательно с фундаментом глубиной 0,5 аршина ниже уровня промерзания почвы, и цоколем, высотой не менее трех четвертей аршина. Стены должны были быть толщиной не менее одного аршина¹².

Не случайно поэтому все среднеазиатские города, в основном, были застроены одноэтажными сырцовыми домами.

Почти все новые города Туркестана были неплохо озеленены и обводнены, но и все были неблагоустроены. Водопровода не было, основной источник снабжения водой — уличные арыки. Для питья и приготовления пищи горожане пользовались общественными и частными колодцами, которых было мало. В Ташкенте и Самарканде можно было пользоваться привозной водой из артезианских ключей, но она стоила дорого. Не было и канализации, ее заменяли выгребные ямы для нечистот во дворах. Не случайно в городах дореволюционного Туркестана постоянно вспыхивали эпидемии холеры, дизентерии, брюшного тифа и другие заболевания.

Пыль и грязь типичны для всех городов. Шоссирование проезжей части улиц началось лишь в середине восьмидесятых

годов. Несколько позднее начали делать булыжные мостовые, кирпичные тротуары. Но даже в центральных районах новых городов до самой революции были улицы, где зимой лежала непролазная грязь, а летом все покрывалось пылью.

В Перовске (Кзыл-Орда) только в 1901 г. улицы получили названия¹³. Нигде не было общественного транспорта. Только в Ташкенте 29 декабря 1912 г. впервые пустили электрический трамвай, и три маршрута связали центр города с вокзалом и окрестностями. В это же время сделаны и первые попытки осветить отдельные учреждения и жилые дома знати,¹⁴ проводятся первые изыскания для строительства гидроэлектростанции у головы р. Салар.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что одним из важных стимулов роста среднеазиатских городов было строительство железной дороги. Построенная, в основном, из стратегических соображений, она объективно способствовала развитию капиталистических отношений, строительству новых промышленных предприятий, росту рабочего класса, появлению на окраинах городов новых рабочих районов. Естественно, и новые промышленные предприятия, и жилые рабочие районы тяготели к железной дороге, где находились пристанционные железнодорожные промышленные узлы, — ремонтные мастерские, депо. Собственно, именно строительство железной дороги вызвало развитие крупных населенных пунктов — Кызыл-Арвата, Казанджика, Теджена, Кагана, Арыси, Туркестана, — население которых, в основном, и было связано с работой на «чугунке».

Строительство в то время железной дороги и всех связанных с ней сооружений —

очень крупное достижение передовой русской строительной и инженерной мысли. Дорогу строили в очень тяжелых условиях, на мало освоенной территории, через труднопроходимые безводные пустынные районы, при нестерпимой жаре. Вели ее от Красноводска и к 15 октября 1886 г. дошли до Кызыл-Арвата. 15 мая 1888 года началось железнодорожное сообщение между Красноводском и Самаркандом. Протяженность Закаспийской дороги до Самарканда — 1415 верст, а ветка от Байрамали до Кушки — 293 версты. Таким образом, длина дороги была около 1800 км. Строили ее под руководством генерала Анненкова. В 1888 г. инженер Балинский построил возле Чарджоу мост через Амударью длиной 1250 саженьей (более 2,5 км) — очень сложное инженерное сооружение.

В мае 1895 г. под руководством инженера А. И. Урсати началось строительство железной дороги от Самарканда до Андижана, с веткой на Ташкент, работами руководил инженер Соханский. Официальное открытие движения поездов от Ташкента до Красноводска состоялось 1 мая 1899 г. Тогда же началось строительство дороги между Ташкентом и Оренбургом, а 1 января 1906 г. открылось движение поездов между этими городами. Примечательно, что все железнодорожные сооружения южной части Ташкентской железной дороги (которая строилась под руководством инженера О. П. Вяземского) — вокзалы столицы края и крупных узловых станций, водонапорные башни, депо, жилые дома работников железной дороги и другие — сделаны очень капитально, имели запоминающийся архитектурный облик, и по конструктивным и художественным качествам не только не уступали, но, может быть, и превосхо-

дили подобные постройки на многих железных дорогах центра России.

Наиболее выдающимся сооружением всей Среднеазиатской железной дороги был постоянный металлический мост через Амударью, построенный в 1901 г. под руководством инженера С. И. Ольшевского по проекту инженера С. И. Янушковского. В основу проекта был положен статический расчет и принципы конструирования металлических ферм тридцатисажженного пролета, предложенные выдающимся отечественным мостостроителем профессором Н. А. Белелюбским для мостов Забайкальской железной дороги. Амударьинский мост имеет двадцать пять пролетов с расстояниями между опорами в осях 31,57 сажени (67,24 м), длина всего моста — около 1680 м. И хотя мост был несколько короче предшествовавшего деревянного, он по тем временам считался одним из наиболее крупных железнодорожных. Пролетные строения были подняты над возможным наивысшим уровнем воды на 2,74 сажени, или 5,8 м — это фермы американской треугольной системы со скошенными концами и ездой по нижнему поясу¹⁵.

Крупным событием в техническом отношении было и строительство четырехпролетного металлического моста через Сырдарью, с длиной пролета в 40,1 сажени.

Наглядным выражением высокой технической мысли тех лет в Туркестане были проекты первых железобетонных многопролетных мостов через Сырдарью (1907 г.) и Чирчик (1899—1912 гг.), составленные инженером Г. М. Сваричевским. Причем, последний мост предполагался длиной в 489,3 м, на сегментных железобетонных фермах с пролетом в 23,3 м¹⁶.

Безусловно, крупнейшим техническим достижением того времени явилось строительство Романовского ирригационного канала (инженер Толмачев), который сделал возможным начало освоения Голодной степи; в реконструированном виде он сейчас орошает большое количество земель. Водоразборная плотина этого канала близ Бекабада была сделана довольно красиво; фланкирующие ее каменные ступенчатые пилоны с металлическими плитами с текстом и орлами выглядели весьма эффектно.

Под руководством генерал-лейтенанта В. И. Янушковского в 1897—1903 гг. были построены оборонительные сооружения — казармы, цейхгаузы, штабные, жилые и прочие здания в Кушке, в Асхабаде с Актепинским лагерем, Красноводске и Мерве, военная крепость Термез на берегу Амударьи на границе с Афганистаном¹⁷. И с точки зрения чисто военных оборонительных качеств, и с точки зрения функционального удобства их эксплуатации они были сделаны весьма хорошо.

Заслуживает упоминания почтовый тракт, построенный тем же военным инженером В. И. Янушковским между Самаркандом и Термезом, длиной в 338 верст (около 360 км). Тракт проходил, начиная от перевала Тахтакарача и до Термеза, по землям Восточной Бухары, подчиненной Бухарскому эмиру. Это вызвало необходимость строить укрепленные постоянные дворы, в которых постоянно пребывала вооруженная охрана. По архитектурным и планировочным качествам эти сооружения не лишены черт своеобразной экзотики. Они были обнесены глухими кирпичными стенами с угловыми гранеными башнями и стрелковыми бойницами, внут-

ри были открытые навесы для лошадей и повозок, а также дом смотрителя с комнатами для путников.

Очень трудно пришлось строителям тракта на участке перехода через Туркестанский хребет, Байсунские и Шерабадские горы. Здесь пришлось делать сложные подъемы и спуски, сопровождавшиеся устройством подпорных стен, каменных ограждений, мостов.

Отметим, что военные инженеры в освоении края, особенно в первое время, сыграли весьма положительную роль. Они не только строили фортификационные, чисто военные сооружения, они и принимали участие в составлении проектов планировки первых населенных мест, в строительстве гражданских и ирригационных сооружений. Военные инженеры и военные топографы были людьми значительно более образованными, чем офицеры других родов войск, обычно заполнявших все свободное время вином и картами. Здесь уместно вспомнить упомянутых уже военных инженеров И. Т. Пославского и Б. Н. Кастальского — людей широкой эрудиции, страстных любителей среднеазиатских древностей, много сделавших для становления местной археологии. Фамилии многих военных инженеров мы встретим при анализе градостроительной структуры отдельных городов и построек.

С конца XIX столетия в среднеазиатских городах архитектурно-строительной деятельностью занимались, в основном, гражданские инженеры, которые ещё в стенах института, наряду с солидной инженерно-строительной подготовкой, получали архитектурно-художественные навыки. Военных инженеров, которые сочетали бы свою деятельность в военно-инже-

нерных учреждениях с гражданским строительством (И. Т. Пославский, Б. Н. Кастальский), или которые оставили военную и перешли в гражданскую службу (М. А. Туманов), становилось все меньше. Заметим, что в Туркестане работали и выпускники Академии художеств (А. Л. Бенуа), известные архитекторы и скульпторы центра России (М. О. Микешин, А. А. Обер, Ф. И. Лидваль, А. Н. Гоген, А. И. Резанов).

И все же, «как ни малочисленны они были, у них возникала потребность творческого общения друг с другом, обмена опытом, коллективного обсуждения и решения тех или иных вопросов. Они стремились популяризировать достижения русской и мировой (а также местной) научно-технической мысли в широких кругах населения, способствовать таким образом техническому прогрессу»¹⁸.

Многие из них стали членами Туркестанского отдела Русского технического общества, которое наиболее активно функционировало в последнем десятилетии XIX в. и объединяло людей различных специальностей. На заседаниях общества заслушивали доклады, устраивали публичные лекции, материалы которых иногда публиковались в Туркестанских ведомостях, статистических сборниках и записках Русского технического общества. Среди докладов и лекции, прочитанных в разное время и показавших глубокий интерес инженеров к важным местным проблемам, следует отметить доклады И. Т. Пославского «О регулировании р. Амударьи и выборе места для предполагавшегося к постройке постоянного моста через реку Амударью у Чарджуя», «О водоснабжении города Ташкента», «О строительных работах в Ташкенте, части здания», А. Ю.

Мацкевича «О рациональном способе шоссирования улиц города Ташкента», В. С. Гейнцельмана «Отопление жилых зданий»¹⁹, Н. И. Габбина «О рациональном водоснабжении города Ташкента»²⁰.

Очень интересным был доклад Н. И. Габбина «Свойства пород леса Ташкентского района в качестве строительного и подделочного материала». В нем сообщались механические и статические свойства разных пород дерева, их удельный вес, сопротивление сжатию, разрыву, коэффициенты упругости, степень трудоемкости при разделке древесины, давались рекомендации для применения в строительстве²¹. Это было актуально, так как до постройки Оренбург-Ташкентской железной дороги все строительство в Туркестанском крае ориентировалось, в основном, на лес местных пород²².

Туркестанское отделение Русского технического общества перестало функционировать с начала XX века. В 1906 г. была сделана попытка создать новое общество инженеров и техников; даже было заслушано несколько докладов, в частности, инженера К. Н. Кашкина «Новый способ борьбы с экономической невыгодой крутых уклонов продольного профиля железных дорог с помощью электрической тяги», инженера С. Б. Дзеванковского «О железобетонных сооружениях, с которыми до сих пор Туркестанский край знаком не был»²³. Дальше этого, к сожалению, дело не пошло, общество не возродилось.

Важным моментом в расширении инженерных познаний было изучение условий строительства в сейсмических районах Туркестанского края. Разрушительные землетрясения 1866 г. и 1886 г. в Ташкенте, 1887 г. в г. Верном и 3 декабря 1902 г.

в Андижане наметили районы, наиболее опасные в сейсмическом отношении, предупредили о необходимости более высокой требовательности к прочности зданий.

Особенно разрушительным было Андижанское землетрясение — в городе и окрестных селах было разрушено большинство построек, отмечено много жертв среди населения²⁴. Землетрясение вызвало большой резонанс не только передовой интеллигенции, но и всего населения Туркестанского края, привело к существенным изменениям характера монументального строительства как общественных, так и жилых зданий. В разрушенный город выехала специальная комиссия²⁵. Она задавалась целью выяснить: какие части зданий оказались сравнительно более устойчивыми; что этому способствовало; имели ли влияние на степень разрушения род материалов, из которых возведены здания, то есть, какие сооружения оказались более устойчивыми: из жженого кирпича, сырцового или фахверковые (каркасные); имел ли какое-либо влияние раствор, на котором сложены стены; как отразилось землетрясение на балках и стропилах; есть ли какая-либо разница в разрушении зданий, крытых железом и крытых землей»²⁶. Выводы были весьма любопытные. Наибольшему разрушению подверглись постройки из сырцового кирпича. В новом городе только две постройки из сырцового кирпича «сохранили подобие прежнего вида, но и они подлежат сношению». Каркасные стены при исправном состоянии и хорошем устройстве вполне устояли. Массовое разрушение каркасных, по местной терминологии — «синчевых», построек объясняется их ветхостью, нижние и верхние обвязки от попадавшей на них

влаги сгнили, а при подземных толчках тяжелая земляная крыша приобретала такую силу инерции, что слабый каркас противостоять ей не смог.

Стены из жженого кирпича оказали наилучшее сопротивление разрушительной силе землетрясения. Частично разрушения объяснялись слабыми вяжущими свойствами известкового раствора и недостаточной толщиной несущих кирпичных стен.

На основании изучения комиссией последствий андижанского землетрясения впервые в практике отечественного строительства были сделаны рекомендации по ряду конструктивных вопросов с учетом возможности сейсмических толчков. Они ограничивали широкое применение сырцового кирпича в строительстве общественных построек, разрешали высоту стен одноэтажных построек не более шести аршинов (4,25 м), устанавливали толщину наружных стен в один аршин (71 см), а расстояние между поперечными стенами в 8—9 аршин (5,70—6,40 м). Разрешалось строить даже двухэтажные каркасные дома, но при условии хорошей изоляции нижней обвязки от почвенной влаги. Стены домов из жженого кирпича следовало укладывать на более прочном растворе с применением портланд-цемента, стены связывать между собой железными связями — в монументальных постройках, и деревянными — в жилых. Кроме всего этого, указывалось на необходимость обратить особое внимание на качество строительства, гарантирующее постройки от всяких случайностей²⁷.

Все эти наблюдения и антисейсмические рекомендации в сравнении с современ-

ными СНИПами по строительной антисейсмике кажутся наивными и даже несколько примитивными. Но тогда наблюдения и рекомендации комиссии, опубликованные в местной прессе, сыграли очень большую роль в изменении характера строительства; они легли в основу составленных в 1905 г. «Правил постройки массивных казенных зданий в г. Андижане и проекта постройки зданий в землетрясительных районах». Основное внимание в этих правилах уделялось качеству и прочности строительства.

Вместе с развитием экономики края широко внедрялось новое жилье с применением реабилитированного каркаса, кирпичных доколей и облегченной железной кровли в узбекских и таджикских домах.

В европейском монументальном строительстве активнее начинали внедрять скрытый металлический каркас и наружные контрфорсы (главное здание Кадетского корпуса), а впоследствии и железобетонный каркас, антисейсмические армированные пояса (здание Судебных установлений, цирк Цинцадзе). Все эти постройки успешно выдерживали многие последующие достаточно сильные землетрясения.

Хотя в Туркестанском крае новинки техники и сложные конструкции, связанные с освоением новых прогрессивных строительных материалов, внедрялись значительно медленнее, чем в центре России, факт их применения свидетельствует о серьезном отношении к этому делу.

Уже в 1896 г. организаторы Технического общества устроили экскурсии во вновь построенное здание Военного собрания для ознакомления с металлическими кон-

струкциями перекрытия центрального зала. В 1898 г. такие экскурсии ознакомили с принципами работы центрального водяного отопления, впервые примененного в здании Реального училища.

В начале XX в. сложные металлические конструкции больших пролетов встречались в зданиях дизельной станции и депо трамвайного парка. Наглядным примером внедрения новой строительной конструкции стало здание цирка Цинцадзе, построенного Г. К. Поповым на основе пространственно сложной системы монолитного железобетонного каркаса, связанного плоскими перекрытиями и несущего большой, сборный металлический купол пролетом в 33 метра.

Сложные железнодорожные сооружения через крупные реки Амударью и Сырдарью, Заравшан, через глубокие саи, внедрение в монументальное строительство сложных систем металлического и железобетонного каркаса, применение большепролетных перекрытий из металла под руководством крупных талантливых инженеров, свидетельствуют о достаточно высоких темпах развития строительной техники в Туркестане.

Вместе с тем, в начальный период все постройки в крае были еще технически очень несовершенны. На строительстве казарм, складов и даже жилых домов использовали местную традиционную технику кладки лессовых стен из пахсы или сырцового кирпича, штукатурили стены глиносаманным раствором. Наглядный пример использования в новом, европейском строительстве традиционных местных технических приемов — дом генерала М. Г. Черняева, резиденция Туркестанского генерал-губернатора в Ташкенте. Дом сыр-

цовый и на первых порах даже имел глиносаманную крышу.

Применяли глиносаманные крыши на первых порах повсеместно. Иногда городской ландшафт оживляли крыши из черепицы, а в сельской местности широкое распространение получили крыши из камыша.

Многие местные традиционные технические приемы в жилой застройке сохранились и позже, когда местная промышленность стала обильно снабжать строительство жженым кирпичом, известью, а торговые фирмы — привозным железом, стеклом, российским строительным лесом, фанерой и пр. Это были традиционные глинобитные дувалы, окружавшие земельные участки, изделия из камыша — циновки — буйра и чия, входившие в структуру чердачных перекрытий и штукатурных потолков из местного алебаstra (ганча). В одноэтажных жилых домах весь дооктябрьский период и позже в конструкциях стен используют традиционный сырец, безусловно, из экономических соображений. В конструкциях перегородок, стен второго этажа, чердачных очень распространен облегченный деревянный каркас, заполненный кирпичом или высушенными на солнце глиняными комками овальной формы (гуваля). И здесь, безусловно, учтены местные условия сеймики.

Но дома конца XIX — начала XX вв. стали уже более капитальными, их возводили на фундаментах и цоколях из жженого кирпича, в большинстве случаев перекрывали железными — более легкими и надежными — крышами. Однако во многих городах Туркестана плоские глиносаманные ещё долго сохранялись крыши местного типа — они обладали хорошими теп-

лофизическими данными, а атмосферных осадков в этих районах было очень мало.

Часто внешне, с уличного фасада жилые дома полностью облицовывали жженым кирпичом с фигурной выкладкой карнизов, наличников, пилястр — это придавало им более солидный и монументальный облик.

В то же время в жилое и культовое строительство старых городов начали активно проникать новые строительные материалы и технические приемы: сначала в казенные и торговые здания, принадлежавшие русским и местным предпринимателям, а затем и в жилые, обильно возводившиеся в это время местной знатью.

Жженный кирпич заводского изготовления (так называемый, «солдати») стали применять при кладке цоколей, и особенно стен первого этажа, когда в нем располагались хозяйственные помещения и когда над ними находились жилые комнаты мужской половины. В архитектуру жилого дома вводятся железные крыши, оконное стекло, дощатые полы, фанерные потолки, различные деревянные элементы — оконные и дверные рамы, балясины, розетки, выполненные на токарных станках, даже металлические элементы ограждений балконов, фурнитура окон и дверей, печи.

Внедрение новых, более прогрессивных материалов, привело не к замене одного технического приема или конструктивного элемента, а к обновлению всей архитектуры жилья.

В Ташкенте это способствовало развитию типа жилого дома, в котором на втором этаже располагался крытый железом дворик-атриум, объединявший приемные помещения мужской половины. В Самарканде, да и в Ташкенте стали строить двух-

и трехэтажные дома с открытыми или закрытыми дворами на втором этаже. Внедрение оконного остекления, деревянных полов, печей улучшило внутренний температурный режим помещений, способствовало более свободному положению их в плановой композиции дома и меньшей зависимости от ориентации. Внешний облик домов стал солиднее и внушительнее.

Слиянию местных, традиционных технических приемов и привнесенных из России способствовало активное рабочее содружество многочисленных, часто очень талантливых местных мастеров-строителей, с приехавшими русскими мастерами и инженерами.

Мы уже говорили о большом вкладе русских инженеров и архитекторов Саковича, Маргулиса, Роба и других в строительство больничных, торговых, банковских и, особенно, дворцовых зданий в Хиве и Бухаре — городах, сохранявших старые феодальные нормы жизни. Здесь они сотрудничали с лучшими местными мастерами, особенно мастерами-отделочниками, с которыми вместе создавали синтетические и очень высокие по своим техническим и художественным качествам архитектурные произведения (например, Белый зал в Ситора-и Мохи-Хоса).

С другой стороны, артели местных узбекских и таджикских мастеров-строителей под руководством русских инженеров строили здания новых городов. Причем, часто эта работа не соответствовала нормам мусульманской религии, к которой принадлежали мастера. Из литературных источников известно, что все кирпичные работы на строительстве крупной Сергиевской церкви в Ташкенте выполняли рабочие-узбеки под руководством А. А.

Бурмейстера²⁸. Или другой пример, когда старые мастера-ганчкоры (резчики по алебастру) отказались отливать человеческие маски для плафона зала Офицерского собрания, так как ислам запрещал изображение живых существ, особенно человека, нашелся молодой мастер Шорахим Шамурадов, который выполнил эту работу²⁹.

Сохранился рапорт производителя работ на стройке Спасо-Преображенского собора инженера В. С. Гейнцельмана, в котором он ходатайствовал о награждении местных мастеров-узбеков, занятых на отделке интерьера собора: «...Юсуп-бая и Тохта-бая, несомненно, самых лучших штукатуров и резчиков в Ташкенте. Они были на работе от начала до конца ее, изготовили наиболее сложные украшения и руководили всеми работами. Затем отличными резчиками оказались Мад-Мусса и Усман, сделавшие остальную тонкую работу. Наконец, как хороших, аккуратных и добросовестных штукатуров и шаблонщиков, я должен рекомендовать Абдуллаида Асламкула, Юсуп-ходжу Ибрагим-ходжиева, Шир-бута и Талып-джана. Награждение вышеназванных лиц я считаю необходимым для поощрения хороших и добросовестных рабочих»³⁰.

В 1912 г. А. И. Добросмыслов отмечал, что в последние тридцать лет ремесленники-узбеки в Ташкенте «стали быстро усваивать приемы русских мастеров по плотничьей и столярной части, кровельному и кирпичному делу и др., и берут подряды на эти работы в русской части города, и нужно полагать, что русский рабочий в скором времени будет совершенно вытеснен», так как местные мастера работают гораздо дешевле³¹.

Особенно значительна роль ганчкоров и наккошей (мастеров-резчиков по алебастру и мастеров художественной и орнаментальной росписи) в оформлении интерьера. Их работы можно было встретить в интерьерах ташкентского Белого дома, дворца великого князя Николая Константиновича, дома А. А. Половцева, в самаркандском доме Калантарова, в парадных залах и навильоне «Восьмигранник» дворца Ситора-и Мохи-Хоса. Речь идет о декорировании интерьеров местным традиционным декором (часто на очень высоком художественном уровне) в зданиях нового функционального назначения и имеющих совершенно европейский внешний облик. Привлечение к работе местных мастеров сопровождалось и первыми попытками создать здания местного стиля, чтобы в объемной композиции, в решении фасадов перерабатывались приемы местной традиционной архитектуры. Это мы видим в здании мечети в Петербурге (1911 г., архитекторы В. В. Васильев и А. И. Гоген, при участии усто Курбана), в здании кинотеатра «Хива» (инженер Г. М. Сваричевский), в станционных постройках вдоль железной дороги от Кагана до Термеза (архитектор Д. М. Иофан), в зданиях больницы, почты, новометодной школы в Хиве и других.

И хотя попытки создать местный стиль основывались только на внешних формах, даже факт их существования уже был явлением положительным. Однако были и здания, проектировавшиеся в отвлеченных «восточных» или мавританских формах, совершенно не свойственных Средней Азии (дворец эмира в Кагане, железнодорожный вокзал в Красноводске, спальный корпус в Ситора-и Мохи-Хоса, проек-

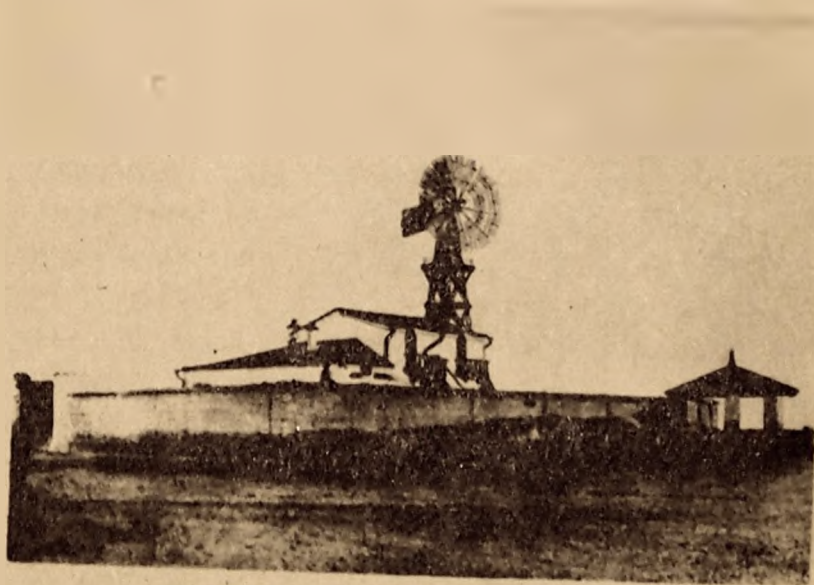

лик, но все это было чуждо среднеазиатской архитектуре.

Таким образом, в новом строительстве были попытки создать архитектуру, тесно увязанную с местными, среднеазиатскими традициями. Однако единый местный новый стиль создан не был, и все существовавшие направления вошли в общее русло эклектики — характерного явления XIX — начала XX вв. во всем мире.

Оценивая направление художественного развития архитектуры русских городов в Средней Азии как эклектическое, в то же время надо отметить, что эклектика здесь носила и общие с Россией, и свои отличительные черты.

Постройки здесь значительно скромнее,

103.

Старый мост через Сырдарью.

104.

Мост через Сиаб.

105.

Пост в Голодной степи при строительстве канала.

ты дома генерал-губернатора в Ташкенте, выполненные В. С. Гейнцельманом). Подковообразные, килевидные или фестончатые арки, остроконечные шпили, декоративные купола прихотливых очертаний, полосатая, клинчатая кладка стен и арок придавали зданиям довольно экзотичный об-

чем в российских городах — нет показного великолепия и пышности форм, присущих центру. В казенных зданиях эклектика проявилась только как внешнее применение архитектурных форм из различных исторических стилей. Примеров, где архитектура претенциозна и воплощает самодовольство богатого капиталиста, немного, и они не определяют общую направленность архитектуры. Мы имеем в виду несколько особняков капиталистов, отдельные здания банковских учреждений и контор торговых фирм (Русско-Китайский банк в Коканде, здание торговой фирмы Кузнецов, Губкин и Ко в Самарканде и др.).

Эклектика в Средней Азии не пришла на смену большим стилям, как классицизм и барокко, давшие миру великолепные образцы ансамблевого строительства, созданные гениальными архитекторами. Здесь эклектика связана с появлением принципиально новой архитектуры после долгого и тяжелого упадка, новой архитектуры, связанной со становлением новой, прогрессивной техники и массовым строительством как в новых, так и в старых городах. Эта архитектура связана и с появлением, помимо зданий административных, культовых или принадлежащих новому капиталистическому обществу, зданий общественного назначения — аптек, больниц, поликлиник, библиотек, театров, кинотеатров, различных учебных заведений и прочих зданий, не знакомых старой, феодальной Средней Азии с ее мракобесием, невежеством, произволом местных властей и засилием ортодоксальной религии ислама.

Высокое качество строительства большинства объектов только подтверждает

этот тезис. В то же время, учитывая классовый характер общества, архитектура несла идеи господства русского самодержавия. Такая идейная нагрузка обычно возлагалась на так называемый псевдорусский стиль, который, как правило, отражался в архитектуре соборов, церквей. Показать силу самодержавной власти царизма и православия, как его идеологической опоры, было основным назначением архитектуры этого стиля и этих построек.

Не случайно среди других предпочтений было отдано А. Н. Резанову, представившему проект ташкентского Спасо-Преображенского собора, выполненного в псевдо-византийских формах, рассматривавшегося в официальных кругах русского общества второй половины XIX в., как «праматерь православного зодчества». В том же духе были построены церкви в Новом Маргелане (архитектор И. С. Китнер), привокзальная церковь в Ташкенте (Г. М. Сваричевский), церковь в Перовске.

Ту же идеологическую нагрузку несли постройки, воздвигнутые в подражание памятникам московской архитектуры XVII века с декоративными главками, обилием различных других декоративных деталей, и их живописным размещением на внешних поверхностях. Такими, например, были церковь в с. Никольском, Учительская семинария, Алексеевская церковь, здание Государственного банка в Самарканде и др. С постройками XVII века их сближала внешняя фактура жженого кирпича, которая в XVII в. была разработана великолепно.

Более демократический характер имели постройки псевдорусского стиля, в которых характер объемной композиции

и рисунка применяемых элементов навеян формами деревянного русского зодчества или памятников русской архитектуры более древних времен — новгородско-псковской архитектуры XII—XIV вв. Это павильоны и входные ворота на выставку 1890 г., фасад здания Учительской семинарии (архитектор А. Л. Бенуа), Георгиевской церкви в Самарканде, церкви и здания фирмы «Треугольник» в Коканде. Несмотря на более мелкий масштаб, все эти постройки отличались меньшей сухостью деталей и менее казенным обликом.

Архитекторы в Туркестане, обычно отдавая дань времени и выполняя волю заказчика, работали в нескольких стилевых направлениях. Образцом творческой и служебной деятельности архитектора в конце XIX и начале XX вв. в Туркестане был инженер В. С. Гейнцельман, наиболее известный, деловой и солидный архитектор. Не случайно исследователи архитектуры того времени особо отмечают, что «проекты его были выполнены с исключительной добросовестностью и стремлением к выразительности»³². Двадцать два года, до 1908 г., он работал чиновником для особых поручений при Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора по строительной части, и в его руках был сосредоточен контроль и консультации по всем крупным проектам зданий в крае. Сам он построил много зданий различного назначения в Ташкенте, Самарканде, Коканде, Туркестане, и все они выделяются высокими техническими и художественными качествами. Ему, в частности, первому принадлежит заслуга использования жженого кирпича как надежного средства обработки внешних фасадов. Построенные им здания с использованием жженого кир-

пича в обработке фасадов, особенно в соединении с известковыми отливками отдельных деталей (Госбанк в Ташкенте, дворец великого князя и др.) — лучшие образцы подобной техники.

Мы уже говорили о его необычайном интересе к особенностям строительства в местных природных условиях, в частности, в условиях высокой сейсмичности. Его отличала исключительная работоспособность, его часто награждали, вводили в состав комиссий³³. В то же время он очень много проектировал; его чертежи, очень точные, были выполнены изящно и в коричневом тоне, штрихом и отмывкой³⁴. Иногда он выступал в проектах в соавторстве с Л. Киселевым (в проекте здания Казенной палаты), Максимовым (в Реальном училище), А. Л. Бенуа (часовня в с. Вревском, дворец великого князя), но в соавторстве он всегда был ведущим. Но самое главное состояло в том, что он обычно сам был непосредственным руководителем строительных работ. Причем, руководя строительством, он, творчески изменяя и совершенствуя идеи, заложенные в проекте, приспособлял проект к реальным условиям.

Отдавая дань времени, он работал в нескольких стилевых направлениях. Выбор того или иного «стиля», безусловно, зависел от функционального назначения объекта. Так, в здании Госбанка явно заметны черты барочной архитектуры — группировка приставных колонок, раскрепованные карнизы, наличники с лучковыми арочками и пр., придавали зданию характер пышности и богатства, что соответствовало его назначению.

В колокольне при Спасо-Преображенском соборе применены те же псевдо-византийские формы, что и в соборе. Это свя-

зывало постройки в архитектурный ансамбль. Своеобразные византийско-восточные формы применены в 1894 г. в проекте нового дома генерал-губернатора, что указывает на попытку развития единого архитектурного ансамбля.

Близкие к собору римско-византийские формы применил В. С. Гейнцельман в некоторых зданиях обсерватории и дворца великого князя. В последнем случае автор стремился создать несколько романтический образ старого охотничьего замка, введя в архитектуру скульптурные изображения благородных оленей, охотничьих собак и конские головы на стенах боковых флигелей.

На последнем этапе его творческого пути, в начале века, в отдельных работах В. С. Гейнцельмана (здания Самаркандской библиотеки и Ташкентского трамвая) заметны элементы прибалтийской готики, что, возможно, подразумевало у архитектора ностальгическую основу. Помимо всего этого, были у зодчего здания казенного, учрежденческого или учебного назначения, близкие по форме западноевропейской эклектике, в которых нет явно выраженных черт стилистической принадлежности. Крупными, имеющими большое градостроительное значение, но стилистически безликими были здания Казенной палаты и Реального училища.

Не редко здания, построенные В. С. Гейнцельманом, становились своего рода образцами и тем самым творчество архитектора оказывало влияние на последующих: многие элементы архитектуры здания Реального училища — крытый вход, актовой зал по центру композиции с выявлением его на фасаде, большие полукруглые окна, декоративные фронтоны

с полукруглыми завершениями — нашли применение и в зданиях гимназий, построенных Г. М. Сваричевским в Новом Маргелане и Самарканде. Есть общее и в характере других архитектурных форм этих зданий.

В объемно-планировочном решении здания гостиницы «Националь» архитектора И. А. Маркевича весьма наглядно влияние Казенной палаты: то же угловое положение с коридорной системой распланировки, то же подчеркивание угла объемом завершенным декоративным куполом, такое же решение лестницы, связанной с многогранным помещением на втором этаже. Здания разнятся разным ритмом оконных проемов, различным рисунком куполов, различной внешней фактурой обработки фасадов. Но это уже дань времени и личным вкусам архитекторов.

А. Л. Бенуа был архитектором, привлекавшим внимание многих исследователей архитектуры колониального Туркестана. Сведения о нем часто противоречивы и спорны. Воспитанник Академии архитектуры, он появился в Ташкенте в 1874 г., а в ноябре 1878 г. его уже принуждали подать прошение об увольнении с должности младшего архитектора Сырдарьинского строительного отделения³⁵. С тех пор он, в основном, занимался частной практикой, проектировал много, и объекты его самые разнообразные, включая караулку для дорожного сторожа³⁶.

Так же, как и другие архитекторы, он сообщал постройкам разный стилистический облик. В 1878 г. в проекте дома военного губернатора Сырдарьинской области³⁷, который предлагали строить на месте нынешнего парка имени Горького, он

применил формы классицизма, в проекте здания кирхи использовал формы прибалтийской готики. Но особенно был привержен «русскому» стилю, создавая постройки и проекты, отличавшиеся меньшей подражательностью и большой человечностью. Таковы его проекты павильонов выставки 1890 г. и здания Учительской семинарии. Таковы его проекты здания Городской думы (1890 г., вместе с Е. П. Дубровиным) и шатровой церкви в с. Чиназ (1889—1905 гг.),³⁸ церкви в с. Белые воды. С большим вкусом выполнил он проект часовни с зеленым шатром и террасой, окружавшей кубический объем с трех сторон, в с. Вревском³⁹.

Из жилых домов, запроектированных А. Л. Бенуа, заслуживают внимания дом переводчика Амударьинского отдела Абдулгани Яушева в Петро-Александровске (1896 г.)⁴⁰ и особняк для К. А. Беньковского в Аулие-ата (1889 г.). В последнем очень рационально решена пространственная композиция с повышенным объемом в середине, с просторными летними террасами, а в планировке четко разделяются жилая и хозяйственная части дома. Архитектура дома решена в тонких, изящных формах, монументальные элементы стен сочетаются с тонкими элементами карнизов и стоек террас⁴¹.

Обычно небольшие по формату проекты А. Л. Бенуа были красиво прорисованы и покрашены акварелью в чистых, ярких тонах в общей зелено-коричневой гамме и наглядно свидетельствовали о том, что их делал большой художник.

Среди архитекторов, работавших в Туркестане, активно использовал формы традиционной местной архитектуры А. И. Леханов, создавший довольно интересное зда-

ние резиденции Ферганского областного губернатора, в котором он соединил классические принципы ордерной архитектуры со стрельчатыми арками.

В Ташкенте, как известно, А. И. Леханов построил здание Контрольной палаты, ему же принадлежал составленный в 1873 г. проект биржи, перестроенной впоследствии в городской театр⁴².

Особенно интересным был его проект караван-сарая на 203 лавки в виде гостиного двора, с расположенным посередине большим трапециевидным двором для открытой торговли. Лавки находились по периметру двора и связаны были между собой галереями по внутреннему и внешнему краю. Строительство этого сооружения, как одного из основных на ярмарке, предусматривалось в районе Минг-урюка⁴³.

Гражданский инженер Г. М. Сваричевский как бы наследует деятельность В. С. Гейнцельмана. Это — ведущий мастер начала XX века. Он сменяет В. С. Гейнцельмана в должности чиновника по особым поручениям и становится основным лицом, регулирующим государственное архитектурное строительство в крае; одновременно являясь основным архитектором отдела народного образования, он проектирует здания гимназий и училищ для Ташкента, Скобелева, Самарканда, Чарджоу. До этого он проектирует и строит вокзалы и другие железнодорожные сооружения, а также отдельные особняки для частных лиц⁴⁴.

Сваричевский, как и другие, работал в различных стилевых направлениях. Можно встретить его постройки, выполненные в формах неоклассицизма (особняк на ул. Гоголя, здание Судебных установлений), неоренессанса (Ташкентский вокзал), да

и такие, в которых стилевую принадлежность и не определишь. Но особенно характерны для построек Г. М. Сваричевского в начале XX в. формы модерна в кирпичном варианте: Вторая женская гимназия, Мариинское училище и аптекарский магазин Ф. Каплан в Ташкенте; особняк бр. Вадьяевых в Коканде. Модерн проявляется в окнах с эллиптическими перемычками, пластической обработке контрфорсов, рисунке металлических ограждений и, особенно, в больших арочных проемах округлой формы.

Большое место в творчестве Г. М. Сваричевского занимает декоративные, крытые металлической черепицей купола. Особенно примечательно использование местных традиционных форм монументальной архитектуры для зданий нового назначения (кинотеатр «Хива»).

Примечательны и его разработка и усовершенствование многих типов зданий массового назначения (зимних и летних кинотеатров, лечебных и учебных зданий), введение в проекты нового и прогрессивного строительного материала — железобетона (крупные мосты), что связывалось еще с антисейсмическими свойствами материала (здание Судебных установлений). Приверженность модерну и новаторские поиски особенно проявились в неосуществленном проекте Технического строительного музея — башенного, двенадцатигранного здания эллиптической формы с несущим железобетонным каркасом — основным средством художественной выразительности. В структуру здания входили и экспозиционные залы, и аудитории для занятий, и комнаты лекторов, а на верхнем, седьмом этаже, находился циркуль-

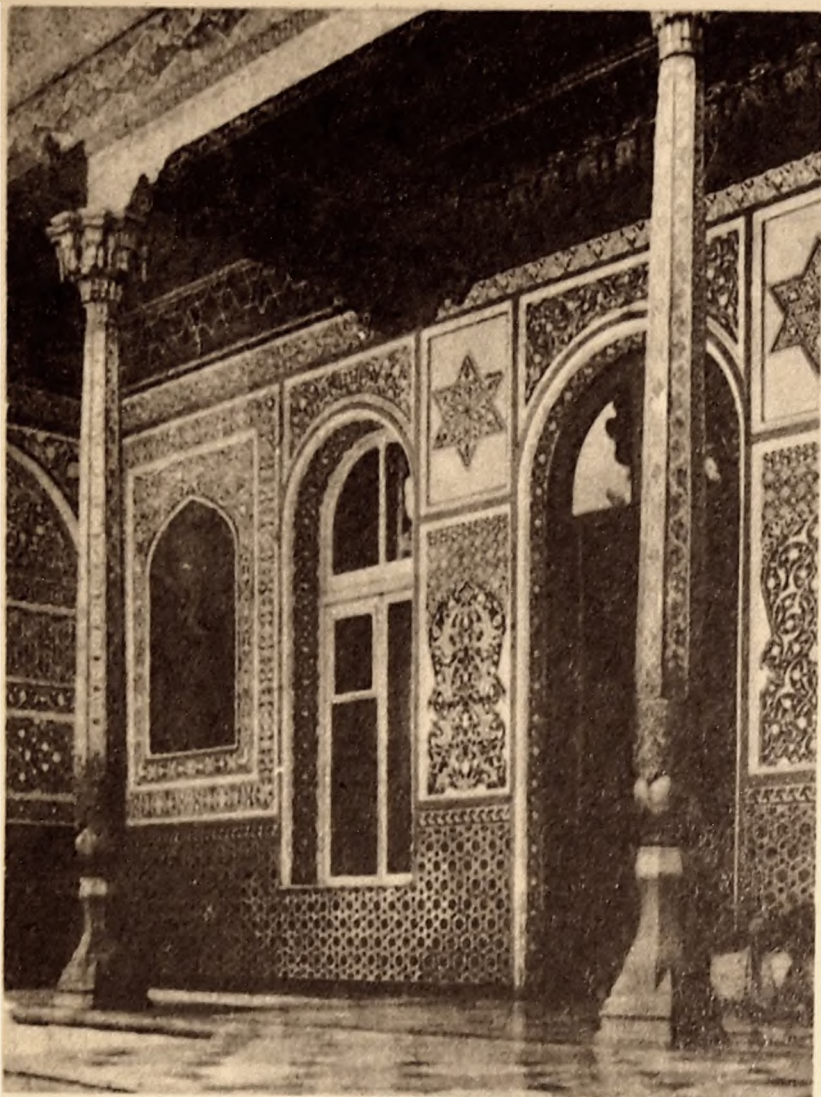
ный зал ресторана с верхним светом, поступающим через круглые окна⁴⁶.

Отметим, однако, что несмотря на то, что во многом Г. М. Сваричевский выступал как новатор, проектировал постройки крупные и запоминающиеся, в прорисовке форм и деталей ему была присуща определенная сухость, жесткость. В зданиях чувствовался здравый, рациональный подход инженера, перед которым художественные моменты отступали на задний план.

Наибольшее внимание художественной стороне построек в предреволюционные годы уделял И. А. Маркевич. Его здания были не только весьма насыщены средствами декора, он придавал большое значение характеру внешней архитектурной формы. С большим вкусом был решен фасад городского театра, когда последний приспособляли для нужд народного дома. Тонко прорисованные формы ионических колонн входного портала в сочетании со скульптурой на фоне лаконичных стен создавали интересный и запоминающийся образ. Формы «немецкого ренессанса» он успешно применил в здании упомянутой гостиницы «Националь» и Доходном доме в районе Воскресенского рынка.

Обильно детали формы модерна применены во внутренней и внешней отделке здания Русско-Азиатского банка в Коканде, они выполнены более тонко и художественно, чем в доме бр. Вадьяевых, на противоположной стороне улицы.

Значительный вклад в архитектурное строительство предреволюционных лет внес инженер Н. Н. Ботвинкин. Так же, как и другие архитекторы, он составлял проекты церквей и особняков, а также

106.

Дом А. Половцева в Ташкенте. Айван.

107.

Дворец Николая Константиновича. Кабинет (реставрация).

108.

Вход на выставку 1895 г.

109.

Проект музея. Архитектурная фантазия. Архитектор Г. Сваричевский.

(в классическом и «мавританских» формах) составил в 1912 г.⁴⁶, церкви в псевдорусских формах для Чимкента и с. Антоновка⁴⁷. Но большего внимания заслуживает разработанный им образцовый проект сельской лечебницы, которая была привязана для Сайрама, Пскента, Троицкого, Нукуса, Чимбая, Мерке, Петро Александровска⁴⁸. Проектировал он также больницу в Кауичи и большое здание школы земледелия и садоводства, включавшее интернат, столовую, лабораторию, канцелярию и квартиру директора⁴⁹.

Мы кратко охарактеризовали творческие поиски некоторых архитекторов: это были ведущие зодчие, определявшие характер развития стилевых поисков. Но было и много других, тоже очень талантливых и широко образованных, оставивших о себе добрую память — Е. П. Дубровин, Н. Латышев, Л. Киселев, К. М. Тильтин, Г. Б. Эншель, В. И. Новиков, В. Н. Кастальский, И. Р. Сакович, И. П. Лебедев, Н. И. Габбин и другие. Все они построили много зданий различного назначения. Много из того, что они построили, сохранилось до нашего времени.

Однако следует отметить, что, завися от прихоти частного заказчика, или не всегда культурного чиновника, ведавшего строительством казенных зданий, архитектор не всегда мог воплотить свои проекты в натуре. Часто очень интересные и новаторские для своего времени проекты оставались на бумаге. Такая участь постигла два проекта двухэтажных доходных домов, разработанные в 1913—1914 гг.

дома военного губернатора Сырдарьинской области, проект которого в двух вариантах

Г. М. Сваричевским, его проект Технического строительного музея (1915 г.).

* * *

Подведем итоги всему сказанному.

Строительство новых городов в Туркестане по интенсивности и характеру можно разделить на два периода: начальный, продолжавшийся до конца XIX в., и период капиталистического развития, кончившийся с началом Великой Октябрьской социалистической революции. В начальный период города представляли собой поселения при военных крепостях, являвшиеся оплотом русского владычества. Это обусловило планировку городов и их довольно скромный облик. Во второй период основным фактором развития городов становятся развивающиеся капиталистическая торговля и промышленность. Города превращаются в центры административной, деловой и культурной деятельности. В это время характерны рост территории городов, строительство учебных, больничных, тор-

говых, а также культовых и мемориальных сооружений. Это же время дает примеры внедрения в строительство новых, прогрессивных строительных материалов

и конструктивных приемов, первых научных исследований особенностей строительства в специфических природных условиях Средней Азии. В это же время происходит строительство более крупных и монументальных зданий, имевших более солидный внешний облик.

Некоторые архитекторы стремятся создавать более выразительный образ активным внедрением форм и приемов модерна, рассматриваемого как стиль, более соответствовавший началу XX в. В это же время создаются и первые новые здания, в которых использованы композиционные приемы и формы традиционной местной архитектуры. Причем эти поиски ведутся в тесном содружестве местных мастеров и русских архитекторов. И, хотя поиски эти не вышли за рамки господствовавшей в то время эклектики, факт их существования знаменателен, как проявление крепнущей дружбы народов.

Среднеазиатские города дооктябрьского периода были очень провинциальными. Только некоторые постройки по размерам соответствовали лучшим образцам центральной России. В то же время, помимо деления на «старый» и «новый», в новом городе, подобно другим капиталистическим городам, начинали появляться рабочие окраины — убогие и антисанитарные флоридки, в которых ютился рабочий люд.

Центральные районы новых городов имели регулярную распланировку с довольно широкими и прямыми улицами, с обильным озеленением и ирригацией. Применение ширококронных деревьев способствовало превращению улиц в тенистые аллеи, на которых пешеход был защищен от палящих лучей солнца. На путях активного пешеходного движения разбива-

ли скверы и бульвары — и это было связано с учетом местного жаркого климата.

Так новый среднеазиатский город превращался в типично южный, но организованный по иным и более прогрессивным принципам, чем старый среднеазиатский, средневековый по облику город.

Архитектура и русское градостроительство в Средней Азии конца XIX — начала XX вв. были явлением прогрессивным, возникшим в результате объективно-прогрессивного присоединения Туркестана к России. Это был новый, качественный скачок в развитии архитектуры, вызванный политическими и социальными изменениями.

Конец XIX — начало XX вв. — переходный этап в развитии среднеазиатского зодчества одновременно с существованием, а в отдельных местах некоторым развитием принципов традиционной местной архитектуры, основанной на применении кирпичных сводчатых и купольных конструкций, деревянного каркаса в жилых домах, орнаментального рельефного и полихромного декора и объемно-планировочных композиций, выработанных в течение столетий. Под влиянием местных социальных, природных и климатических условий развиваются новые прогрессивные приемы градостроительства. Рождаются новые типы зданий, соответствующие новому духу времени, новые конструктивные системы, основанные на внедрении металла и железобетона, новые инженерные сооружения в ирригации и на железной дороге, в промышленности.

Собственно, происходила смена коренных принципов строительства и зарождение новой архитектуры, причем эта архитектура ставилась совместными усилиями прогрессивных русских инженеров, рабочих и местных мастеров-узбеков.

Великая Октябрьская социалистическая революция произвела в Средней Азии колоссальный переворот. Она ликвидировала власть царя, ханов и эмира, власть помещиков, баев и капиталистов. Освобожденные народы Туркестана начали новую, свободную жизнь. Архитекторы и инженеры дореволюционного Туркестана с радостью перешли на сторону Советского государства и начали творить для народа. Они проектировали и строили дома для трудящихся, рабочие университеты, дома культуры, спортивные сооружения и пр. Они продолжали поиск новых стилевых средств выражения, создающих новые образцы сооружений советского времени. Они стали создателями высшей архитектурной школы.

Сегодня процесс активной урбанизации привел к коренной реконструкции городов, к появлению новых. Эта реконструкция связана с развитием современного транспорта, с новыми нормами быта и досуга, с колоссально возросшими техническими возможностями создания высотных, боль-

шепролетных и прочих современных сооружений.

Многое из того, что было построено до Великого Октября, обветшало и не соответствует современным требованиям, а поэтому должно уступить место новому и более современному. Но многие скверы, парки, бульвары, здания, улицы и площади в обновленном виде сохраняются. Реконструкцию ведут нынче с учетом старых планировочных решений, которые определяли и композицию центров новых городов, и их местоположение.

Многие здания начала XX в. и сегодня вполне отвечают современным функциональным требованиям, их используют по своему первоначальному назначению. Другие здания с изменением социального строя изменили содержание и оказались удобными для новых функций.

В этом сила и прогрессивность архитектуры, созданной русскими инженерами и архитекторами в конце XIX — начале XX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

Социальные и культурные предпосылки

1. Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России, Доклады, Ташкент, 1959.
- Б. В. Луни н. Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ж. «История СССР». М., 1959, № 5.
- 2 Б. В. Луни н. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Ташкент, 1962, с. 6—8 и 13—21.
- Он же — Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане (Туркестанский кружок любителей археологии, 1895—1917). Ташкент, 1958, с. 12—22.
- Т. С. Саидкулов. Самарканд во второй половине XIX — начале XX веков. Самарканд, 1973.
3. Б. В. Луни н. Научные общества Туркестана... с. 27.
- Д. Л. Иванов в своих разно-сторонних интересах не обошел вниманием и среднеазиатские древности. Будучи великолепным рисовальщиком, он одним из первых популяризировал среднеазиатские архитектурные памятники, сопровождая тексты своими рисунками с натуры.
4. А. Z e h m a n n. Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842... Beitrage zur Kenntnis des russischen Reiches, SPb 1852.
5. См. напр. И. В. Мушкетов, Туркестан, Геологическое и орографическое описание по данным, собранным с 1874 по 1880 гг. Т. 1. СПб, 1886.
- И. Л. Яворский. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству. СПб, 1882.
- П. Уварова. Поездка в Ташкент и Самарканд. «Русская мысль», 1891, кн. XII.
- Е. Марков. Россия в Средней Азии, Очерки путешественника. Т. I, ч. III. СПб, 1901.
6. А. П. Хорошкин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб, 1876.
- В. И. Масальский. Туркестанский край, Россия, Полное географическое описание нашего отечества. Т. XIX. СПб, 1913.
- П. Лавров. Туркестан. Ташкент, 1915.
- П. С. Васильев. Ахал-Текинский оазис, его прошлое и настоящее. СПб, 1898.
- А. А. Михайлов. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Ашхабад, 1900.
7. Д. И. Эварницкий. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношении.
- И. И. Гейер. Путеводитель по Туркестану. Ташкент, 1901.
- И. И. Гейер. Весь русский Туркестан. Ташкент, 1908.
- Я. П. Сенкульский. Путеводитель по Самарканду с описанием древних памятников. Ташкент, 1916.
- А. И. Дмитриев-Мамонов. Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге. СПб, 1913.
- М. Вирский. Самарканд. СКСО, в. II. Самарканд, 1894.
8. А. А. Семенов. Надписи на портале мечети в Мешхеде Мисриан, ЗВОРАО. Т. XVIII, вып. 4. СПб, 1908.
9. И. Т. Пославский. Из поездки на р. Артек и р. Гюрген. ПТКЛА, V. 1900, с. 184—190.
10. А. А. Семенов. Мечеть в Аннау (близ Асхабада). ПТКЛА, вып. XII. Ташкент, 1908
- Его же. Развалины мечети близ селения Аннау. Ташкент, 1910.
- Его же. Мечеть Ходжи-Ахмеда Есевийского в г. Туркестане. Известия Средазкомстари, № 1. Ташкент, 1926.
11. А. А. Семенов. Происхождение термеаских сейидов и их усыпальница Султан-Саадат. ПТКЛА, год XIX. Ташкент, 1914.
12. И. Т. Пославский.

О развалинах Термеза (путевой очерк). ПТКЛА, вып. 1, 1896.

13. А. Л. К у н . Очерки Шахрисабзского бекства. ИРГО, т. VI, 1880.

14. Н. Ф. С и т н я к о в с к и й . Бухарские святили (мазар Багаутдина.) ПТКЛА, V. Ташкент, 1900.

15. И. Т. П о с л а в с к и й . Описание города Бухары и ханства. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Средней Азии, вып. XI. СПб, 1891.

16. И. А. К а с т а н ь е . Древности Ура-Тюбе и Шахристана. ПТКЛА, XX, 1919.

17. С. Г. М а л л и ц к и й . Историко-архитектурное значение мечети Хазрети Яссавинского в городе Туркестане. ПТКЛА, XII. Ташкент, 1908.

18. В. В. Р а д л о в . Средняя Зарафшанская долина. ЗРГО, по отделу этнографии, т. VI, 1880.

19. В. В. Б а р т о л ь д . Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. Записки Императорской Академии наук, Серия VIII, т. 1, № 4, 1897.

О н ж е . История культурной жизни Туркестана. Л, 1927.

20. В. А. Ж у к о в с к и й . Древности. Закаспийского края. Развалины старого Мерва. Материалы по археологии России, № 16, СПб, 1894.

21. Б. В. Л у н и н . Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане... с. 35.

22. Туркестан. Этюды с натуры В. В. В е р е щ а г и н а . СПб, 1874.

23. Н. Н. К а р а з и н . Экспедиция против Ахал-теке. «Всемирная иллюстрация», 1884.

24. Л. Е. Д м и т р и е в - К а в к а з с к и й . По Средней Азии. Записки художника (1887—1888) Л. Е. Дмитриева-Кавказского. СПб, 1894.

25. О художнике-реставраторе и коллекционере М. В. Столярове (см. М. Е. Массон. Три эпизода, связанные с самаркандскими памятниками старины. Ташкент, 1972, с. 4—6.).

26. Б. В. Л у н и н . Из истории русского востоковедения... с. 36—37.

27. Туркестанский альбом ныне хранится в Ташкентской Публичной библиотеке им. Навои. Там же хранится и альбом карандашных рисунков капитана Дикгофа.

28. Самаркандская хроника. «В пятницу 18 августа в Самарканд прибыл академик Н. И. Веселовский и другие члены археологической экспедиции для исследования наших древних памятников старины. Председатель же экспедиции граф Бобринский приедет несколько позже. В числе работ, которыми займется экспедиция, наиболее важными будут раскопки на развалинах Афрасиаба и архитектурное и археологическое изучение памятников древнего зодчества.

На днях поступил в продажу альбом исторических памятников Самарканда, составленный любителем-фотографом Г. А. Панкратьевым. Альбом состоит из снимков со всех выдающихся древних памятников как Самарканда, так и его окрестностей. Все 52 снимка сделаны чисто и очень недурно, причем на каждой карте имеется название памятника, год его основания и имя основателя. Большинство этих надписей представляет перевод древних надписей, имеющих на самих памятниках. Цена альбома 15 рублей, но есть альбомы также в 40 и 20 снимков, стоящие 12 и 6 рублей». ТВ, № 62, 1895.

См. также Г. А. П а н к р а т ь е в . Исторические памятники Самарканда. Самарканд, 1910.

29. С. М. Д у д и н . Орнаментика и современное состояние

старинных самаркандских мечетей. Известия Археологической комиссии, вып. 7. СПб, 1903.

30. Н. Е. Симанов. Искусство Средней Азии. Сборник среднеазиатской орнаментации, исполненный с натуры. СПб, 1883

31. См. например, чертежи военно-инженерной дистанции мавзолея Ишрат-хона в монографическом сборнике — «Ишрат-хона», (Ташкент, 1958, стр. 16, рис. 3), а также чертежи несохранившихся мавзолея Кутби-Чахар-духум и медресе Шейбани-хана в статье Г. А. Пугаченковой: «Архитектурные заметки» (Сб. «Искусство зодчих Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1912, стр. 181 и 184, рис. 2 и 3).

32. Самаркандская хроника. «На днях вернулся в Самарканд из полуторамесячной экспедиции архитектор-художник Н. Н. Крамаренко-Щербина, командированный Академией художеств для занесения на холст многочисленных памятников древности в Туркестанском крае, которые с каждым годом все более и более разрушаются, с одной стороны, всесокрушающим временем, с другой, ведающими ими туземцами, готовыми за самый ничтожный «силяу» отколоть глазурированный орнамент, которым очень любят запасаться наши и иностранные туристы.

Из своей поездки по Сырдарьинской и Ферганской областям г. Крамаренко привез полный портфель рисунков и акварельных набросков с мечетей, сартовской мельницы, толчеи, никем еще, кажется, из художников не изображенной, туземной народной школы (мактабхона) и пр. Зарисованы им так же типы узбеков, таджиков, киргизов, мужчин, женщин. Собранный в портфелях материал будет обработан художником здесь, в Самарканде, в котором он рассчитывает проработать месяца три. Здесь же, как в центре среднеазиатской старины, будут произведены им главные работы: измерены все мечети с куполами и башнями и нанесены на план и сняты копии всех иаразцовых украшений, инкрустаций и пр.

Г. Крамаренко поджидал в Самарканде другой молодой художник-архитектор г. Покрышкин, командированный сюда как известно для подобных же целей Археологической комиссией. В непродолжительном времени ожидается приезд экспедиции, в составе которой, между прочим, будет председатель ее граф Бобринский, акад. Веселовский и др» ТВ, № 54, 1895.

33. Последующие исследования Ш. Ратия, Г. А. Пугаченковой и др. вносили уточнения в количество колонн в галереях, в форму минаретов, ориентации

мечети и пр., не отрицая правильности принципиального композиционного решения, предложенного Н. Н. Щербиной-Крамаренко. См. Ш. Ратия. Мечеть Биби-Ханым. М., 1950, с. 79—82.

34. Н. Н. Щербина-Крамаренко. По мусульманским святыням. КНСО на 1896 г. Самарканд, 1896 (перепечатка его же статьи «По развалинам Средней Азии» из журнала «Зодчий» за 1896 г.).

35. Н. Н. Щербина-Крамаренко. Результаты исследования архитектурных памятников Средней Азии. ПТЖМА, вып. II, 1897.

36. Самаркандские мечети, вып. 1. Гур-Эмир. СПб, 1905.

37. В 1951 г., когда в интерьере Гур-Эмира были воздвигнуты коренные леса, поднимающие до самого купола, удалось уточнить расположение живописных деталей на оболочке купола и их рисунок. См. Г. Н. Никитин, Живописное убранство мавзолея Гур-Эмир. Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана, вып. 1. Ташкент, 1967, с. 91, 92.

38. А. А. Семенов. Мечеть Ходжи Ахмеда Есевийского в г. Туркестане. Известия Среднеазиатского стариса, вып. 1. Ташкент, 1926, с. 122, 123.

39. М. М а с с о н. Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами Самкомстариса на мавзолеях «Гур-Эмир» и «Ак-Сарай» в Самарканде в 1924 г. Известия Средазкомстариса, вып. 1. Ташкент, 1926, с. 98—99. На этот ремонт было израсходовано 3000 р.

40. В. А. Д ж а х а н г и р о в, Б. Н. З а с ы п к и н. Исследование мавзолея, приписываемого астроному Казы-заде Руми. Сб. «Архитектура республик Средней Азии». М., 1951, с. 218—222.

Ю. З. Ш в а б. Мавзолей 1360 (61) г. из ансамбля Шах-и Зинда. Сб. Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана, вып. 1. Ташкент, 1961.

41. А. И. Д о б р о с м ы с л о в. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912, с. 77.

42. К. С. К р ю к о в. Исследование и реставрация медресе Кукельдаш в Ташкенте. Сб. «Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана», вып. 1. Ташкент, 1961, с. 38.

43. Н. С. Г р а ж д а н к и н а М. К. Р а х и м о в. И. Е. П л е т н е в. Архитектурная керамика Узбекистана. Ташкент, 1968, с. 86—88.

44. Наглядным примером отсутствия заботы у царских властей о памятниках, находящихся на периферии, может служить случай со знаменитой усыпальницей Ходжи-Ахмада Есеви в Туркестане, когда ветхое состояние памятника, грозившего обрушением на рядом находящиеся казармы, вызвало желание у местных властей снести этот памятник. Только вмешательство инженеров Канцелярии генерал-губернатора предотвратило этот снос и привело к появлению в 1886—1887 г. массивных контрфорсов, остановивших разрушение южной стены мавзолея. См. А. Семенов. Мечеть Ходжи-Ахмада Есевийского в г. Туркестане. Известия Средазкомстариса, вып. 1. Ташкент, 1926, с. 122, 123.

45. Г. А. П у г а ч е н к о в а. Архитектурные заметки. Сб. «Искусство зодчих Узбекистана». Ташкент, 1962, с. 180.

46. ТВ, № 75, 1897.

ТАШКЕНТ

Старый город

1. А. И. Добросмыслов сообщает, что Миллер, посланный с торговым караваном из Оренбурга в 1728 г., указывает, что Ташкент имеет размеры с севера на юг и с востока на запад по 4 версты, а в окружающей его стене находятся 8 ворот.

По сведениям Бурнашева и Пospelова, посетивших Ташкент в 1800 г., городская стена имела высоту в 26 футов, а длиной была в 18 верст.

Филипп Назаров, посетивший Ташкент в 1813 г., отмечает, что городская стена была длиной 15 верст, имела 12 ворот и, что цитадель располагалась отдельно от города на расстоянии 1¼ версты.

А. К. Гейнс, описывающий Ташкент во время кокандского владычества, указывает, что в городе было 12 ворот, 150 000 жителей и 20 тыс. домов.

Сам А. И. Добросмыслов в главе, посвященной завоеванию города, указывает, что старый Ташкент имел поперечники с севера на юг 6 верст а с востока на запад 4 версты. Стена, окружавшая город, была 24 версты длиной, и город имел 1(х) (хх) жителей.

См. А. И. Добросмыслов, Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912, с. 20, 24, 38, 39, 42.

Такой разницей в сведениях о Ташкенте до 2-ой половины XIX в. можно объяснить тем, что исследователи получили неточную информацию от местных жителей, а также тем, что за прошедшее время могли иметь место некоторые изменения.

Исследователи же более позднего времени могли бы воспользоваться более точными источниками, в частности, картографиче-

ческими материалами. Однако этого нет, и сам А. И. Добросмыслов приводит в своей работе план Гейнса, совершенно не соответствующий действительности.

2. Нами использовался для этих целей план города Ташкента 1890 г., составленный и хромо-литографированный при Туркестанском Военно-топографическом отделе под редакцией Родионова.

3. В 1899 г. Комиссия Максимова исчисляла длину стен по сохранившимся остаткам в 6833 сажени, то есть около 14,5 км.

4. На плане А. К. Гейнса показан один тешик — пролом между воротами Камалан — Беш-Агач, и один тешик между воротами Кара-сарай и Тахта-пуль. Последние на плане 1890 г. называются воротами Тешик-капка. Фактически разрывы между стенами существовали и между всеми остальными воротами, кроме восточного фаса, где за стенами находился глубокий и полноводный Анхор.

У В. А. Лаврова указано, что Ташкент имел 13 ворот, в том числе и ворота Тешик-капка.

См. В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, с. 112, 119.

5. А. И. Добросмыслов, Ташкент в ... с. 73, 181.

6. «Главный базар расположен в центре города. Это лабиринт маленьких лавочек с грязными улицами, крытых по балкам, перекинутым с крыш одной стороны на другую соломой, хворостом и т. п. Характер каждого ряда отличается от других — фруктовый ряд, мясной, мучной и т. д. Грязь и неопрятность везде. Всех рядов было не менее тридцати. Названия рядов следующие: бокал-базар (зеленый, фруктовый), казак-хирун-базар (разный киргизский товар), грунч-базар (рисовый), арна-базар (ячменный), кун-базар (кожевенный), ун-базар (мучной), кийз-базар (войлочный), кой-базар (бараний базар, на котором продавалось до 100 000 баранов, потреблявшихся ежегодно Ташкентом), гушты-базар (мясной ряд), нонвай-базар (хлебо-пекарный ряд), каун-базар (ряд с обувью), агач-базар (лесной), курпенлян-базар (одеяла, ковры), темир-базар (кузнечный, слесарный), мис-базар (медный ряд), шам-базар (свечной), чай-базар (чайная и сахарная торговля), чит-базар (красный ряд), базазлык базар (ряд с материалами медного производства), пчак-базар (ножевой ряд), пахта-базар (хлопковый ряд), темаки-базар (табачный), тавак-базар (посудный), зергерлик-базар (серебряный и ювелирный ряд), чгар-базар (седельный базар) и другие. Всего лавок было более 1500. Кро-

ме того, лавки были в караван-сараях и разбросаны по всему городу».

См. А. И. Добросмыслов. Ташкент в... с. 48—49.

7. Здесь и в описаниях других исторических городов автор не будет давать развернутого анализа и описаний средневековых архитектурных памятников, а также монументальных купольных сооружений, построенных во второй половине XIX — начале XX вв. местными мастерами, и сохраняющих традиционные композиционные, конструктивные и пр. особенности. Эти вопросы выходят за рамки нашего исследования и уже достаточно полно освещены в научной литературе.

8. Полный список пригородных земель-мауза и названий ташкентских махалы приведен в статье Н. Г. Маллицкого «Ташкентские махалы и мауза» в сб. «В. В. Бартольд, туркестанские друзья и почитатели». Ташкент, 1927.

9. В последние десятилетия старые жилые дома Ташкента очень изменились. Чрезвычайно быстрый рост населения старого города и улучшение общего благосостояния, изменение социальных условий жизни привели к исчезновению деления дома на две части. Теперь каждая поло-

вина стала совершенно самостоятельным домом с отдельными входами с улицы. Очень сильные изменения произошли и в структуре домов — появились новые комнаты, перестроенные из айванов, старые помещения перестраивались для нового назначения и пр.

Поэтому современные обследования и обмеры старых жилищ, построенных в XIX—начале XX вв., только иногда дают истинное представление о первоначальном облике дома. Значительно больше соответствуют тому состоянию, которые имели эти дома до революции, обмеры 30—50-х годов.

10. В. Л. Воронина, Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951, с. 23, 24.

ТАШКЕНТ

Новый город

1. См. М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб, 1906.

А. И. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1915.

По улицам Ташкента (Путеводитель). Составители: Ю. Ф. Буряков, Ю. И. Гласс, Ю. А. Соколов, Г. Н. Чабров. Ташкент, 1969. Издание 2-е, исправленное. Ташкент, 1971.

Г. Н. Чабров. Русские архитекторы дореволюционного Туркестана (1865—1916). Сб. «Архитектурное наследие Узбекистана». Ташкент, 1960, с. 221—249.

2. Для устройства крепости были мобилизованы все ташкентские арбы по цене 30 коп. в день, которые свозили сюда землю от старых разрушенных пахсовых стен города.

3. ЦГВИА СССР, Ф—349, оп. 39, ед. хр. 283.

К 1866 г. возникли стихийно и новые слободки.

4. Организационный городской комитет функционировал с 1866 по 1870 гг. Его председателями и членами в разные годы были: генерал-майор Д. И. Романовский, генерал-майор фон Мантейфель, Е. А. Россицкий и майор В. Ю. Медынский, начальник инженеров и первый председатель строительно-дорожной комиссии при Сырдарьинском областном правлении полковник-инженер Е. Яблонский, капитан-инженер А. В. Макаров, капитан-инженер Ф. И. Криштановский, комендант города полковник Н. П. Жемчужников, топограф Недорезов, капитан А. Шахнович, Н. Н. Касьянов и др.

См. А. И. Добросмыслов... с. 503.

5. Постановление Организационного комитета от 22 июня 1866 г. См. А. И. Добросмыслов... с. 505.

6. Наименование основных улиц города Ташкента:

до революции

в советское время

первоначально

переименована

первоначально

переименована

1. Михайловская
2. Обуха
3. Инженерная
4. Самаркандская
5. Базарная
- Большой проспект
6. Саперная
7. Старогоспитальная

- Чернявская
-
-
-
- Романовского
-
-

- Абдуллы Тукаева
- Лахути
- Инженерная
- Самаркандская
- Ленина
-
- Саперная
- Кафанова

1	2	3	4
8. Дачная	—	Шота Руставели	—
9. Касьяновская	—	Педагогическая	—
10. Иканская	—	Ахунбабаева	—
11. Иржарская	—	Кирова	—
12. Джиизакская	—	«Правды Востока»	—
13. Махрамская	—	Узбекистанская	—
14. Чимкентская	—	Чимкентская	—
15. Туркестанская	—	Туркестанская	—
16. Аулие-атинская	—	Аулиеатинская	—
17. Зерабулакская	—	Апанасенко	—
18. Уратюбинская	—	Дзержинского	—
19. Петербургская	Петроградская	Ленинградская	—
20. Соборная	Кауфманская	Карла Маркса	—
21. Николаевская	—	Коммунистическая	—
22. Воронцовская	—	Сталинская	Х. Сулеймановой
23. Шахриябаская	—	Шахриябаская	—
24. Московская	—	Ф. Энгельса	—
25. Шипкинская	—	Почтовая	А. Толстого
26. Хивинская	—	Хорезмская	—
27. Кокандская	Куропаткина	Первого Мая	—
28. Андижанская	—	Гоголевская	—
29. Наманганская	—	Жуковского	—
30. Скобелевская	—	Калинина	—
31. Слободская	—	Бородинская	—
32. Новая	—	Новая	Каблукова
33. Давыдовская	—	Финкельштейна	—
34. Долинского	—	Фрунзе	—
35. Уездная	—	Уездная	—
36. Учительская	—	Учительская	Кары-Ниязова
37. Нияабекская	—	Урицкого	—
38. Лагерный пр.	Пушкинская	Пушкинская	—
39. Крылова	—	Крылова	—
40. Лермонтова	—	Лермонтова	—
41. Некрасова	—	Некрасова	—
42. Ассакинская	—	Ассакинская	Якуба Коласа
43. Балыкчинская	—	Балыкчинская	Хамида Алимджана
44. Лахтинская	—	Свердлова	—
45. Садовая	—	Советская	—
46. Саларский пр.	Кауфманская	Карла Маркса	—
47. Ремесленная	—	Ремесленная	—

1	2	3	4
48. Куйлюкский пр.		Куйбышева	—
49. Духовского		Пролетарская	—
50. Паркентская		Паркентская	Генерала И. Е. Петрова
51. Ульяновская		Ульяновская	—
52. Константиновская		Тараса Шевченко	—
53. Стрелковая	—	Стрелковая	Германа Титова
54. Владимирская	—	Чехова	—
55. Варваринская	—	Клары Цеткин	—
56. Марининская	—	Полторацкого	—

Последний перечень улиц дан до землетрясения 1966 г. и до современной реконструкции города.

7. Первое шоссе было проложено в 1868 г. по Черниевской улице, около строящегося в то время дома генерал-губернатора.

8. Владельцы участков могли приступить к возведению построек по утвержденным Городским комитетом планам (постановление 15 октября):

Владельцы были обязаны озеленять прилегающую территорию следующим образом: на расстоянии двух аршин от линии построек сажается первый ряд деревьев с расстоянием 4 аршина (2,85 м) один от другого; затем через два аршина (1,43 м) от первого ряда сажается второй ряд деревьев и оставляется «бульвар» в три с половиной аршина шириной, по наружной стороне которого проводится арык шириной в один аршин. За арыком высаживается третий ряд деревьев, и через два аршина от него —

четвертый. Посадку деревьев, преимущественно тополей, рекомендовалось производить в шахматном порядке. См. А. И. Д о б р о с м ы с л о в ... с. 505.

Арыки рекомендовались устраивать на расстоянии 5,3 м от дома.

9. Незадолго до революции обе эти улицы были переименованы в Кауфманский проспект (ныне улица Карла Маркса).

10. Впоследствии Кокандский проспект был переименован в Куропаткинскую улицу (ныне улица 1 Мая), а Андижанский и Наманганский проспекты в улицы Гоголевскую и Жуковского.

11. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28771 и 28766.

12. Только в 1924 г. по заданию ташкентского новгородского местхоза архитекторы Г. М. Сваричевский и Г. П. Бауэр составили проект детальной планировки этого района, с введе-

нием в его застройку крупных зданий общественного назначения. Здесь, перед зданием театра, также есть площадь, но небольших размеров и круглой формы. Это первая попытка реконструкции привокзальных трупоб, создания парадных магистралей, служащих «въездом в город» со стороны вокзала. См. Ш. А с к а р о в. Реконструктивные концепции на рубеже XIX—XX вв. в архитектуре Средней Азии. «Строительство и архитектура Узбекистана». 1976, № 9, с. 27.

13. Из доклада Н. Г. Маллицкого о деятельности Ташкентского городского общественного управления за 1909 г. См. А. И. Д о б р о с м ы с л о в ... с. 133—134.

14. Д. К. Зацепин был первым областным инженером Сырдарьинского областного правления. Первый проект здания канцелярии был составлен в 1873 г. В 1876 г. проект был исправлен и здание построено. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28769.

15. Все эти постройки за много десятилетий сильно обветшали, пострадали во время землетрясения 1966 г., и впоследствии были разобраны при коренной реконструкции этого района.

16. Здание сохранило свою внутреннюю структуру. В настоящее время пространство первого этажа вдоль фасада занимает диетическая столовая. Остальную часть здания занимали разные, постоянно меняющиеся, учреждения. В 1975 г. фасад здания был «обновлен» и приобрел большую сухость и схематизм.

17. В настоящее время это здание приспособлено для нужд научно-производственного объединения «Меконг». В середине тридцатых годов были осуществлены большие пристройки, которые очень исказили его первоначальный облик. Еще в большей степени облик был искажен во время вынужденных укрепительных работ после землетрясения 1966 гг.

18. После революции Белый дом был приспособлен под Главный среднеазиатский музей, но в начале 30-х годов он был перестроен для нужд правительственных учреждений Узбекской ССР. Для этого, со стороны главного фасада и с боков по проекту С. Н. Полупанова были пристроены многоэтажные объемы, скрывающие старый «Белый дом». В пос-

левоенные годы здание вновь было перестроено и расширено с участием того же С. Н. Полупанова и арх. С. Розенблюма. Но остатки старого «Белого дома», в том числе Зимний сад, существуют до настоящего времени, располагаясь позади новых многоэтажных корпусов.

19. Академик архитектуры А. И. Резанов проектировал соборы для Ташкента и Верного по личному указанию Кауфмана. Для утверждения проектов он приезжал в Ташкент. Однако строительство велось после смерти А. И. Резанова и местные архитекторы, наблюдавшие за постройкой, вносили в проект изменения, вызываемые местными климатическими и экономическими причинами. Закладка собора состоялась 22 июня 1871 г., но отделочные работы начались после 1886 г. Указанная Г. Н. Чабровым, дата постройки собора — 1902 г. — не соответствует действительности, так как на плане Ташкента 1890 г. собор показан как существующий. См. Г. Н. Ч а б р о в. Русские архитекторы дореволюционного Туркестана (1865—1916). Сб. «Архитектурное наследие Узбекистана». Ташкент, 1960, с. 242.

Сведения А. И. Добросмылова о строительстве собора достаточно полные и интересные. См. А . И . Д о б р о с м ы л о в ... с. 313, 314.

20. См. письма М. О. Микешина председателю Комитета по постройке собора генерал-майору Николаеву с просьбой принять работу от 24 октября и 3 декабря 1887 г. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 26174.

21. После постройки Спасо-Преображенского собора, церковь св. Иосифа и Георгия превратились в приходскую, а в 1893 г. примыкающая площадь была засажена деревьями. В тридцатых годах нашего века здание церкви было приспособлено под театр кукол и постепенно совершенно изменило свой облик.

22. После революции во дворце разместились первый Музей изобразительного искусства.

23. Первоначально здание кинотеатра «Хива» было построено в 1912 г. В начале 1916 г. оно сгорело. Тогда же Г. М. Сваричевский составил проект строительства на этом месте громадного театрального здания, исполненного в эклектичных «восточных» формах. Но первый проект не был осуществлен, и старое здание кинотеатра было восстановлено. Этот кинотеатр, называемый в последние годы «Молодая гвардия», несмотря на неоднократные ремонты, обветшал, получил серьезные повреждения во время землетрясения 1966 г. и был снесен.

24. Хотя Соборная улица и была официально переименована в Кауфманский проспект, она среди населения сохраняла старое название, вплоть до послевоенных времен. Для удобства изложения материала, мы везде сохраняем ее старое наименование.

25. Эти сведения сообщил нам сын Е. П. Дубровина.

Г. Н. Ч а б р о в (Русские архитекторы дореволюционного Туркестана... с. 233) автором здания гастрономического магазина называет В. С. Гейнцельмана.

26. Отдельные части этого крупного здания постоянно сдавались в аренду другим купцам и банковским учреждениям.

27. Первоначально территория городского сада предназначалась под строительство дома Сырдарьинского военного губернатора, проекты которого в 1878 и 1887 гг. последовательно составлял А. И. Леханов и А. Л. Бенуа. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 2878.

28. К выставке в ознаменование двадцатипятилетия присоединения Ташкента, по проектам А. Л. Бенуа в городском саду было построено несколько павильонов, в основном отображающих развитие частно-капиталистической промышленности. Многие из этих павильонов, например,

П. И. Иванова, И. И. Первушина, а также павильоны местных кустарных промыслов и национальной кухни, были очень оригинальны по композиции и имели высокохудожественный облик. См. фотоальбом «Туркестанская выставка 1890 г.» в Ташкентской библиотеке им. А. Навои.

29. В 1920 г., когда по указу В. И. Ленина был организован Среднеазиатский государственный университет, оба здания гимназий были переданы этому, первому в Средней Азии, высшему учебному заведению. В тридцатых годах здания были реконструированы: проезды между отдельными корпусами заделаны, и над бывшей мужской гимназией полностью, а над женской частично были надстроены третьи этажи. Это значительно изменило облик зданий. Ныне в бывшем здании женской гимназии размещается автодорожный институт.

30. На раннем этапе строительства мужской гимназии в нем принимал участие А. Л. Бенуа, а в 1906 г. Г. М. Сваричевский составил проект вставки между отдельными корпусами. Одновременно с Ташкентской гимназией такие же здания по проекту Янчевского строили в г. Верном. Архитектура их отличается от ташкентского оригинала применением оштукатуренных фасадов с более тонким рисунком де-

талей, осуществленных под руководством арх. Гурдэ. ЦГИА УзССР, Ф—1, оп. 18, ед. хр. 976; Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28768.

31. Проект был разработан младшим архитектором Сырдарьинского обл. правления Н. Латышевым в 1892 г. и согласован с местными инстанциями. В 1893 г. арх. Шапошников, во время утверждения проекта в Инженерном комитете Главного инженерного управления, заново прорисовал на кальке детали главного фасада и колокольни, не изменяя объемно-планировочного решения. Гражданский инженер Л. Киселев составил проект внутренней отделки. Конструкции куполов были разработаны в 1893 г. Н. Латышевым. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28771; Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28766.

32. Подобная церковь также была построена в с. Троицком по проекту В. С. Гейнцельмана. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28779.

33. Проект кирхи был составлен А. Л. Бенуа в 1892 г. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28776.

В настоящее время здание хорошо отреставрировано и приспособлено под концертный класс Ташкентской консерватории.

34. Комплекс Кадетского корпуса строился постепенно. Впервые проект главного здания был составлен в 1900—1901 гг. штабс-капитаном Веселовым. Он включил в объемно-планировочную композицию некоторые уже построенные объемы, и создал довольно четкую планировку с делением плана здания на отдельные отсеки — административный, учебные, столовый и спальный. Им же составлен и хорошо прорисованный фасад, строго симметричного решения с применением классических строгих форм. ЦГВИА СССР, Ф—349, оп. 39, ед. хр. 692 и 694.

В плане построенного в 1905 г. здания заметно влияние проекта Веселова. Однако архитектура здания совершенно отлична и имеет явный отпечаток творческой манеры В. С. Гейнцельмана.

В двадцатые годы в корпусах б. Кадетского корпуса расположился медицинский факультет Среднеазиатского университета, позднее реформированного в самостоятельный институт. В главном корпусе по сегодняшний день располагаются несколько терапевтических и хирургических клиник. Во время землетрясения 26 апреля 1966 г. здания совершенно не пострадали.

35. Даты строительства здания б. Реального училища в литературных источниках различны. В Очерке истории Ташкента,

1915 г. указан 1894 г., в путеводителе «По улицам Ташкента» и у Г. Н. Чаброва «Русские архитекторы дореволюционного Туркестана» назван 1896 г., у А. И. Добросмыслова в книге «Ташкент в прошлом и настоящем» показан 1898 г. Правильная дата — 1898 г. — выложена кирпичом над входом в здание. Оно хорошо сохранилось. Много лет его занимал химический факультет Среднеазиатского университета, а в настоящее время здесь находится химико-технологический факультет Ташкентского политехнического института.

36. В советское время в этом здании до настоящего времени находится средняя школа им. Шумилова. В здании был надстроен второй этаж, но архитектурная обработка первоначальных фасадов и планировка сохранились.

37. В советское время здание всегда сохраняло свое прежнее назначение — учебного заведения. В нем располагались факультеты и фундаментальная библиотека Среднеазиатского университета и лаборатории Среднеазиатского индустриального института (Ташкентского политехнического института). В настоящее время здесь находится авиационный техникум.

В тридцатые годы был надстроен третий этаж, что заметно

ухудшило архитектурный облик здания.

38. В советское время это здание часто меняло своих владельцев. В конце двадцатых годов здесь расположился Среднеазиатский хлопково-ирригационный политехнический институт (САХИПИ), затем Среднеазиатский строительный институт (САСИ), затем дирекция и строительный факультет Среднеазиатского индустриального института, переименованного в конце сороковых годов в Среднеазиатский политехнический институт. В настоящее время здесь находится факультет промышленно-гражданского строительства Ташкентского политехнического института им. А. Р. Беруни.

Нужды новых учреждений привели в начале тридцатых годов к появлению второго этажа и одноэтажной пристройки по ул. Свердлова (б. Лахтинской), а в послевоенное время появились новые помещения и со стороны главного фасада. Все это привело к полному изменению внешнего облика здания.

39. Впоследствии над зданием был надстроен второй этаж, а в 1975 г. оно было снесено в связи с реконструкцией этого района и пробивкой новой магистрали.

40. Здание Биржи, перестроенное под театр в 1877 г., уже к

1890 г. пришло в ветхость и поэтому в 1893 г. городская дума вынесла решение о ремонте и пожелание устроить в здании парадиз и 9 лож, а в 1897 г. инж. Н. Латышев составил проект перестройки театра. В 1908 г. во время эпидемии здание было приспособлено под холерный барак, а затем несколько лет здесь располагалось инфекционное отделение больницы. (См. А. И. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912, с. 194—195), ГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28767 и 28771.

После революции здесь располагался клуб железнодорожников им. Кафанова, затем театр юного зрителя. В конце войны в здании расположился Музей искусств. Это новое приспособление повлекло новые переделки. Во время землетрясения 1966 г. здание получило существенные повреждения и было снесено. В настоящее время на его месте находится новое, более вместительное и соответствующее современным требованиям здание Музея искусств.

41. С театром Общественного собрания связано имя В. Ф. Комиссаржевской, так как здесь в начале 1910 г. состоялись последние выступления на сцене великой русской актрисы.

В марте 1917 г. здесь располагался Совет рабочих и солдатских депутатов, и здание стало

штабом революционных преобразований в Туркестане. Вместе с новым назначением это здание получает и новое название — Дом Свободы. После 1921 г. оно эксплуатировалось отдельно. В старом здании помещались различные административные и учебные заведения — сейчас районная детская библиотека. В помещениях театра — различные клубы, театр оперетты, затем небольшой кинотеатр им. 30-летия комсомола. Здание сохраняется, как историко-революционный памятник.

42. Зрительный зал Военного собрания был перекрыт в 1896 г. металлическими конструкциями — впервые в практике местного строительства. После революции здание сохраняло свое основное назначение — военного клуба, но часто использовалось для различных собраний, конференций, а также гастролей различных театральных и концертных коллективов. После Отечественной войны здание было достроено, реконструировано и внешне совершенно изменило свой облик. Однако облик зрительного зала сохранился без каких-либо существенных изменений.

43. В книге «По улицам Ташкента» (Ташкент, 1965, с. 31) датой строительства указан 1913 г. Однако А. И. Добросмыслов в книге о Ташкенте, изданной в 1912 г., уже упоминает цирк

Цинцадзе, как существующий, и указывает, что он был построен «8—9 лет назад» (см. А. И. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем... с. 196). Однако все очень просто. Здание цирка было первоначально деревянным и было построено в 1904 г. по проекту инж. Е. В. Гофмана. Оно было шатровым и внешним видом напоминало многие цирки «Шанито». ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28774 и 28768.

В 1912 г. инж. Дьяков составил проект нового цирка-театра со сценой и залом, диаметром 18,70 саж., и металлическим куполом, сконструированным по системе Шведлера. В 1913 г. варшавский арх. А. Е. Гарней разработал архитектуру здания в формах модерна. Однако здание, построенное инж. Г. К. Половым, было решено в иных, более скромных формах. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28776.

44. В послереволюционные годы это здание, как самое вместительное в городе, часто использовалось для проведения съездов, сессий, массовых собраний и пр. Здесь, перед трудящимися Туркестана, выступали М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, Я. Э. Рудзук, Г. К. Орджоникидзе, Н. А. Семашко. В довоенные годы здесь находились очень популярные русская и узбекская оперные труппы. В 1962 г. здание внутри

было реконструировано по проекту арх. В. Войцеховского. Была увеличена сцена, за счет увеличения количества рядов 2-го яруса были ликвидированы ложи. Расширен вестибюль на первом этаже и пр. Однако внешний облик театра остался без изменений. Здание хорошо перенесло землетрясение 1966 г. и, кроме парапетов на главном фасаде, в нем не было разрушений. В настоящее время здесь располагается Концертный зал им. Я. М. Свердлова.

45. Проект предусматривал развитую сцену с оркестровой ямой. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28768.

46. Несмотря на то, что оба кинотеатра не соответствуют современным требованиям и нормам (кинобудка в структуре легких деревянных галерей), они благополучно функционируют и сегодня. Некоторые изменения произошли в размерах отдельно стоящих объемов экранов в связи с изменением размеров и формы экранов, принятых современным кинематографом.

Бывший кинотеатр «Хива» ныне именуется «Фестиваль», а рядом находящийся кинотеатр «Хива» соответствует старому «Турану».

47. Все три лечебных комплекса в советское время были сильно развиты. Некоторые старые корпуса, в связи с изменени-

ем их функций были реконструированы. В составе комплексов появились новые постройки, в том числе и многоэтажные. Но все три комплекса в настоящее время продолжают благополучно функционировать, сохранив даже ведомственную принадлежность.

48. ТВ, 12 марта 1906 г.

49. В послереволюционное время это здание в основном использовалось для размещения различных административных учреждений. В связи с этим, над ним в конце сороковых годов был надстроен третий этаж с попыткой архитектурной связи надстройки со старыми частями.

50. См. приказ командующего войсками ТуркВО от 21 мая 1893 г. № 165 в Туркестанских ведомостях 30 мая (11 июня) 1893 г.

51. По сведениям, заимствованными А. И. Добросмысловым в Казенной палате в 1910 г., в старой части Ташкента было: торговых заведений по продаже местных сладостей — 13, харчевен (ошхона) — 9, чайхона — 391, бань — 8, караван-сараяв — 45. В русской части города: кондитерских — 5, кондитерских заведений — 20, караван-сараяв — 13, постоянных дворов с меблированными комнатами — 11, гостиниц с буфетами — 5, буфетов — 5, столовых с продажей пива — 15, сто-

ловых без продажи пива — 57, винных погребов с горячими закусками — 4, кофейных — 3, чайхан — 192, ресторанов с буфетами — 7, бань — 7. Лучшими банями считались: «Дворянская баня» А. А. Метракова на Пушкинской улице, «Центральная» В. П. Харьковского и Таджи Юсупова на Джизакской улице (ныне улица «Правды Востока»). См. А. И. Добросмыслов. Указ. соч., с. 399—402.

52. В связи с реконструкцией города почти все старые гостиницы были снесены. В гостинице «Националь» в годы гражданской войны располагался Штаб Туркфронта, где работали М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, Дм. Фурманов и другие военные и политические деятели. Впоследствии здание вернуло свое гостиничное назначение. Сейчас это здание, несколько сократив свои размеры, приспособляется под Музей развития г. Ташкента.

53. Здание, запроектированное В. С. Гейнцельманом и Л. Киселевым, имело угловую композицию с равновеликими крыльями, закрепленными на углах объемами с шатровыми завершениями, аналогично центральному, но несколько меньших размеров. Здесь предполагались дополнительные входы. Во время строительства этот проект корректировался В. С. Гейнцельманом, и выполненный им исполнительный

чертеж 1902 г. показывает сокращение размеров здания, отсутствие башенных элементов на торцах и наличие полукруглых окон на втором этаже, вместо ранее запроектированных прямоугольных. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28771, 28775.

В 1919 г. в здании б. Казенной палаты разместилась Турккомиссия ВЦИК и Совнаркома РСФСР, в составе которой находились Ш. Э. Элиава, В. В. Куйбышев, Ф. И. Голощекин, М. В. Фрунзе, и Г. И. Бокий.

В пятидесятые годы, когда здесь расположился Президиум Академии наук УзССР, был достроен третий этаж. Причем, в третьем этаже на фасаде были повторены формы второго; был сохранен также декоративный купол над угловым объемом, и эта достройка, возможно, единственная, которая не исказила облика старого здания. Сейчас здесь находится Музей Истории Академии наук УзССР.

54. Здание прекрасно сохранилось. В нем находится Управление Ташкентской железной дороги. Однако в связи с тем, что предполагаемая перед ним площадь не была организована, возникшие новые постройки скрыли главный фасад. Ныне этот фасад выходит в замкнутый внутренний двор.

55. Упомянутые в тексте жи-

лые дома по улицам Иканской (Ахунбабаева) и Гоголевской ныне приспособлены для нужд учреждений. Жилой дом Каландаровых в последние годы очень обветшал и был снесен во время коренной реконструкции центра города.

56. Упоминание о таком типе дома и фото дома на б. Старо-Госпитальной улице имеется в статье Г. Н. Чаброва «Русские архитекторы дореволюционного Туркестана» (1865—1916), ... с. 236, 237.

57. Все последние примеры жилой застройки находились также в самом центре города и были снесены в связи с его реконструкцией.

САМАРКАНД

1. Наиболее старым графическим изображением г. Самарканда является план, снятый в 1841 г. методом глазомерной съемки топографом 2-го класса, унтер-офицером Яковлевым. Для подобного метода съемки план очень насыщен. На нем четко выделены Чупанатинские высоты, городище Афрасиаб, вся пригородная зона с пашнями, арыками, дорогами. Абрис города Самарканда прорисован довольно правильно, с обозначением всех ворот — Хазрат-шейх, Каландар-хона, Сузангаран, Ходжа-Ахрар, Бухарских и Пайкабак.

В плане города выделены медресе Шир-Дор, Улугбека и Тилля-кори, мечеть Амира Тимура и мечеть Биби-Ханым. На территории цитадели обозначены: дом самаркандского бека и кладбище Кутси Чор Дахум. Однако внутри города и цитадели сетка улиц прорисована случайно и совершенно не соответствует общей планировочной схеме.

Первый инструментальный план был снят в связи с изображением защиты самаркандской цитадели, бывшей с 1 по 8 июня 1868 г. Этот план захватывает значительно меньшую территорию — изображены только старый город, цитадель и небольшая часть пригородных земель к западу от города и цитадели. Однако прорисован план очень тщательно и, видимо, полностью соответствовал сложившейся ситуации. Очень четко читается стихийно сложившаяся радиально-центрическая схема планировки города, где восемь радиусов от городских ворот и отдаленных частей города подходят к площади Чор-су. Четче разделены цитадель и город, между которыми показан овраг. Кроме того, каждый массив имеет свои стены, а в городской стене против цитадели указаны еще седьмые ворота — Самаркандские. Среди городских построек обозначены медресе на Регистане и мавзолей Тамерлана, а в структуре цитадели показаны: кладбище с мечетью (мавзолей XV в. Куттби-

Чахар-Духум), ханский дворец — в канун завоевания место пребывания самаркандского бека Шир-али Инака, медресе, сарбазский двор.

2. Т. С. Саидкулов. Самарканд во второй половине XIX — начале XX веков. Самарканд, 1970, с. 9, прим. 19 и 47.

3. Название «Кок-таш» иногда распространялось и на всю цитадель.

Интересные сведения об исторической топографии старой цитадели высказал М. Е. Массон после наблюдения за земляными работами при проведении городской железной дороги в этом районе.

См. М. Массон. Несколько археологических данных к исторической топографии Самарканды в связи с проведением узкоколейной городской железной дороги в 1923 году. Известия Сред-

азкомстариса, № 1. Ташкент, 1928.

4. См. тщательно составленный генеральный план г. Самарканды и цитадели с указанием воинских строений на 1 января 1875 г., младшего топографа, подпоручика И. К. Петрова ЦГВИЛ СССР, Ф—349, оп. 37, ед. хр. 202.

5. См. Г. Н. Чабров. Страницы истории Самарканды (1868—1916). Труды ТашГУ. Вып. 194. Исторические науки, кн. 13, 1962.

6. Земля под городскую застройку была приобретена у местных землевладельцев на городские суммы, а затем по плану города раздавалась офицерам, чиновникам, отставным солдатам и частным лицам с уплатой денег в течение года. СКСО, № 1, 1893.

7. Там же.

8. ТВ 15 апреля 1885 г.

9. СКСО, № 1, 1893.

10. В 1891 г. Н. П. Решетниковым была запроектирована железнодорожная ветка от вокзала до центра Самарканды — Абрамовского бульвара. Далее, до старгородского рынка предполагалось строительство железобетонной дороги. См. ТВ, 21 апреля 1891 г. Однако городская железнодорожная узкоколейка была построена только в 1923 г. по измененному маршруту, в стороне от бульвара.

11. См. генеральный план русской части города Самарканды, составленный в 1883 г. ЦГВИЛ СССР, Ф—349, оп. 37, ед. хр. 203.

12. Г. А. Пугаченкова. Архитектурные заметки. Сб. Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962, с. 180.

13. См. План русской части города Самарканды 1900 г. ЦГВИЛ СССР, Ф—349, оп. 37, ед. хр. 300.

Современные и дореволюционные названия улиц Самарканды

1. Ахунбабаева	—	Эспланадная	—
2. Коммунистическая	—	Александровская	—
3. Ленина	—	Кауфманская	—
4. Советская	—	Николаевская	—
5. Энгельса	—	Черняевская	—
6. Некрасова	—	Решетникова	—
7. Узбекистанская	—	Ургутская	—
8. Шаумяна	—	Каршинская	—

9. Фрунзе	—	Верещагинская
10. Войкова	—	Зерабулакская
11. Воровского	—	Джамская
12. Карла Маркса	—	Каттакурганская
13. Возрождения	—	Барбетная
14. Республиканская	—	Петровская
15. Нариманова	—	Ростовцева
16. Розы Люксембург	—	Ивановская
17. Красноармейская	—	Офицерская
18. Пушкинская	—	Пушкинская
19. Бульвар Горького	—	Абрамовский бульвар
20. Парк Озеро	—	Ивановский парк
21. Парк Культуры и отдыха им. Горького	—	Старый парк

14. СКСО № 1 за 1893 г. Интересны проводимые здесь сведения о профессиональной принадлежности жителей русской части Самарканда: офицеров — 115, служащих — 130, врачей и провизоров — 42, инженеров — 7, землемеров — 32, артистов — 6, музыкантов — 4, скульптор — 1, живописец — 1.

15. Сейчас церковь реконструирована и приспособлена под спортивный зал.

16. Первые капитальные внутренние перестройки были произведены в 1887 г., и они были запечатлены на чертеже, составленном в 1888 г. в самаркандской инженерной дистанции. В таком виде, не считая мелких ремонтов, здание просуществовало до 1924 г. С 1924 по 1930 гг., в связи с нахождением в Самарканде правительства молодой Узбекской ССР, в этом здании был располо-

жен ЦИК УзССР. После 1930 г. здание вернуло свое прежнее специфическое клубное назначение — стало Домом Красной Армии. Внутри были произведены новые переделки, так как здание предполагалось для более широкого использования, чем в дооктябрьский период. В нем появился помост сцены; зал был приспособлен для показа кинофильмов; появилась столовая массового пользования. Поэтому застраивается обширная терраса, выходящая в сад, появляется кинобудка. Остальные помещения, хотя и сохраняют старый облик, также используются по новому назначению.

17. ТВ. № 68, 1896.

18. На этом месте находится летний кинотеатр.

19. В Самарканде с 1882 г. четыре года находился А. Л. Бенауа, однако наглядных следов в

застройке города он не оставил.

20. Первый эскизный проект здания общественной читальни и музея был составлен в 1899 г. М. В. Ижицким-Германом. Но этот проект был отклонен В. С. Гейнцельманом, который, в свою очередь, разработал два варианта проекта Народного дома, включающего зрительный зал с эстрадой, библиотеку-читальню и музей. Один из этих эскизов был утвержден начальником края Ивановым 9 ноября 1901 г. По этому эскизу предполагалось здание симметричной планировки с центральным обширным вестибюлем, двумя крыльями аналогичной планировки, предназначенных для музея, библиотеки и зала с эстрадой, лежащего на основной оси. Однако, здание не строилось до 1910 г., когда по инициативе нового чиновника по особым поручениям по строительной части Г. М. Сваричевского

проект был снова рассмотрен и утвержден 22 июня 1910 г. Руководил работами самаркандский областной архитектор П. Лебедев. См. А. А. Хусаинова. История постройки старого здания библиотеки в г. Самарканде. Сб. «Вопросы теории и истории архитектуры Узбекистана». Ташкент, 1975, с. 36—40.

21. ТВ, 11 августа 1902 г. По тому же проекту и в то же время в Н. Маргелане было построено здание мужской гимназии. Сейчас в здании женской гимназии биологический факультет Самаркандского государственного университета.

22. Проект был составлен в марте 1902 г. в Ташкентской инженерной дистанции и в сентябре того же года утвержден Инженерной комиссией Главного инженерного управления для строительства в урочище Термез для местного гарнизона. В сентябре 1903 г. этот же проект был утвержден для строительства в Ташкенте, на территории 1-й Туркестанской стрелковой бригады. Церковь была рассчитана на 900 человек. ЦГВИА, Ф—349, оп. 39, дело 710.

Таким образом, проект стал типовым для строительства в военных гарнизонах. При полном сохранении планировочного и объемного стилевого решения, Алексеевская церковь в Самарканде отличается от первоначаль-

ного проекта 1902 г. внешней формой надалтарного купола, иной формой окон на боковых фасадах и более объемно развитыми боковыми входами.

Судя по характеру архитектурных деталей Алексеевской церкви, можно предположить, что проект был переработан военным инженером Б. Н. Кастальским.

23. Сейчас здание костела приспособлено под физкультурный зал.

24. Ю. О. Яковлевский. Из истории развития банковских учреждений в Туркестане. ТВ., 28 марта, 1910 г.

25. ТВ, 26 июня 1908 г. состоялась закладка этого здания.

26. Имеющаяся в литературе восторженная оценка декора дома А. Калаитарова «как проявления органической завершенности форм, импозантности художественного почерка» и пр. и неконкретна, и ошибочна. Ошибочна дата строительства и выдвижения Абдукадыра Бакиева, как автора проекта дома и руководителя всех работ. См. П. Ш. Захидов. Самаркандская школа зодчих. Ташкент, 1965, с. 35, 36.

Города Ферганской долины

1. См. например, Л. И. Ремель. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961

с. 480—484.

2. Г. Н. Чабров. Русская архитектура дореволюционного Туркестана (1865—1916 гг.) Сб. «Архитектурное наследие Узбекистана». Ташкент, 1960, с. 225, 229.

3. В. Л. Воронина. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951.

4. А. К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX — начале XX вв., Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954, с. 216—290.

5. С. М. Крукоская. Встречи с Кокандом. Ташкент, 1977.

6. В настоящее время от старой ханской урды в основном сохранилась только передняя часть, примыкающая к главному фасаду с тронными залами, колонной галереей, окружающей двор, и помещением бывших диванов. Все эти помещения занимает Кокандский историко-краеведческий музей.

7. Ю. О. Яковлевский. Из истории развития банковских учреждений в Туркестане. ТВ, 28 марта, 1910 г.

8. В настоящее время в этом здании расположился литературный музей им. Мукими.

9. Ныне городское отделение Госбанка.
10. В первом находится горисполком, во втором городской узел связи.
11. В одном из них размещается педагогический институт, в другом нефтяной техникум. Оба здания реконструированы и расширены.
12. Ныне — это Дом культуры и железнодорожный клуб.
13. Ныне — здание геофизической экспедиции.
14. В особняке бр. Крафт ныне находится городской военный комиссариат, а здание коммерческого училища занимает средняя школа № 1.
15. Г. М. Сваричевскому принадлежало здание Кокандского железнодорожного вокзала, но ко времени обследования последний был уже реконструирован. Первоначально, это было одноэтажное кирпичное здание симметричной композиции с небольшой пристройкой хозяйственных помещений. Трехчастное членение фасада, кирпичные лучковые арочные перемычки и строгие карнизы — все это придавало ему несколько суховатый облик казенного здания.
16. ЦГИА УзССР, Ф—10, оп. 3, ед. хр. 8.
17. В 1907 г. город был переименован в Скобелев; ныне — это город Фергана — центр одноименной области.
18. См. план города Нового Маргелана 1903 г. ЦГВИА СССР, Ф—418, д. 928. Распланирован город под руководством военного инженера Н. У. Жилина. Г. Н. Ч а б р о в. Русские архитекторы... с. 225.
19. Протокол заседания Скобелевского городского хозяйственного управления 19 июля 1909 г., ЦГИА УзССР, Ф—19, оп. 1, ед. хр. 320038, л. 52.
20. Туркестанский на 1904 г. календарь. Ташкент, 1904, с. 120—121.
21. См. С. М. К р у к о в с к а я. Встречи с Кокандом. Ташкент, 1977, с. 70.
22. Правила об устройстве областного города Ферганской области, ЦГИА, УзССР, Ф—19, оп. 3, дело 8, л. 6.
23. ЦГВИА СССР, Ф—418, д. 919.
24. В. Г. К у ш е л е в с к и й. Материалы для Медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Н. Маргелан. 1891, с. 36, 37.
25. Оригинальные копии проекта здания хранятся в архиве Ферганского историко-краеведческого музея.
26. См. Заключение комиссии Ферганского областного правления по обследованию недостроенного областным инженером И. А. Лехановым здания губернатора. ЦГИА УзССР, Ф—1, оп. 5, ед. хр. 359, л. 29.
27. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, д. 2878.
28. Г. Н. Ч а б р о в. Русские архитекторы... с. 242.
29. Туркестанский на 1904 г. календарь... с. 127.
30. Ныне это здание занимает Ферганский государственный педагогический институт.
31. В названиях улиц Андижана также нашла отражение колонизаторская политика царской администрации. Улицы здесь, как и в других городах, названы фамилиями генералов, принимавших участие в завоевании края, — Кауфманская, Абрамовская, Скобелевская, Ивановская, Троцкого, Мациевского, Корольковская, Куропаткинский проспект, или именами царей — Александровская, или святых — Сергиевская, Михайловская, Георгиевская. Только иногда в названиях улиц отражен местный функциональный смысл — Почтовая, Крепостная, Церковная, Садовая.
32. Железная дорога подошла к западной окраине города Андижана в 1898 г.

33. Предприятия Владислава, Филиппа Скубина, склады бр. Нобель, бр. Асадуллаевых, заводы Мирказихана, три завода Тимурбека, заводы Пателяхова, Мурадбека, Симхаевых, Вадьяевых, Поананской.

34. Сейчас фасады одного из них изменили свою наружную фактуру, но сохранили старые формы.

35. Местные жители называют его зданием бывшего китайского консульства. Наличие идентичных приемов декора в этом доме и упомянутом гостинином дворе дает возможность предполагать принадлежность их одному автору.

КАГАН-БУХАРА, ХИВА

1. ВГИА УзССР, Ф—3, оп. 1, д. 46.

2. Отделение государственного банка было открыто в 1894 г. Затем были открыты отделения Русско-Азиатского, Соединенного, Азовско-Донского, Московско-учетного, Русского для внешней торговли, Сибирского торгового банков.

Открываются отделения фирм Большой Ярославской мануфактуры, бр. Шлосберг, Дюршмидта, Николаевской мануфактуры, Саввы Морозова, Эмиля Цинделя, Кокандских капиталистов — Пателяхова, бр. Вадьяевых, бр. Крафт и др. См. История Бухары

с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976, с. 170.

3. Одну из частей этого здания занимало отделение Азово-Донского банка.

4. Торговые и банковские учреждения долго продолжали занимать ряд помещений этого здания.

5. Ныне поликлиника.

6. Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958, с. 96.

7. В состав дворцового комплекса ранее входил гарем, находящийся в руинальном состоянии, а также дворец, от которого ничего не сохранилось. По этой причине эти постройки мы не рассматриваем.

8. По устным сведениям, на поле перед воротами проходили состязания «коп-кори», и из окошка над входом эмир бросал козла собравшимся внизу кошикам.

9. См. В. А. Булатова, И. И. Ноткин. Архитектурные памятники Хивы. Ташкент, 1965, с. 39, 40. Хивинский хан Асфендияр был убит в 1920 г. в своей летней резиденции — дворце Нурулла-бая и был похоронен на территории Душан-Калы.

10. Г. А. Пугаченкова,

«Термез, Шахрисябз, Хива». Москва, 1976, с. 181.

11. В. А. Булатова, И. И. Ноткин. Архитектурные памятники Хивы... с. 43, 44.

12. Г. А. Пугаченкова, Термез, Шахрисябз, Хива... с. 184.

13. Г. А. Пугаченкова указывает дату строительства Кубла-Таза-бага — 1914—1915 гг. См. указанные соч. ... с. 176. В кирпичной галерее на одном из майоликовых эпиграфических панно находится дата постройки.

14. Надпись в большом панно на главном фасаде больницы гласит: «Хивинская больница имени наследника цесаревича Алексея основан сейид Асфендияр Бахадур-ханом в 1912 г.» Текст надписи на русском языке, белыми буквами на синем фоне.

На здании почты в узком прямоугольнике панно, среди надписи арабским шрифтом имеется дата.

15. Г. А. Пугаченкова, Указ. соч., с. 192.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ИТОГИ

1. Туркестанский на 1904 г. календарь под редакцией В. В. Стратонова. Ташкент, 1904, с. 120, 121.

2. См. А. И. Добросмыс-

лов. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912, с. 79, 80.

3. В 1893 г. в русской части города Самарканда проживало 10128 человек, из них 4823 военных чинов и членов их семей.

4. Сведения о росте населения города Самарканда и городов Самаркандской области см. Саидкулов. Самарканд во второй половине XIX—начале XX века ... с. 106—111. Табл. №№ 4 и 5.

5. Например, в 1913 г. в Пишпеке было 2 пивоваренных, 3 кожевенных предприятия, 1 фруктовых вод и 11 мельниц и маслобоек. В Пржевальске было 3 пивоваренных, 7 мыловаренных, 5 свечных предприятий и 2 фруктовых вод.

6. Генеральный план г. Пишпека 1872 г. опубликован П. И. Лазаренко в статье «Архитектура Киргизской ССР» в Сб. «Архитектура республик Средней Азии». М., 1951, с. 125.

7. Об архитектуре предоктябрьского периода Семиречья и северных районов Сырдарьинской области см. М. Мендикулов. К характеристике архитектуры Казахстана XIX—начала XX вв. в книге «Архитектура Казахстана». Алма-Ата, 1959.

8. Туркестанский календарь на 1904 г. Издание неофициаль-

ное. Ташкент, 1903. Положение об управлении Туркестанским краем. Статья 68. Примечание. Также ЦГИА СССР, Ф—1149, Т—XII. д. 203.

На архитекторов возлагается сверх обязанностей, предусмотренных ст. 349: а) составление проектов и смет на постройку и сооружение городских церквей, мечетей, больниц, скотобоен, общественных отхожих мест, дорог, улиц, мостов, ирригационных и пр. сооружений, которые производятся или поддерживаются на средства городов, а равно наблюдение за производством сих работ и составление в случае надобности технических по ним отчетов, б) наблюдение за правильным производством частных построек в городах, и в) производство оценок городских недвижимостей.

9. А. И. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем ... с. 504, 505.

10. Правила об устройстве областного города Ферганской области, пункты 5, 7, ЦГИА УзССР, Ф—19, оп. 3, ед. хр. 8.

11. Журнал заседания лиц, заведующих Перовским городским хозяйством 10 сент. 1902 г., ЦГИА УзССР, Ф—1, оп. 13, ед. хр. 271.

12. Правила об устройстве областного города Ферганской области, пункт 15. Такая большая

толщина стен, в известной мере, способствовала изоляции внутреннего пространства от излишней летней тепловой инсоляции.

13. Журнал заседания лиц, заведующих Перовским городским хозяйством 31 октября 1901 г. ЦГИА УзССР, Ф—1, оп. 13, ед. хр. 271.

14. ЦГИА УзССР, Ф—2231, оп. 1, ед. хр. 168.

15. Сведения о торжественном открытии моста 27 мая 1901 г. см. ТВ, 10 июня, 1901.

Расчетные данные пролетного строения следующие:

1. Расчетный пролет — 217 футов

2. Наибольшая высота в середине пролета — 30 футов 10».

3. Ширина между центрами ферм — 18 футов 2».

4. Вес одного пролета — около 130000 пудов.

5. Число пролетов — 25.

6. Чистое отверстие моста — 750 саж.

16. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, д. 28766.

17. Из приказа по Туркестанскому округу за № 144 от 11 апреля 1903 г., ТВ, 13 апреля 1903 г.

18. Б. В. Лукин. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность... с. 105.

19. ТВ, 15 марта 1894 г.

20. Вопрос организации и

технического выполнения водоснабжения города Ташкента всегда волновал инженерную общественность. Практические попытки городского управления устройства водопровода оканчивались неудачами, так как строительство оказывалось в руках разного рода дельцов. См. А. И. Д о б р о с м ы с л о в . Ташкент в прошлом и настоящем... с. 146—151.

Туркестанское отделение РТО неоднократно занималось вопросом водоснабжения Ташкента, создавая комиссии по проверке правильности разных проектных предложений. См. Б. В. Л у н и н . Научные общества Туркестана ... с. 115.

21. ТВ, 10 марта 1902 г.

22. Инженер Н. И. Габбин был один из наиболее активных исследователей местной строительной и художественной культуры. Помимо вопросов строительного дела, его очень интересовали кустарные промыслы, в частности, изготовление местных седел и арб. Н. И. Габбин. Кустарные промыслы. 1. Производство седел (ленчиков), Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области, вып. VII. Ташкент, 1899, с. 1—54. Он же, Кустарные промыслы, II. Производство арб, Там же, вып. VIII, Ташкент, 1900, с. 223—247.

23. ТВ, 4 августа 1906 г.

24. Даже в опубликованных

официальных сведениях о количестве жителей среднеазиатских городов к 1904 г., сведения о населении Андижана отсутствуют. См. таблицу в тексте с. 184, 185.

25. Председателем комиссии был В. С. Гейнцельман, а членами — инженеры Ферганского областного строительного отделения И. Р. Сакович, А. И. Бот и Э. Г. Брун.

26. Влияние землетрясения на постройки (выводы архитектора), ТВ, 23 января 1903 г. Подписи под статьей нет, но, очевидно, она принадлежит В. С. Гейнцельману, как руководителю комиссии, обследовавшей последствия андижанского землетрясения.

27. В. С. Г е й н ц е л ь м а н . К вопросу о постройках в области землетрясений. Туркестанский на 1904 год календарь. Ташкент, 1903, с. 1—5 (нет последовательной нумерации страниц).

28. А. И. Д о б р о с м ы с л о в . Ташкент в прошлом и настоящем... с. 315

29. О . А . С у х а р е в а . Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960, с. 75.

30. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 26174, л.—20, 21, 22.

31. Д о б р о с м ы с л о в . Там же, с. 403.

32. Г . Н . Ч а б р о в . Русские архитекторы дореволюционного

Туркестана (1865—1916 гг.). Сб. «Архитектурное наследие Узбекистана». Ташкент, 1960, с. 227, Прим.

33. Приказ по войскам Туркестанского военного округа 21 мая 1893 года № 165. Об объявлении благодарности В. С. Гейнцельману за отличное выполнение работ по строительству зданий большого рефрактора на Ташкентской обсерватории, ТВ, 30 мая (11 июня) 1893 г.

Приказ по Туркестанскому краю № 33 от 8 марта 1894 г. О включении В. С. Гейнцельмана в состав Комитета по постройке церкви на Лагерном проспекте (Сергиевской церкви). ТВ, 10 (22) марта 1894 г.

34. Помимо зданий и проектов В. С. Гейнцельмана, названных в тексте, в ЦГИА УзССР сохранились следующие его проекты: Ф—17, оп. 1, ед. хр. 18738.

Проект церкви для Ура-тубе (1896—?).

Проект церкви для с. Мерке (1897).

Проект колокольни для этой церкви (1898). Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28225.

Проект Публичной библиотеки (1880).

Проект нового дома генерал-губернатора (1880), Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28779.

Проект церкви в селении Троицком (1897).

Проект школы в селении Троицком (1897).

ицком (1897), Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28771.

Проект двухквартирного жилого дома для работников Госбанка (1889).

Проект здания Обсерватории (1880).

35. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр., 517. Дело о неблагонадежности мл. архитектора Бенуа и увольнении его от службы.

36. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28766.

37. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 2878.

38. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28775.

39. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28729.

40. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28781.

41. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28738.

42. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28771.

43. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28776.

44. Список построек и проектов гр. инж. Г. М. Сваричевского до 1917 г.

1. Жилой дом «Особняк» — 1890.

2. Жилой дом «Загородный» — 1894.

3. Административные стан-

ционные и производственные здания на Самарканд-Андижанской и южной части Ташкент-Оренбургской железной дорогах;

«Большие», «малые» и Главные мастерские на ст. Ташкент. Жилые дома, баня, водонапорные сооружения.

4. Вокзал в Ташкенте — 1898.

5. Железобетонный мост через Чирчик — 1899—1912.

6. Мужская гимназия в Новом Маргелане — 1900.

7. Аптека в Ташкенте — 1900—1906.

8. 2-я женская гимназия в Ташкенте — 1908—1916.

9. Железобетонный мост через Сырдарью — 1907.

10. 2-я мужская гимназия г. Ташкенте.

11. Техническое училище в Ташкенте.

12. Мариинское училище — 1910

13. Глазная лечебница в Ташкенте — 1910.

14. Здание Судебных установлений (совместно с К. М. Тильтиным и инж. Г. К. Поповым) — 1910—1918.

15. Жилой дом Н. И. Закаменного — 1910—1912.

16. Реконструкции мужской гимназии в Ташкенте — 1906.

17. Жилые дома — 1914—1915.

18. Технический строительный музей — 1915 (не осуществлено).

19. Сельский образец школы — 1915—1916.

20. Жилой дом И. и С. Вадьяевых в Коканде — 1905.

21. Кинотеатр «Хива» — 1910—1916.

22. Театр «Хива» — 1916 (не осуществлено).

23. Гостиница «Регина».

24. Летний кинотеатр «Хива» — 1912.

25. Благовещенская церковь на ст. Ташкент.

26. Родильный приют в Ташкенте — 1905.

27. Отделение госбанка в Пишпеке.

28. Чаеразвесочная фабрика бр. Поповых в Самарканде — 1901.

29. Дом-квартира врача земской больницы.

30. Магазины (не осуществлено).

31. Проект жилого дома и Управления Главного инспектора учебных заведений Туркестанского края.

Список составлен по личному архиву Г. М. Сваричевского и архивов Областных Строительных отделений ЦГИА УзССР, Ф—22 42, оп. 1.

45. ЦГИА УзССР, Ф—2242, оп. 1, ед. хр. 32 и 29.

46. ЦГИА УзССР, Ф—17; оп. 1, ед. хр. 28769.

47. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28729.

48. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 20738.

49. ЦГИА УзССР, Ф—17, оп. 1, ед. хр. 28774.

Список сокращений

- ТВ — «Туркестанские ведомости» — газета, Ташкент
ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.
СКСО — Справочная книжка Самаркандской области.
Издание Самаркандского статистического управления Средазкомстарис — Среднеазиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.
ИРГО — Известия Русского географического общества.
ЦГИА УзССР — Центральный государственный исторический архив УзССР — Ташкент (в системе Государственного архива).
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР — Ленинград.
ЦГВИА СССР — Центральный государственный военно-исторический архив СССР — Москва.

Содержание

Вместо предисловия	5
Социальные и культурные предпосылки	7
Ташкент	
Старый город	19
Новый город	36
Самарканд	93
Города Ферганской долины	
Коканд	109
Новый Маргелан	119
Наманган	129
Андижан	135
Каган, Бухара	151
Хива	161
Архитектурные итоги	186
Примечания	208
Список сокращений	208

Владимир Анатольевич Нильсен

У ИСТОКОВ СОВРЕМЕННОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА УЗБЕКИСТАНА

(XIX — начало XX веков)

Рецензенты: доктор исторических наук Б. В. ЛУНИН,
доктор архитектуры И. И. НОТКИН,
доктор искусствоведения Л. И. РЕМПЕЛЬ.

Редактор Д. А. Бытовский

Художник Н. А. Взенконская

Художественный редактор Ю. Я. Габзалилов

Технический редактор Т. И. Смирнова

Корректоры Т. И. Красильникова, Х. Байходжаев.

ИБ 3899

Сдано в набор 18.11.87. Подписано в печать 2.08.88. Р 01587 70×90/16. Бумага мелованная. Гарнитура обыкновенно-новая. Офсетная печать. Усл.-печ. л. 15,21. Усл. кр.-оттисков 23,11. Уч.-изд. л. 16,55. Тираж 10000. Заказ № 2122. Цена 2 р. Договор № 193-86.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Фонд ГИ ТИПО «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ташкент, ул. Усмани Юсупова, 86.